
ЛУЧШЕЙ
ТКАЧИХЕ
ВОРСА
ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Copyrighted material

Постоянная строительная выставка

Свыше 20 лет в Москве существует Постоянная всесоюзная строительная выставка, наглядно пропагандирующая новейшие методы строительства.

Многочисленные экспонаты дают посетителю представление об огромных достижениях советской строительной техники, о работах на великих стройках коммунизма. На выставке есть специальные павильоны высотного строительства; в натуральную величину представлены механизмы новейших конструкций. В павильоне строительных материалов показаны образцы гранита, мрамора, гипсовых архитектурных деталей, керамических изделий, кирпича всех видов, стекла.

Только за последний год на выставке побывало более ста тысяч человек, а за все время существования всеми видами пропаганды обслужено более 12 миллионов человек.

Книга отзывов красноречиво говорит о большой пользе, которую приносит выставка. Строители МГУ пишут: «Мы увидели, какими богатствами обладает наша страна и какая у нас передовая строительная техника».

Белорусская делегация строителей оставила следующую запись: «Грандиозно, есть чему поучиться...»

На снимке: В павильоне строительных материалов.

Фото Я. Славина

На первой странице обложки: В письме москвичей товарищу Сталину рабочие шелкоткацкого комбината имени Щербакова обязались до конца 1951 года дать сверх плана 860 тысяч метров ткани. Свое слово щербаковцы сдержали. Лучшая ткачиха комбината Агриппина Егоровна Струныгина уже с 4 сентября прошлого года работает в счет 1952 года.

На снимке: А. Струныгина у своего станка.

Фото Я. Рюмкина

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 3 (1284)

30-й год издания

13 ЯНВАРЯ 1952

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Студенты сдают экзамены

Петровско-Разумовское — студенческий район Москвы, где в четырех институтах учится более десяти тысяч студентов, где все население тесно связано с высшей школой. В дни экзаменов даже на улицах ощущается приподнятое, взволнованное настроение. Молодежь с книжками и чертежами подмышкой спешит в аудитории. В окнах огромных корпусов студенческих общежитий лишь под утро гаснут огни.

Группа студентов входит в здание Московского института инженеров водного хозяйства имени В. Р. Вильямса. Экзамены здесь идут пятый день. Подавляющее большинство студентов получило отличные и хорошие отметки.

— Что нового в экзаменах этого года?

— Экзаменуется на 600 студентов больше, чем годом раньше,— отвечают в институте.— В связи с тем, что вуз готовит кадры для великих строек коммунизма, число студентов будет возрастать из года в год. Нынешний выпуск — самый большой: институт кончают 186 студентов.

В лаборатории экзамен по курсу гидротехнических сооружений принимают академик Е. А. Замарин, профессора, доценты. Студенты, взяв билеты, готовятся к ответам.

Первым отвечает Николай Самсонов, Сталинский стипендиат.

Экзамен длится недолго, и Самсонов подает свою зачетную книжку. В ней появляется еще одна отличная отметка — сорок вторая за годы его учебы в институте. Николай Самсонов — сын ветеринарного фельдшера из колхоза близ Великих Лук. Он участвовал в Отечественной войне и был тяжело ранен под Варшавой. В июле Самсонов окончит институт и поедет на одну из великих строек. Он мечтает о Северо-Крымском канале, где уже побывал прошлым летом во время производственной практики.

В другом районе города расположен Московский горный институт имени И. В. Сталина. И здесь число студентов возросло по сравнению с прошлым годом. Экзамены были в полном разгаре. В коридорах стоял приглушенный гул: студенты вполголоса перечитывали свои записи, кто рассказывал о пережитом во время экзамена, кто с нетерпением ждал экзаменующихся друзей.

Из лаборатории, где шел экзамен, вышел студент четвертого курса Евгений Котенко.

— Ну, как?

— «Отлично»! — радостно ответил он.

В этот день никто не получил неудовлетворительной отметки.

Академик Е. А. Замарин экзаменует Николая Самсонова.

— «Отлично»! — сказал товарищам Евгений Котенко, выйдя с экзамена.

Фото Е. Умнова

Пражская конференция

В этом доме города Праги (Чехословакия) сорок лет назад — 18 января 1912 года — тайно, преодолевая большие трудности, минуя многочисленные рогатки «своей» и заграничной полиции, собрались русские большевики на Шестую Всероссийскую партийную конференцию.

После смерти Энгельса западноевропейские социал-демократические партии перерождались в реформистские, идущие на услужение к своей буржуазии. На подобный же путь толкали и меньшевики, предлагавшие ликвидировать революционную партию пролетариата. Для руководства русским рабочим классом, поставившим своей задачей свершение пролетарской революции, нужна была совершенно новая партия, партия нового типа, отличная от обычных социал-демократических партий Запада, свободная от оппортунистических элементов. Пражская конференция была призвана решить эту задачу, связанную с руководством возрастающим революционным движением в России.

Работой конференции руководил В. И. Ленин. В те годы он находился в эмиграции. Ближайший соратник В. И. Ленина товарищ Сталин был в вологодской ссылке.

На конференции присутствовали представители более чем от двадцати партийных организаций. Прибыли делегаты от Москвы, Петербурга, Киева, Казани, Баку, Тифлиса, Николаева, Екатеринослава и других городов нашей страны. Тифлисскую организацию представлял Г. К. Орджоникидзе, бакинскую — С. С. Спандарьян.

Меньшевики и другие враги ленинско-сталинской партии яростно выступали против созыва Пражской конференции, но они не могли помешать в этом истинным марксистам — большевикам, руководимым Лениным и Сталиным.

Пражская конференция сыграла величайшую роль в истории большевистской партии и революционного рабочего движения. Конференция изгнала меньшевиков из рядов партии и навсегда покончила с формальным объединением большевиков в одной партии с меньшевиками. Конференция объединила большевистские организации в единую партию. Она подвела итог всей предшествовавшей борьбы Ленина, Сталина, их верных соратников, большевистских партийных организаций за очищение и укрепление партии большевиков.

«Можно с уверенностью сказать,— говорится в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», — что никогда еще в истории ни одна политическая группа не была так основательно подготовлена к тому, чтобы оформиться в партию, как большевистская группа».

Большевики готовили настоящую марксистскую партию уже со времени старой «Искры». Выделившись в 1903 году в самостоятельное большевистское течение и оформившись в 1905 году на своем съезде, большевики на Пражской конференции положили начало партии нового типа — большевистской партии, великой партии ленинизма.

Гениальные вдохновители, организаторы и вожди коммунистической партии Ленин и Сталин в течение долгих лет в тяжелейших условиях царского режима и эмиграции упорно и настойчиво готовили свою партию; идейно вооружая революционный рабочий класс, разрабатывая тактику его борьбы с капитализмом, создавая и укрепляя организационные формы этой борьбы, Ленин и Сталин объединяли и сплачивали вокруг себя подлинных борцов за дело коммунизма. Великие вожди трудящихся упорно и настойчиво создавали боевой, организационно крепкий и политически подготовленный авангард рабочего класса. Пражская конференция занимает особое место в истории создания такого авангарда.

Конференция в своих решениях отметила неизбежность нового революционного подъема в недалеком будущем и поставила задачу решительной подготовки к этому подъему. На конференции был избран Центральный Комитет, членом которого заочно избран товарищ Сталин. По предложению В. И. Ленина товарищ Сталин возглавляет Русское бюро ЦК, созданное конференцией для руководства революционной работой в России. Еще в декабре 1910 года в письме в ЦК партии товарищ Сталин писал из сольвычегодской ссылки: «По-моему, для нас очередной задачей, не терпящей отлагательства, является организация центральной (русской) группы, объединяющей нелегальную, полулегальную и легальную работу на первых порах в главных центрах (Питер, Москва, Урал, Юг). Назовите её как хотите — «русской частью Цека» или вспомогательной группой при Цека — это безразлично. Но такая группа нужна как воздух, как хлеб».

После конференции Владимир Ильич поручает Серго Орджоникидзе связаться с товарищем Сталиным, находившимся в ссылке, и информировать его о решении конференции. Орджоникидзе выезжает к товарищу Сталину в Вологду. В конце февраля 1912 года товарищ Сталин вновь бежит из ссылки. Находясь на воле, товарищ Сталин претворяет в жизнь решения конференции.

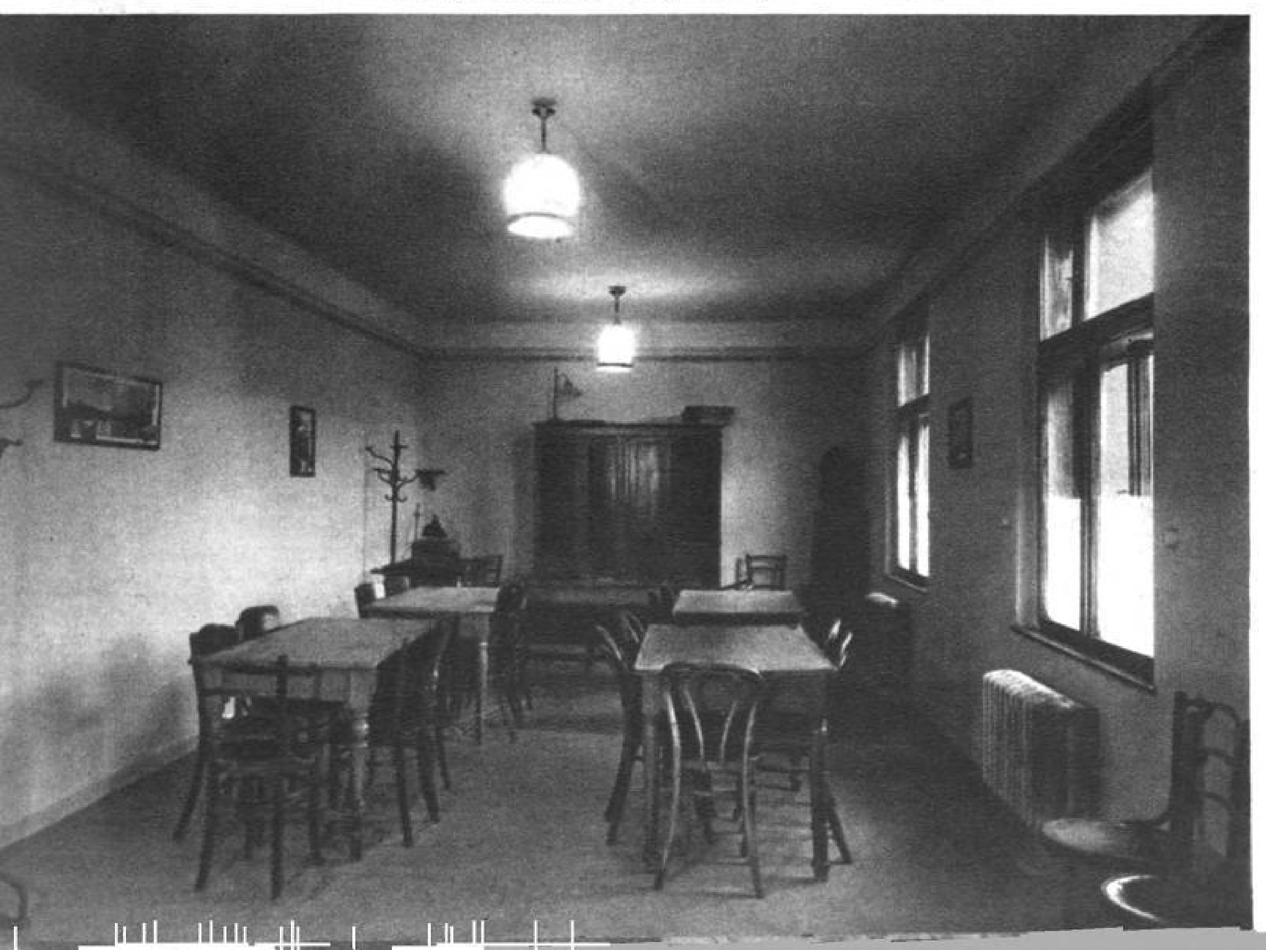
Важнейшую роль в деле укрепления большевистской партии и усиления ее влияния в массах сыграла газета «Правда», основанная по указанию В. И. Ленина, по инициативе товарища Сталина. Первый номер «Правды» (5 мая 1912 года) был подготовлен товарищем Сталиным. «Правду» 1912 года товарищ Сталин назвал закладкой фундамента для победы большевизма в 1917 году.

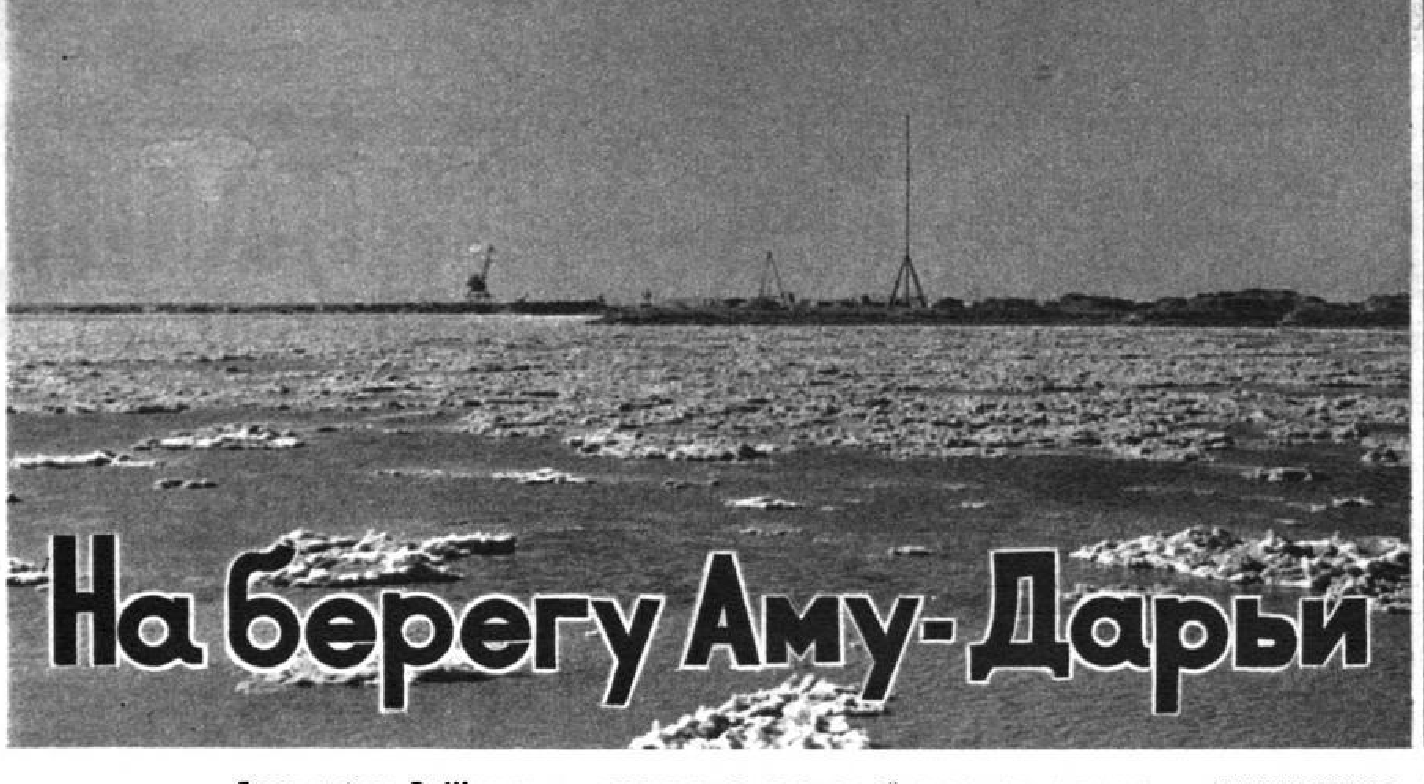
«Очищение пролетарской партии от оппортунистов, от меньшевиков, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — осуществленное Пражской конференцией, имело важное, решающее значение для дальнейшего развития партии и революции. Если бы большевики не изгнали из партии изменников рабочего дела, соглашателей-меньшевиков, пролетарская партия не могла бы в 1917 году поднять массы на завоевание диктатуры пролетариата».

Пражская конференция положила начало той великой партии, под руководством которой свершилась Октябрьская социалистическая революция, под руководством которой в нашей стране построено социалистическое общество, ставшее призывным маяком для всех трудящихся нашей планеты, для всего передового человечества.

Под руководством партии Ленина — Сталина советский народ уверенно идет к коммунизму.

Комната, где проходили заседания Пражской конференции.

На берегу Аму-Дарьи

Текст и фото В. Шульги

Вблизи мыса, у земляных отвалов, приютилось несколько глинобитных кибиток рыбаков. А кругом песок да колючки. И кажется, что здесь,

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,

никогда, никакой силой не заставишь цвести растения. Туркмены с грустью смотрели на простиравшуюся кругом пустыню, тревожно внимали вою ветра, сбивавшего с ног верблюдов, и вспоминали народную пословицу: «Когда птица летит через Кара-Кумы, она теряет перья, когда человек идет через Кара-Кумы, он теряет ноги».

В морозно-ветреный декабрьский день 1950 года сюда, на мыс Тахиа-Таш, в гости к туркменам приехали первые строители. Старики слушали их рассказы о будущем самого длинного в мире водного канала, о будущем Кара-Кумов и этого почти безлюдного мыса Тахиа-Таш, которому суждено стать грандиозной строительной площадкой головного гидроузла. Тогда рыбакам казалось, что слушают они чудесную сказку...

Прошло немногим более года. И вот уже не узнать здешних пустынных мест.

Пристань! Никогда сюда не прибывало столько судов, как в эту пору. Высоко к небу поднял свой могучий хобот только что смонтированный новый портальный кран. Идет разгрузка барж, доставивших грузы на стройку (снимок вверху справа). Здесь все напоминает о подготовке к генеральному наступлению на пустыню, наступлению, которое протянется широким фронтом в 1 100 километров — от мыса Тахиа-Таш до Красноводска. Со всех концов страны прибывают машины, механизмы, огромные ящики с деталями экскаваторов — все, что потребуется строителям электростанции, плотины...

Их уже много тут — людей, которые будут строить канал. На мысе Тахиа-Таш сооружают для них город. Он не имеет пока официального названия, и условно его величают «Новый Тахиа-Таш». Контуры города, которого еще нет ни на одной карте, день ото дня вырисовываются все отчетливее. Вот будущая улица (снимок внизу слева). Вытянулись двухэтажные дома, школа-десятилетка, столовая, пекарня, десятки брусчатых сборно-щитовых домиков. Рукой строителей, поселившихся в «Новом Тахиа-Таше», посажены около домов молодые деревца. Заботливо ухаживают за ними ребятишки. С первых же дней рождения городка открылись двери школы-десятилетки, в которой сейчас обучаются 244 ученика.

Городок растет быстро. Воздвигает его местная молодежь, с любовью осваивающая новые профессии каменщиков и плотников. Есть среди них свои герои. На нашем снимке в круге — руководитель прославленной бригады каменщиков, молодой туркмен Розы Таганов (справа).

Потребность в жилье на Тахиа-Таше столь велика, что пришлось открыть свой домостроительный завод. Вот его склад «готовой продукции» — стоят новые дома. Сейчас сюда придет мощный тягач и на «фундаменте-полозьях» перетянет новый дом к постоянному месту, обозначенному генпланом.

Жители нового города радостно отмечают каждую примету приближающегося наступления на пустыню. В конце минувшего года все дома облетела весть:

— Приступили к пробному пуску модели отстойника.

С его помощью воды Аму-Дарьи перед тем, как они вольются в канал, будут очищаться от наносов. Модель, сооруженная в удобном месте на берегу Аму-Дарьи, позволит проектировщикам найти наилучшее конструктивное решение (снимок внизу справа).

Так трудятся сегодня на Тахиа-Таше, на берегу Аму-Дарьи. Строители делают все для того, чтобы приблизить радостный день, когда

Зыбучие пески воды узнают вкус,
И зеленью травы покроется пустыня.

ОГОНЁК *отвечает*

РАССКАЗ О ГЕРОЯХ КРАСНОДОНА

Бессмертны имена участников краснодонского подполья, создавших под руководством испытанных большевиков организацию «Молодая гвардия». Вступают в жизнь новые поколения, и перед ними вновь возникают немеркнущие образы юных героев. Советскую молодежь волнует все, что связано с памятью молодогвардейцев. В письмах, поступающих в «Огонек», спрашивают о судьбах оставшихся в живых членов «Молодой гвардии», о семье Кошевого и Тюленина, интересуются, каким был в жизни большевик Ф. П. Лютиков, направлявший боевую деятельность молодых подпольщиков.

Наш корреспондент выехал в город комсомольской славы — Краснодон, побывал у родителей молодогвардейцев, ознакомился с документами, собранными в местном музее. Он беседовал также с проживающими в Москве Валей Борц и Василием Левашевым. Ниже публикуется ответ на письма читателей.

Филипп Петрович Лютиков. Довоенный снимок.

Ранней весной 1943 года мы были в маленьком шахтерском городке, имя которого ныне известно всему миру. В те дни Краснодон, лежавший в руинах, погрузился в глубокий траур: горняки хоронили в братской могиле своих юных земляков — героев «Молодой гвардии».

И вот мы снова в Краснодоне. Давно уже залечены раны, нанесенные войной, город отстроился, похорошел. Желтоватый дымок весело вьется над холмистой степью, где гордо возвышаются терриконы. От станции отходят поезда, груженные темносеребристым углем. А уголь добывают в рудниках, которые носят имена членов «Молодой гвардии»: Сергея Тюленина, Олега Кошевого. Здесь есть и улицы имени Кошевого, Тюленина, Земнухова...

В центре Краснодона, на пригорке, в большом, просторном доме, размещен теперь музей подпольной комсомольской организации. За последнее время он пополнился новыми материалами о руководителях большевистского подполья в Краснодоне. Эти материалы проливают яркий свет на мужественное поведение коммунистов, сумевших организовать в труднейших условиях оккупации грозное подполье.

На видном месте в музее — портрет Филиппа Петровича Лютикова. А чуть пониже, в рамке, подпись:

«В начале июля 1942 года Лютиков был вызван в Краснодонский райком партии. На вопрос, готов ли он остаться для подпольной работы, Лютиков, не задумываясь, ответил:

— Я солдат партии. Воля райкома — для меня закон. Любое задание партии я готов выполнить. Я обещаю оправдать доверие партии...»

С огромным интересом посетители музея рассматривают дорогие реликвии, рисующие светлый и благородный образ большевика. Вот текст клятвы, которую принимал Лютиков. Вместе с ним слова этой священной клятвы произнесли в райкоме партии инженер-коммунист Николай Петрович Бараков и другие коммунисты. Оставшись по приказу партии в тылу фашистов, Лютиков устроился прорабом в механическом цехе краснодонского дирекциона, а начальником этого цеха стал Бараков.

Посетители музея читают воспоминания кандидата партии Евгения Мошкова о его первой встрече с Лютиковым. Филипп Петрович сказал тогда Мошкову:

— Мы каждый день должны напоминать людям о себе, о свободе, о советской власти. Пока мы еще не начали выпускать листовки. Но у меня созрел такой план: в моем сарае зарыт сундук, в нем хранится подшивка газеты «Правда», я ведь лет двадцать подписчиком «Правды» состою. Придется сундук открыть и брать оттуда газеты, чтобы расклеивать по городу. Пусть люди прочтут советское слово. И старайся выбирать такие номера газеты, где напечатаны портреты Ленина и Сталина. Газет хватит для начала.

— Но это же старые газеты! — возразил было Мошков.

— Наша большевистская «Правда» никогда не стареет, — ответил Лютиков.

С первых же дней борьбы комсомольцы подполья чувствовали твердую направляющую руку Филиппа Петровича. Все операции юных краснодонцев тщательно разрабатывались подпольной партийной организацией. До последних дней Лютиков и Бараков сохраняли конспирацию, и, когда были арестованы молодогвардейцы, их друзья продолжали наводнять город листовками и совершать диверсии. Был разработан план спасения молодогвардейцев, которые томились в застенках гестапо. Но осуществить этот план не удалось.

9 января 1943 года руководители подполья были арестованы. Филиппа Петровича терзали несколько дней. Гестаповцев бесило хладнокровие железного большевика. Лютиков, приходя в себя после пыток, пел в камере песню «Замучен тяжелой неволей». По его указанию Ульяна Громова передавала азбукой Морзе:

«Последний приказ штаба... Последний приказ.. Нас повезут на казнь. Нас повезут по улицам города... Мы будем петь любимую песню Ильича... Последний приказ...»

Слова этого приказа воспроизводятся в музее.

...Мы побывали в центральных механических мастерских Краснодона. В дни оккупации здесь работали Лютиков и Бараков. Сейчас в мастерских работает дочь Филиппа Петровича комсомолка Рая Лютикова. Она член комитета комсомола.

— Хочу вступить в партию, членом которой состоял мой отец, — говорит Рая.

Ей было 12 лет, когда прощался с ней Филипп Петрович. Он подарил дочке географический глобус (это было в день рождения) и сказал ей:

— Вот когда на этом шарике везде будет народная власть, тогда не будет войн и отцам не придется расставаться с детьми...

Рая хранит подарок отца.

Живет в Краснодоне и Елена Николаевна Кошевая — мать Олега. Она заведует детским садом на шахте имени Сергея Тюленина. Мы застали ее в светлом зале. Свою материнскую любовь Елена Николаевна отдает теперь шахтерским детям. Часто она приходит в дом, где раньше жила с семьей. Любит Елена Николаевна сидеть в садике, что примыкает к дому. Там на ветру раскачивается тонкая яблонька, которую до войны посадил ее сын.

Мать героя получает огромное количество писем. Только в 1951 году почтальон доставил ей более 5 тысяч писем.

С Еленой Николаевной живет и бабушка Вера. Она постарела, но не теряет бодрости духа, часто встречается со школьниками и рассказывает им о своем Олежке...

На улице имени Молотова, в доме № 6, живет мать Сергея Тюленина Александра Васильевна. Много горя перенесла она в дни оккупации. Палачи пытали ее на глазах у сына.

— Эти звери даже маленького внучонка не пожалели, — вспоминает Александра Васильевна. — Притащили они его в камеру, а

Ольга Иванцова с командой шахтеров-волейболистов.

Валерику чуть больше годика было, и давай щипать внучка, хлестать его по щечкам, иголками под ноготочками колоть, чтоб Сергей сознался. А сын мой зубами скрипит и люто смотрит на фашистов...

Мать умолкает, и в комнате долго стоит тишина.

— Валерик-то наш вырос,— продолжает Александра Васильевна. — Десять лет ему. В третий класс ходит. Отличные отметки получает. Сережа очень любил его. Помню, всегда катал Валерика на Бароне — так он звал свою лохматую собаку...

Ольгу Иванцову — бывшую разведчицу «Молодой гвардии» — мы застали в городском парткабинете.

— Готовлюсь к очередному семинару, — сообщила она, поправляя каштановые, чуть золотистые волосы. — Руковожу агитколлективом. Я секретарь партийной организации. Работы хватает.

И затем добавляет:

— С молодежью связи я не порываю. После войны работала комсоргом ЦК ВЛКСМ в школе ФЗО № 26. Школа наша готовила кадры крепильщиков, врубмашинистов, проходчиков. Как я воспитывала будущих шахтеров? Добивалась, чтоб они в своей жизни и работе походили на моих друзей из «Молодой гвардии».

После школы ФЗО Ольга Иванцова три года работала начальником отдела кадров треста «Краснодонжилстрой». В 1948 году вступила в партию. Упорно занималась. Ее мечта — стать горным инженером.

— А где ваша сестра? — спросили мы у нее.

— Нина? Она в Ворошиловграде. Вы ее найдете в Климовском райкоме партии.

Нина Иванцова! Это ей, пожимая руку, горячо говорил Олег Кошевой:

— Нина, мы будем партизанами! Ты представляешь, что такое партизан?.. Он убьет одного врага, другого, убьет сотого, а сто первый может убить его... Партизан никогда не дорожит своей личной жизнью. Он никогда не ставит свою жизнь выше интересов Родины...

— Я всегда помню слова милого Кашука, — сказала нам Нина Иванцова, когда мы встретились с ней. — Олег мечтал стать коммунистом. Сколько раз он нам об этом говорил! Его заветную думу осуществили мы, оставшиеся в живых молодогвардейцы.

Нина Иванцова добровольно пошла на фронт и мстила врагам за смерть своих боевых товарищей.

— Я тоже расписалась на стене рейхстага, в Берлине, — рассказывает Нина. — И рядом со своим именем я поставила имена Олега Кошевого, Сережи Тюленина, Уляши Громовой...

Демобилизовавшись из армии, Нина Иванцова поступила в областную партийную школу в городе Сталино, успешно ее закончила, и теперь она партийный работник. Инструктор райкома партии в Ворошиловграде, Нина Иванцова глубоко изучает деятельность партийных организаций, вникает в производственную жизнь предприятий, умело налаживает здесь партийную работу. Слово ее весомо и авторитетно. Недавно в заводском цехе на митинге, посвященном борьбе за мир, она взволнованно говорила:

— Мои друзья-молодогвардейцы отдали свои юные жизни за торжество мира, в котором мы с вами живем. Будем же крепить этот мир стахановским трудом...

Инструктор райкома партии Нина Иванцова беседует с молодыми рабочими завода имени Октябрьской революции.

Партийным работником стал и Михаил Шищенко. По заданию штаба «Молодой гвардии» он создавал подпольные группы на шахтах и в поселках района.

Мы связались с ним поздно ночью по селектору из треста «Краснодонуголь». Он был в лаве. Вот запись нашей беседы:

«**Вопрос.** Здравствуйте, Михаил Тарасович! Читатели «Огонька» интересуются судьбой оставшихся в живых молодогвардейцев. Расскажите, пожалуйста, как сложилась ваша жизнь после освобождения Краснодона.

Ответ. Я работал секретарем Ровеньковского райкома комсомола. Из окна моего кабинета была видна могила, где похоронены Олег Кошевой и Люба Шевцова. Когда мне приходилось трудно, я вспоминал погибших товарищей и работал с утроенной энергией.

Вопрос. Давно ли вы на партийной работе?

Ответ. Третий год я работаю секретарем партийной организации Дзержинского шахтоуправления. Наши горняки-стахановцы называют себя молодогвардейцами труда.

Вопрос. С какими показателями шахта пришла к новому году?

Ответ. Еще 29 октября горняки «Дзержинки» выполнили годовой план. Немалую роль в этом играет наша партийная организация...».

* * *

А где Радик Юркин? Жора Арутюнянц? Что поделывает Валя Борц? Как живут Василий Левашев, Анатолий Лопухов?..

Мы навели справки.

Мать Радия Юркина Мария Константиновна охотно сообщила нам:

— Сын еще на школьной скамье мечтал стать летчиком. А теперь добился цели.

Из семейного альбома Мария Константиновна достает портрет сына:

— Недавно прислал. Старший лейтенант. Летчиком служит. Он и на фронте дрался. Когда его наградили орденом Красного Знамени, Радик писал мне: «За кровь

Жора Арутюнянц с женой Шурой.

Летчик старший лейтенант Р. П. Юркин со своими сыновьями Юрием (справа) и Валерием.

Валерия Борц и Василий Левашев в Москве, на квартире Борц.

Анатолий Лопухов.

Михаил Тарасович Шищенко, секретарь партийной организации Дзержинского шахтоуправления.

Олега и товарищей я мщу врагу беспощадно».

Улыбнувшись, хозяйка замечает:

— Я уже бабушка. Радик-то мой женился. Двух ребятишек имеет...

Учительница школы имени Горького Полина Дмитриевна Лопухова рассказала о своем сыне:

— Анатолий часто пишет мне. Каждое лето приезжает в отпуск. В Ленинграде он закончил военное училище.

После небольшой паузы Полина Дмитриевна добавляет:

— С ним ведь и Жора Арутюнянц учился...

На окраине Краснодона, над крутым оврагом, стоит маленький белый домик. Тут живет Минас Артемьевич Арутюнянц, высокий, худой старик. Это отец Жоры, одного из активнейших молодогвардейцев.

Перебирая пачку фотографий и пожелтевших от времени газетных вырезок—свой семейный архив,— старик рассказывает:

— Вот снимок Жоры. Он прислал его нам из Москвы, когда был делегатом XI съезда комсомола. А эту фотографию мы получили из Ленинграда. А эту — из Киева. Он там сейчас живет. Хотите знать его адрес? Киев, Большая Житомирская, 21, квартира 13.

Зашли мы и в дом Левашевых. Семидесятилетний Иван Иванович, узнав, что мы из Москвы, попросил:

— Вы там моего Василия повидайте. Он учится в Военной академии. Морской офицер...

* * *

И вот мы снова в Москве. Военно-политическая академия имени В. И. Ленина. Разыскали Василия Левашева. Интересуемся:

— Давно ли стали моряком?

Он неторопливо рассказывает:

— Когда коммунист Лютиков дал нам команду покидать Краснодон, я перешел линию фронта и влился в ряды советских войск. Был рядовым... Освобождал родной Донбасс, Запорожье, Бессарабию. Был комсоргом батальона, потом комсоргом полка, штурмовал Берлин. В 1947 году попал в Севастополь. Был секретарем комсомольской организации корабля. Теперь — слушатель академии...

— Как вы учитесь?

Василий Левашев застенчиво улыбается, мнется:

— Вроде ничего. Сдал экзамены.

— С Валей Борц встречаетесь?

— Как же. Она тоже здесь, в Москве. Сегодня вечером зайду к ней. Хочу у нее маленькую консультацию по английскому языку получить...

Зимний вечер. Мы в светлой и уютной комнате в доме на Новопесчаной улице. За роялем — Валерия Борц. Рядом с ней — ее товарищ по подполью Василий Левашев.

Валя успешно закончила в 1951 году Московский институт иностранных языков. Она в совершенстве владеет испанским и английским языками и сейчас работает преподавателем.

Здесь мы рассматриваем фотографию монумента, который будет поставлен над могилой героев. Ворошиловградские скульпторы Виктор Мухин, Василий Агибалов и Василий Федченко свыше четырех лет работали над этим памятником. В скульптуре запечатлена клятва юных героев у боевого знамени.

В Краснодоне сейчас сооружается величественный Дворец культуры имени «Молодой гвардии».

Город свято чтит память славных героев, чьими именами гордится советский народ.

Л. ВЛАДИМИРОВ

Монумент молодогвардейцам, который будет установлен на могиле героев.

Новые профессии

Стахановки - электроискровики (слева направо) сестры Тамара и Нина Воропаевы, Людмила Губанова, Екатерина Каверзнева и Зинаида Гусева.

Фото И. Фетисова

Ленинградский карбюраторный завод имени В. В. Куйбышева. Цех дизельной аппаратуры. Нас встречает инженер Иван Сергеевич Григорьев. Когда-то он начинал свой трудовой путь на этом же заводе слесарем. Теперь Григорьев — начальник цеха, пионер нового производства высокого класса точности. В этом цехе все необычно: не видно привычных глазу станков, не встретишь и рабочих прежних профессий.

— Вот наши электроискровики,— показывает Иван Сергеевич на рабочих в белых халатах.

Они сидят в удобных креслах у портативных установок и обрабатывают детали электрической искрой.

— Эта профессия недавно родилась, но у нее большое будущее,— говорит инженер.

Электроискровики прошивают электрической искрой в металле малые отверстия. Малые, собственно, не то слово: размер отверстий лишь в два раза превышает толщину... человеческого волоса.

Прежде эта точнейшая операция выполнялась на специальных сверлоточных станках, шпиндель которых вращался со скоростью 60 тысяч оборотов в минуту. Не многим удавалось овладеть сложной профессией. Сверла часто ломались, не выдерживая скорости.

И вот в 1951 году в цехе исчезла профессия сверловщиков. Их заменили электроискровики.

...На столах стоят миниатюрные электроискровые установки размером меньше обычных кассовых аппаратов. Стахановки — сестры Тамара и Нина Воропаевы, Людмила Губанова, Екатерина Каверзнева, Зинаида Гусева — первыми освоили работу на новых установках.

Электроискровики — не единственная новая профессия, рожденная техническим прогрессом. На ленинградских заводах появились электротокари — люди, внедряющие электромеханический способ обработки металла; электрозаточники, занимающиеся продлением «живучести» инструмента; автоматчики - наплавщики, экономящие быстрорежущую сталь; электролекальщики, электрополировщики. Много новых профессий возникло в ленинградской индустрии в минувшем году.

К. ЧЕРЕВКОВ

ОГНИ В СТЕПИ

Яков СУХОРУКОВ

Фото Н. Калинина

В Рубцовск поезд пришел ночью.

Вправо от вокзала сияли электрические огни. Двумя лентами они уходили далеко в Алейскую степь.

— Там наш АТЗ, — показал в сторону огней пассажир, вышедший вместе с нами из вагона.

Мы обрадовались: есть попутчик. Игнат Васильевич Тугунов, крепкий, лет пятидесяти мужчина с короткой широкой бородой, какие любят носить на Алтае, возвращался домой из Барнаула. Еще в пути он рассказывал нам о заводе, о рабочем поселке, о людях. Многих из работающих на заводе он знал по имени и отчеству.

— Тут и пешком недалеко, а хотите, можно вызвать такси, — сказал он.

Игнат Васильевич перебросил через плечо вещевой мешок и добавил:

— Мне-то с вами не по дороге. Мне еще до Третьякова, а там и наш колхоз рядом. «Красный пахарь». Не слыхали?

— А вы же говорили: «Наш АТЗ»?!

Игнат Васильевич посмотрел на нас с недоумением.

— А чей же? Наш, алтайский. На глазах вырос. И мы помогали, чем могли. Там работают наши колхозники. Специалистами стали, мастерами. Да и тракторы в колхозе оттуда. По всем статьям наш, — заключил он.

На попутной машине мы въехали в поселок тракторостроителей. Замелькали добротные дома, обнесенные железной оградой. Скоро стало ясно, что мы находимся не в поселке, а в настоящем городе. По сторонам центральной улицы имени Сталина тянулись широкие аллеи. Мы представили себе, как хорошо здесь бывает летом.

Утром, когда шла беседа с директором завода Александром Александровичем Ежевским, он, кивнув в сторону окна, сказал:

— Посмотрите: на том месте, где литейный цех, колхозные ребятишки не так уж давно собирали землянику. А теперь здесь делаем тракторы...

Директор раскрыл один из лежавших на столе альбомов. Под первым снимком была подпись: «Инженер М. С. Сидельников после испытания нового трактора».

— Наш ветеран, — сказал директор, — советую познакомиться. Живая история завода...

На одной из фотографий был общий вид завода и часть города. Вверху крупно написано: «Наш АТЗ».

1. «Смотри вперед»

С ветераном завода Михаилом Степановичем Сидельниковым мы встретились под вечер у него в кабинете. Он подписывал какие-то документы и то и дело говорил по телефону. Напряженный рабочий день, видимо, давал себя знать. Михаил Степанович выглядел старше своих сорока лет. Но стоило заговорить о заводе, как лицо инженера оживилось и помолодело.

— Тракторы нашей марки теперь известны так же, как марки «ХТЗ», «ЧТЗ» и «СТЗ». Харьковчане, челябинцы и сталинградцы дают хорошие машины, но и мы не отстаем. Смотрим вперед... В этом году удалось завоевать первое место. Наши тракторы знают теперь и за границей. Вот взгляните.

На второй странице газеты «Алтайская правда» мы увидели снимок: группа китайских юношей и девушек окружила трактор с маркой «АТЗ». У Михаила Степановича есть также фотографии из Албании, Румынии, Болгарии и Венгрии.

Снова позвонили. Инженер взял трубку. Судя по тому, как озарилось его лицо, вести были приятные.

— Вот видите, — кладя трубку, сказал он, — последние десять тракторов в счет годового плана готовы. Это наш подарок к Новому году. Хотите посмотреть машины?

Мы вышли. На просторном заводском дворе было пустынно. Изредка доносились сюда мерные вздохи кузнечных молотов, да время от времени гудели тракторные моторы. Только у ворот сборочного цеха собрались рабочие и оживленно о чем-то говорили, смеялись, пожимали друг другу руки.

Через минуту из огромных ворот цеха один за другим пошли тракторы. Воздух наполнился гулом. Машины отходили в сторону и становились в колонну.

Кран легко поднимает трактор и несет его на платформу.

Город Рубцовск. Улица имени Сталина.

Главный инженер АТЗ Михаил Степанович Сидельников.

...Так же в одно морозное утро, в январе сорок четвертого года, из этих же ворот вышел тысячный трактор. Его появление на свет было ознаменовано незабываемым событием. Великий Сталин поздравил тогда рабочих с победой. В телеграмме вождя говорилось: «Своей напряженной работой вы создали в короткий срок в трудных условиях военного времени мощный завод по выпуску тракторов для сельского хозяйства и нужд Красной Армии.

Родина и наша славная Красная Армия высоко ценят вашу самоотверженную работу и помощь в деле быстрейшего разгрома немецких захватчиков.

Желаю вам дальнейших успехов в вашей работе».

А сейчас Михаил Степанович сообщил собравшимся радостную весть: заводу снова, уже второй год подряд, присуждается знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС. Победа в социалистическом соревновании между тракторостроителями страны одержана алтайцами.

— Но завоевать знамя — это еще не все. Удержать — вот задача,— говорил Михаил Степанович. — Надо смотреть вперед.

Окружавшие инженера рабочие улыбнулись. «Смотреть вперед!» Сидельников очень любит эти слова. Он повторяет их и в своих лекциях, и в докладах, и в беседах.

Эти слова будто срослись со всем обликом Михаила Степановича, с его именем. Михаил Степанович и живет согласно своей любимой поговорке. В годы войны он работал конструктором. Завод только строился, набирал темпы, а Сидельников думал о тракторах, более выгодных экономически, чем обыкновенные «НАТИ-1ТА». Молодой инженер горячо взялся за создание нового трактора. Случалось, по нескольку суток небольшой коллектив конструкторов не выходил из мастерской.

Новый трактор назвали: «ДТ-54». Машина сжигает на тридцать пять процентов меньше топлива, чем «НАТИ-1ТА». Это даст огромную экономию горючего. Михаил Степанович за новый трактор удостоен почетного звания лауреата Сталинской премии. Но это его не успокаивает: он работает над разрешением все новых технических проблем.

2. Впервые в Рубцовске

Михаил Степанович останавливался то у одного, то у другого станка, перебрасываясь короткими фразами с рабочими. Станочники понимают инженера с полуслова.

В цехах было шумно, как обычно бывает в цехах, где люди имеют дело с металлом. Но вот мы пришли на участок термообрубного цеха, где в автоматах электролита нагреваются и закаливаются детали. Здесь стояла тишина. Только один человек, наладчик Степан Попов, тихонько насвистывая песенку, прохаживался по всему цеху вдоль линии агрегатов.

— Как дела?

— Вон, глядите, — улыбнувшись, ответил наладчик и кивнул на два больших шкафа-автомата.

Мы подошли ближе к металлическим «шкафам».

— Вы еще не видели наших машин? — спросил Попов. — Таких еще нигде в мире до нас не делали.

И он начал объяснять:

— Детали положишь в кассету, а потом они сами через всю машину идут. Внутри там нагреваются, закаливаются и — видите? — сбоку выскакивают.

Мы смотрели, как конвейерная цепь автоматически захватывала пальцы трака, уносила их в «шкаф» и после закалки выбрасывала наружу.

— Умная машина.

Степан Попов, словно ждавший такой похвалы, начал горячо описывать преимущества автоматического нагрева и закалки деталей:

— Жизнеспособность деталей увеличивается в полтора раза по сравнению с обычным термическим способом. Вот посмотрите.

Он показал перепиленный палец трака. Были видны два слоя: наружный, более твердый, и внутренний, вязкий, не тронутый термической обработкой. Бо́льшая твердость — гарантия долговечности, а вязкость — гарантия от поломок.

— Такого качества детали можно достичь и путем цементации, — заметил Попов. — Но это сложно и долго.

Технологию закалки деталей в электролите предложил один из инженеров Алтайского тракторного завода имени М. И. Калинина, Игорь Ясногородский. Ему присуждают Сталинскую премию. Автомат же, рожденный электролитом, — творение коллективное. В его создании участвовали десятки людей — инженеры, техники, рабочие.

Трактор «АТЗ» в китайской деревне.

3. Институт «на дому»

Николая Перевознова мы видели днем в цехе наладки. Молодой мастер то и дело подходил к рабочим, показывал какие-то чертежи, что-то разъяснял, а потом становился за станок.

— Вот голова,— говорят о нем товарищи.— Ты еще не успел подумать, а он тебе уже чертеж несет. Не иначе академиком будет...

Вечером мы встретили «академика» на занятиях в филиале Алтайского института сельскохозяйственного машиностроения. Здесь учится более двухсот рабочих и служащих завода. Николай сидел рядом со своим другом, тоже мастером из механического цеха, Леонидом Тикуновым. В этом году они кончают институт. В сорок шестом году, когда поступали учиться, были они рядовыми токарями, стали мастерами, а будут инженерами.

— У нас институт прямо на дому, — говорят дипломники. — Придешь с работы, переоденешься, отдохнешь, — и через дорогу, — пожалуйста, учись.

Мы были на лекции в группе металлистов пятого курса. Преподаватель рассказывал студентам о методах получения высокосортного чугуна. Он говорил о составе и свойствах сплава, о вязкости металла. Около доски висели схемы, наглядные пособия. Студенты: технолог Таня Мокроусова, техник-лаборант Вера Белова, механик Борис Дегуров, плановик Лида Кравцова, работник конструкторского бюро Иван Аносов и все остальные — старательно записывали лекции. Завтра они обязательно будут в чугунолитейном цехе, чтобы лучше изучить свойства чугуна. Так здесь заведено.

Николай Перевознов (справа) и Леонид Тикунов заканчивают свои дипломы. Скоро они будут инженерами.

На другой день мы побывали в Доме техники. Уютные большие комнаты. В нижнем этаже — техническая библиотека. На ее полках более сорока тысяч томов. Рядом, в библиотеке завкома, тридцать тысяч книг художественной литературы. В парткабинете можно найти любое произведение классиков марксизма-ленинизма. Все — для студентов, рабочих и служащих завода. Только учись!

Более семисот юношей и девушек в классах вечерней школы рабочей молодежи изучают литературу, математику, физику. Кроме библиотек, школ, тут есть театр, клуб, стадион, каток. Люди здесь живут, работают, учатся, отдыхают, как и все люди нашей сталинской эпохи.

г. Рубцовск, Алтайский край.

Токари Люблинского литейно-механического завода имени Л. М. Кагановича, инициаторы соревнования за отличное выполнение каждой производственной операции, Антонина Жандарова (слева) и Ольга Агафонова.

Фото Г. Вайля

Ким Пенхва, председатель колхоза «Полярная звезда», Средне-Чирчикского района, Ташкентской области, награжденный второй золотой медалью «Серп и Молот».

Фото Б. Кудоярова

В музее М. И. Калинина

В центре Москвы, недалеко от дома, где находилась приемная всесоюзного старосты, полтора года тому назад был открыт музей М. И. Калинина. Десятки тысяч экскурсантов знакомились с жизнью и деятельностью великого революционера за период от февраля 1917 года до дня его смерти. Недавно в музее состоялось торжественное открытие двух новых залов.

Многочисленные экспонаты, собранные здесь, рассказывают о детских и юношеских годах Михаила Ивановича, о его революционной деятельности вплоть до 1917 года. Исторические документы, картины, скульптуры, макеты, фотографии — все здесь говорит о том, как рос и мужал М. И. Калинин, активный борец за счастье трудового народа.

Первый зал. Метрическая запись о рождении 7 ноября 1875 года в семье крестьянина Ивана Калиныча Калинина сына Михаила. Документы, свидетельствующие о том, что все его предки были крепостными крестьянами. Картина художника Г. Калинкина запечатлела Михаила Ивановича мальчиком в поле с матерью.

1896 год. М. И. Калинин — рабочий Путиловского завода, где началась его активная революционная деятельность. Вот рабочая карточка Михаила Ивановича с пометкой: «На храм жертвовать не желает». Листок из «Истории Путиловского завода» с пометкой Михаила Ивановича: «Надо сказать, на завод я пришел уже со сложившимися убеждениями симпатии к революционерам и связи с ними искал с самого начала заводской работы».

На заводе молодой революционер организует подпольную группу, ставшую ячейкой ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Июль 1899 года. Первый арест. Снимок дома предварительного заключения, где десять месяцев томился М. И. Калинин. В витрине книги и среди них «Капитал» К. Маркса, изученные в тюрьме. Всего царские власти арестовывали и ссылали М. И. Калинина более десяти раз.

Картина художника А. Вепхвадзе переносит нас в железнодорожные мастерские Тбилиси, где в августе 1900 года под руководством И. В. Сталина и при активном участии М. И. Калинина состоялась грандиозная стачка рабочих.

М. И. Калинин — верный соратник В. И. Ленина и И. В. Сталина в борьбе за создание в России большевистской партии. Он активный агент ленинской «Искры», создатель социал-демократической организации в Эстонии.

Второй зал. Экскурсанты идут от стенда к стенду, и перед ними встает образ бесстрашного революционера-большевика. Вот документы, напоминающие о том, как делегат IV Стокгольмского (Объединительного) съезда М. И. Калинин последовательно отстаивал ленинско-сталинскую линию. Здесь же материалы, посвященные подпольной работе Михаила Ивановича в Петербурге. Дежурный монтер Миусской подстанции М. И. Калинин проводит подпольное собрание — такова тема картины художника Г. Горелова.

Под стеклом — фотографии пожелтевшие от времени листки газет, воскрешающие в памяти биографию Михаила Ивановича, биографию, неразрывно связанную с историей большевистской партии. Пражская партийная конференция в 1912 году. М. И. Калинин избирается кандидатом ЦК партии и членом Русского бюро ЦК — практического центра по руководству революцией в России. Годы войны. Михаил Иванович ведет огромную работу в Петербургском комитете большевиков. Февраль 1917 года. На картине художника В. Серова Михаил Иванович изображен выступающим на площади Финляндского вокзала перед рабочими и солдатами. В эти дни М. И. Калинин непосредственно руководит революционной борьбой масс на улицах Петрограда.

Экскурсанты проходят по только что открывшимся залам музея, и вновь вспоминаются им слова Михаила Ивановича:

«Вся история моей жизни, а по существу и вся история рабочего класса заключается в том, что мы жили и боролись под руководством Ленина, Сталина».

В. СОКОВА

В новом зале музея М. И. Калинина.

Фото В. Бедак

Богатый колхозный трудодень

У приазовских плавней, там, где быстрая река Кубань круто сворачивает на запад, в Красноармейском районе, Краснодарского края, на десятки километров раскинулись угодья передового колхоза имени Мичурина. Кроме пшеницы, овса и ячменя, здесь выращивают рис, хлопок, кенаф, клещевину, коноплю. Имеются тут и чудесные сады и виноградники.

В бухгалтерии колхоза сейчас подводят окончательные итоги минувшего года. По улицам села снуют автомашины, тянутся вместительные возы, доверху нагруженные зерном и овощами; колхозники доставляют домой сельскохозяйственные продукты, полученные на трудодни.

Богатый урожай, богатые доходы! Благодаря механизации полевых работ, внедрению передовой агротехники урожайность всех культур значительно возросла. Давно уже колхоз вошел в семью миллионеров. А ныне доход его достиг 15 миллионов рублей — на 3 миллиона больше прошлогоднего.

Рост общественного богатства сказался на благосостоянии колхозников. На каждый трудодень они получают по 4 килограмма пшеницы и по 8 рублей. Кроме того каждая семья вдоволь получила овощей, винограда, фруктов.

Семьи Андрея Сомойчика, Кузьмы Свиридова, Марии Горовой доставили домой по 5—6 тонн различных сельскохозяйственных продуктов и получили из колхозной кассы по 5—10 тысяч рублей.

— В воскресный день,— говорит председатель сельскохозяйственной артели С. А. Зайцев, — на дорогах хоть регулировщиков выставляй: такое оживленное движение. А зайдешь в любой дом — полная чаша. Есть чем гостей встретить! Каждая трудолюбивая колхозная семья обеспечила себя всем необходимым по меньшей мере на 2 года вперед. А каждый у нас знает, что трудодень 1952 года будет еще весомее.

В. ДАРМОДЕХИН

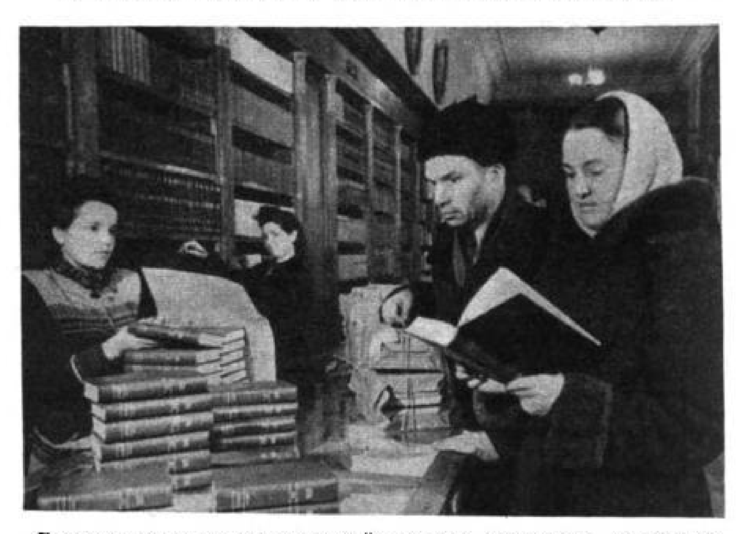

В сельскохозяйственной артели «Память Ленина», Лабинского района, Краснодарского края, колхозному чабану К. П. Кременецкому выдано авансом на трудодни 178 пудов зерна, более 1½ пудов масла и в счет дополнительной оплаты 14 овец.

На снимке: К. П. Кременецкий (второй справа) получает доставленные ему на дом продукты и овец.

Фото М. Альперта (ТАСС)

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В отделе подписных изданий нового книжного магазина. Старший продавец А. Е. Свидерская выдает работникам Минской областной библиотеки имени Пушкина В. Я. Граковой и П. И. Клевко только что поступившие в продажу экземпляры XXXV тома Сочинений В. И. Ленина на белорусском языке.

Фото М. Минковича

До Великого Октября в Белоруссии не было ни одной массовой газеты на национальном языке. Белорусская книга была необычной редкостью, недоступной не только крестьянину или рабочему, но даже представителю интеллигенции.

Сейчас в Белорусской ССР выходит около 350 различных газет и журналов, разовый тираж которых превышает 1 100 000 экземпляров. Только за послевоенные годы на белорусском языке издано 2 411 названий книг, общий тираж которых достигает 60 миллионов экземпляров.

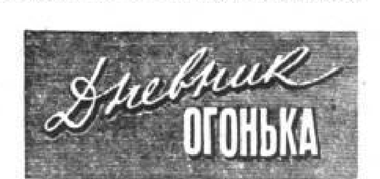
Белорусский народ получил возможность читать на своем родном языке бессмертные труды В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Недавно республиканское Государственное издательство выпустило в свет тридцать пятый том Сочинений В. И. Ленина на белорусском языке. Таким образом, завершено первое издание Сочинений В. И. Ленина на белорусском языке. Это — большое событие в идейной жизни большевиков Белоруссии и всего белорусского народа.

Одновременно с выпуском Сочинений В. И. Ленина ведется работа по изданию на белорусском языке Сочинений И. В. Сталина. Тринадцать томов уже вышли в свет из печати.

Впервые на белорусском языке издан также первый том избранных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Второй том печатается. В будущем году будет осуществлен перевод на белорусский язык I и II томов «Капитала» К. Маркса.

В. ПОНОМАРЕВ

Эмма снова с матерью. Снимок сделан в первый день их встречи после разлуки, 6 января.

Фото В. Евграфова

Снова с матерью

Галина ШЕРГОВА

Эмма спускалась по лестнице. Она посмотрела за окно, там синел в снегу ясный полдень. Когда она проснулась ночью, ей казалось, что сегодня утро не наступит. Девушка спросила:

— Она приехала? Она там? Я знаю: она там!

Врач помог ей спуститься:

— Только не волнуйся, милая.

Эмма сказала:

— Я не буду. — И заплакала.

* * *

Хотя по дороге шли толпы людей, Эмме хотелось кричать от ужаса и одиночества, потому что ей было страшно, будто не было этой дороги и людей, а только лес, бесконечный и безмолвный, сжавший дорогу. Но кричать она уже не могла и изредка повторяла губами: «Мама, мама...»

Теперь все в голове у нее перемешалось, и она уже не помнит по порядку, что и как было, как эвакуировались они из Риги, как горел эшелон, как шли они с мамой и маленьким братишкой по дороге. Она видела то мамины раскрытые глаза, то развороченный круп лошади в кювете, то перевернутую повозку и под ней ребенка. Потом этот взрыв. Когда она пришла в себя, мамы не было. Девочка звала ее, а потом пошла за людьми. Все шли, и она пошла.

В пути были три дня. На четвертый день все заночевали в деревне Колтырево (это она узнала уже потом). Там какая-то женщина подошла к Эмме и спросила:

— Ты, что же, совсем одна?

Та кивнула головой.

— А мама твоя где?

— Потеряла.

— А сколько тебе лет?

— Семь.

Женщина еще спрашивала и спрашивала, но Эмма ничего не помнила больше.

Женщина привела Эмму в свою избу и сказала:

— Ну, поживи у меня, будешь мне за дочку, пока маму найдем.

А на следующий день в Колтырево вошли гитлеровцы, и мама потерялась где-то за линией фронта, на огромной громыхающей земле.

...Стоило Эмме открыть глаза, как ей уже становилось холодно и ноги сводило ноющей, противной судорогой. Но нужно было вставать и бежать в хлев, обжигая ноги ледяной росой или давя в лужах слюдy ледка. И она вскакивала, выгоняла корову в поле, и худенькие ее плечики зябко ходили ходуном в просторной чужой блузе.

Потом всходило солнце, земля теплела, и Эмма сидела на пеньке, щурясь и колотя себя хворостинкой по босой ноге. Ей не с кем было разговаривать. Поэтому, когда корова подходила близко, девочка смотрела ей в глаза и рассказывала обо всем. И о том, как ее приютили, и о том, что хозяевам самим нечего есть, и о том, как она нанялась пастушком к кулаку, который при немцах начал хозяйничать на хуторе, и о том, что придут русские и она найдет маму. Корове можно было обо всем говорить, она согласно кивала головой.

Когда наступила зима, пастушке сказали, что она больше не нужна на хуторе и может отправляться домой. Денег ей не заплатили — ведь ее кормили за работу. Правда, девочке дали мешочек с зерном. Она сходила домой, взяла саночки, положила на них зерно и, впрягшись, потащила их в Колтырево. Эмма шла и смотрела под ноги. Уже лег ровный снег, и дорога была длинной и одинаковой. Эмма шла и думала: когда же конец, что же будет с ней?

Но внезапно все переменилось. Над горизонтом повисло рыжее зарево, и все жители деревни попрятались на болоте. Эмма тоже целую ночь блуждала по болоту, а когда к утру задремала, кто-то разбудил ее: «Вставай, дочка, наши пришли!» Действительно, Советская Армия освободила село.

Эмма пришла в сельсовет и сказала, что может пасти скот, — пусть ее направят куда-нибудь. Но человек в сельсовете улыбнулся:

— Зачем же скот? Учиться будешь. Мы тебя в детский дом отправим.

И ее направили в Красногородский детский дом.

...Когда все засыпали, Фрося забиралась к ней в постель, и они «секретничали». Фрося Иванова была именно такой подругой, с которой можно, проведя целый день вместе, снова и снова говорить в темноте, в тысячный раз повторяя доверительное: «Ну, слушай...» И в годы жизни в детском доме дневные дела воскрешались удивительно и по-особому значительно в этих ночных разговорах. А девочки росли, не замечая, как взрослеют вместе с ними их беседы.

Сначала по ночам их спальню заполняли воспоминания: взрыв, трупы на дорогах, фросина мама, убитая в траншее, маленькая Эмма у чертежного стола отца, и жирная линия ее цветного карандаша на чертеже...

Потом воспоминания отступили, их заслонила новая жизнь — сегодняшняя. Эта жизнь озарялась искрами пионерских костров, звенела песнями сборов, замирала незабываемой тишиной, когда девочки давали торжественное обещание, вступая в пионерский отряд.

Позднее девочки стали говорить о комсомоле — это была необычайная пора их жизни. Им уже поручили воспитание младших, шефство над колхозными клубами. И нужно было думать о книгах, о великих путешественниках и диковинных яблонях, которые они собирались вырастить.

Шли годы.

И вот, уже кончив школу, ребята уезжали из детского дома в ФЗО и техникумы. Друзья шумно провожали их, а потом всем детдомом писали им письма с подробными отчетами. Уехала и Эмма в город Опочку, в Педагогическое училище. Теперь она приезжала в Красногородское только на каникулы. Ее встречали торжественно, с подарками. Она отчитывалась в успехах, а потом ее придирчиво и ревниво допрашивали о новых друзьях. А Эмма уже и сама не знала, что ей ближе: детский дом или Педагогическое училище.

Студенты училища, как раньше детдомовцы, радовались ее успехам, переживали ее неудачи. И опять они с Фросей повторяли: «Ну, слушай...» И опять говорили обо всем, а главное... Девочки мечтали, что Эмма найдет маму. Они снова сочиняли письма в разные адреса, сочиняли, стараясь быть как можно более убедительными, не зная, что такие же письма пишут во все концы Советского Союза их педагоги и воспитатели, потому что им тоже очень хотелось, чтобы у девочки была семья.

Но приходили ответы, и поиски оставались бесплодными.

Одно из таких писем пришло в редакцию «Огонька». Преподаватель Педагогического училища, встретив на страницах журнала похожую на эммину фамилию, заинтересовался: не родственник ли это девочки? К сожалению, догадка не подтверждалась, но «Огонек» тоже занялся поисками. И однажды в редакции получили телеграмму: «Мать Эммы найдена, выезжает к ней».

И мы решили навестить девочку в этот радостный для нее день 6 января 1952 года.

...Эмма находилась в диспансере. Сказались страшные годы гитлеровской оккупации: девушка заболела. Но сейчас все опасное было уже позади, и новый год наступил вместе с выздоровлением. Тогда же, в первый день нового года, в палату вошла медицинская сестра Софья Ивановна и позвала Эмму к телефону. Она сказала, что звонят из Риги: «Вероятно, хотят поздравить с Новым годом».

— У меня там нет знакомых, — ответила девушка.

— А может быть, твоя мама нашлась, — сказала Софья Ивановна, и голос у нее надломился.

Телефонный разговор не получился. Эмма только спрашивала: «Кто это?..», — а на другом конце провода замирало: «Это я, доченька, мама...»

* * *

...Теперь Эмма спускалась по лестнице, а в это время в комнате, приготовленной для встречи, Софья Секундо, всхлипывая, рассказывала, как погиб ее муж, как десять лет она тоже искала дочку, но девочка перепутала фамилию, и ее не удавалось найти. Рассказывала, как к ней в детский сад в Риге, где она работала музыкальным воспитателем, приходили письма изо всех уголков страны — люди помогали ей в ее поисках. Как незнакомые звонили и поздравляли ее, когда наконец пришло известие, что дочка жива.

...Эмма плакала, уткнувшись матери в плечо. Мать целовала ей волосы и плечи и все смотрела, смотрела. Потом она достала фотографии:

— Вот, видишь, доченька, это брат твой — вот какой большой стал. А это ты маленькая с куклой.

Эмма вдруг улыбнулась:

— Мама, эта кукла на шкафу у нас сидела?

Мать снова прижала к себе девушку и сказала неслышно:

— Родная моя, теперь ты никогда не будешь одинока...

Эмме хотелось сказать, что она и не была одинокой и что конец одиночеству наступил, когда она попала в большую советскую семью, воспитавшую и вырастившую ее. Ей хотелось рассказать, как приезжали к ней в Педучилище воспитатели из детского дома, как отправляли ее в санаторий. Ей хотелось, чтобы мать узнала и о подарках, которые Эмма получала в диспансере, и о дорогих лекарствах, которые доставали для нее, и о сорока новогодних письмах, в которых товарищи и педагоги думали о ее будущем.

Но обо всем этом она рассказала матери позднее и подробнее, чем хотела сейчас.

Сейчас она только плакала, счастливо и благодарно.

Уральский камнерез

Карта индустриализации СССР. Гербы союзных республик. Значок «800 лет Москвы». На многих выставках подолгу задерживались посетители у этих экспонатов, сделанных из уральских самоцветов. Подлинно художественные произведения, они неоднократно премировались. Автор их — старейший уральский мастер-камнерез Николай Дмитриевич Татауров.

Сейчас Николаю Дмитриевичу 74-й год. Но он не бросает своего любимого занятия, продолжая трудиться на Свердловском заводе треста «Русские самоцветы». Здесь он выполняет сложные камнерезные работы.

На снимке мы видим Н. Д. Татаурова в цехе за обычным его делом.

Фото И. Тюфякова

«Московское море» на картах XVII века

Вслед за вышедшим в свет первым томом Морского атласа, удостоенным Сталинской премии, готовится издание второго тома. Это будет фундаментальное картографическое руководство по физической географии океанов и морей. Один из разделов второго тома посвящается истории исследований мирового океана.

Работая над сбором материалов для второго тома, сотрудники Главной редакции широко используют старейшие по времени издания атласы и карты. Особый интерес советских картографов вызвал атлас, составленный главным географом французского короля Людовика XIV Сансоном, изданный в 1692 году в Париже. Здесь на многих картах, изображающих северную часть Европы, море, омывающее Кольский полуостров и ограниченное с востока Новой Землей, названо «Московским» — Mer de Moscovie.

Факт примечательный. Нет сомнений в том, что, составляя атлас, французские географы XVII века широко пользовались русскими картами — результатами предшествующих открытий наших северных мореходов. Очевидно также, что русские картографические материалы были известны в то время в Европе более широко, нежели плавания голландца Виллема Баренца. И это вполне естественно. Экспедиции Баренца, посетившего эти места в конце XVI века, были эпизодическими предприятиями, русские же поморы задолго до Баренца систематически плавали на Грумант (Шпицберген) и Новую Землю.

На русских картах того времени море, именуемое французами «Московским», называлось «Студеным». И лишь в XIX веке немецкий географ Петерман присвоил ему имя Баренца.

Карты севера Европы, опубликованные в Париже более 250 лет назад,— новое подтверждение приоритета русской географической науки в исследовании и освоении полярных областей.

С. МОРОЗОВ

Для школ ненецкой тундры

В Нарьян-Маре, на улице имени Выучейского, стоит большое двухэтажное здание. Здесь разместилось педагогическое училище. Недавно ему исполнилось 20 лет. Сотни его питомцев можно встретить во всех уголках Ненецкого округа.

Ксения Петровна Валейская — педагог Нарьян-марской ненецкой семилетней школы. Анатолий Иванович Рожин, автор ненецкого букваря и многих ненецких учебников, разрабатывает вопросы грамматики ненецкого языка. Василий Зотикович Наумов — заместитель заведующего окружным отделом народного образования.

Став учителями, юноши и девушки не порывают связи с училищем. Сюда часто приходят письма от них. Молодые педагоги рассказывают о своих успехах, просят совета. Год от года крепнет дружба училища с его питомцами.

В. ГРОЗДОВ

На снимке: учащиеся Нарьян-марского педагогического училища выходят на лыжную прогулку.

Фото А. Попова

Замечания по поводу...

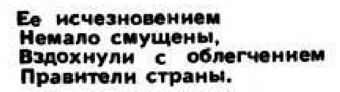
Собака на сене

В результате четырехдневных поисков парижскими сыщиками найдена сбежавшая собака мистера Гарримана — такса Фифи. Французские газеты печатают фотографии американской собаки и сообщают, что она вылетает на самолете в Вашингтон.

(Из газет)

Опять Париж волнуется...
Неужто снова «план»,
Под коим вновь красуется:
«Скрепил мосье Шуман»?

О нет, пришла внепланово
Нежданная беда:
Собака гарриманова
Исчезла без следа!

Ее исчезновением
Немало смущены,
Вздохнули с облегчением
Правители страны.

Курьеры с дип-пакетами
Помчались в Новый свет.
Собачьими портретами
Пестрят столбцы газет.

Вот снимок с псины лающей,
Вот фото (крупный план!)
Собаки, улетающей
Домой, за океан.

Ей даже дали звание:
«Собака-джентльмен».
Ей лапу на прощание
Пожал мосье... Эн-Эн!

Она кивком ответила,
Пролаяла «гуд бай»,—

Как быть? Про таксу всякую
Вести не стали б речь,
Но «боссовой» собакою
Опасно пренебречь.

В четыре дня на сыщиков
Истрачен «псиный фонд».
Четыре дня подписчиков
Собакой кормит «Монд».

Собачьих дел секретами
Взволнован «высший свет».
Собачьими приметами
Полны столбцы газет.

Всяк ищет... всяк старается...
И вот уже официально сообщается,
Что «найдена Фифи».

«Пари-суар» отметила
Ее приятный лай.

А средь парижских жителей
Ползет слушок о том,
Что некто из правителей
Пред ней... вилял хвостом!

Эмиль КРОТКИЙ

Скрипичные мастера

Всесоюзный смотр смычковых инструментов, состоявшийся в Москве, был крупным событием в музыкальной жизни столицы. Уже более двадцати лет советские мастера не показывали изделий своего труда.

В одном из залов Московской консерватории были выставлены инструменты, присланные со всех концов страны. Их оказалось не мало: 100 скрипок, 27 альтов, 16 виолончелей, 3 контрабаса и 14 полных квартетов.

Старейшим участником Всесоюзного смотра оказался семидесятидвухлетний Тимофей Филиппович Подгорный, достойный преемник прославленных русских скрипичных мастеров, чьи изделия успешно конкурировали с итальянскими еще в конце XVIII века.

Отличился и самый молодой скрипичный мастер, москвич Евгений Николаевич Горохов. Ему всего 28 лет. Изготовлением скрипок он увлекся сравнительно недавно, уже будучи студентом консерватории. Теперь он может предоставить своему брату — скрипачу — возможность играть на созданной им скрипке. Скрипка Горохова заслужила высокую оценку жюри.

Председатель жюри, заслуженный деятель искусств РСФСР Д. М. Цыганов, знакомясь с приехавшими в Москву скрипичными мастерами, неожиданно встретил среди них своего земляка, о котором не слышал добрых два десятка лет, Константина Алхазовича Алхазова. Теперь Алхазов живет в Балашове и продолжает заниматься любимым делом, достигнув в нем значительных успехов.

Смотр состоял из трех туров. Требования к инструментам были столь высоки, что к третьему туру допустили только 10 скрипок, 7 альтов, 3 виолончели, 2 контрабаса и 2 полных квартета.

Самый молодой участник смотра Е. Н. Горохов.

Фото С. Мельника

На инструментах, представленных на смотр, играли лучшие советские артисты — Святослав Кнушевицкий, Эдуард Грач, Мстислав Ростропович, Галина Матросова, квартет Московской государственной филармонии и другие. Выступали они за занавесом, с тем, чтобы члены жюри, в состав которого входили виднейшие советские музыканты, не видели инструментов.

С наибольшим успехом прошли на конкурсе работы москвичей Георгия Морозова и Николая Фролова. Отмечены инструменты московского мастера Льва Горшкова, львовского — Григория Витишина, свердловского — Андрея Кылосова, рижского — Мартина Зимитиса. Среди инструментов, удостоенных дипломов, есть и изделия Московской фабрики смычковых инструментов Министерства местной промышленности РСФСР. Эта награда присуждена скрипке, созданной Николаем Сорокиным, и контрабасу работы Сергея Соловьева.

Лучшие инструменты, отобранные на смотре, пополнят государственную коллекцию и будут переданы выдающимся исполнителям и коллективам.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Гайни будет свободен

С немецким матросом Гайни Геллером мы встречаемся в греческом портовом городе Патрасе, вдали от Германии. В изможденном, непрерывно кашляющем человеке трудно узнать моряка, объездившего весь свет. С приходом к власти фашизма Гайни покинул родину. Теперь он решил вернуться в Германию для того, чтобы поднимать моряков на борьбу с коричневой чумой.

Германский консул в Патрасе, к которому обращается Гайни с просьбой помочь ему вернуться в Германию, чувствует, что перед ним «личность неблагонадежная», может быть, даже коммунист. По доносу консула гестапо арестовывает Геллера сразу по прибытии в Гамбург. Так начинается новый немецкий приключенческий фильм «Опасный рейс», поставленный по роману Л. Турека «Последняя вербовка». Фильм выпустила киностудия «Дефа» в 1951 году.

Гайни попадает в фашистский застенок. Но друзья не оставляют его в беде. На яхте французского контрабандиста они заходят в Патрас, чтобы похитить консула, предавшего Гайни. С помощью Интернационального союза моряков и портовых рабочих — организации, запрещенной в Германии,— моряки хотят затем обменять консула на Гайни.

Матрос Фердинанд (артист Г. Штёвезанд), друг Гайни Геллера.

Немецкий фильм «Опасный рейс». Гайни Геллер (артист Г. Клеринг) в порту Патраса пробирается на корабль, следующий в Гамбург.

Многим опасностям подвергается команда яхты. Тут и розыски гестапо, и полицейский обыск во французском порту, и страшный шторм, во время которого тонет похищенный консул.

В то время как друзья Геллера совершают свой опасный рейс, гестаповцы пытают Гайни, требуя от него выдачи сообщников. Артист Г. Клеринг, исполняющий роль Гайни, правдиво передает состояние тяжело больного матроса, которого ничто не смогло превратить в предателя.

Большая заслуга авторов фильма (сценарист и режиссер — Е. Фидлер, оператор — К. Плинтцнер) в том, что им удалось показать на экране солидарность трудящихся, общность их интересов. Особенно запоминаются сцены в Марсельском порту, когда моряки разных стран, собравшись вместе, твердо заявляют: «Наш Гайни будет свободен!» И действительно, несмотря ни на какие препятствия, моряки Марселя добиваются освобождения Гайни.

Новый фильм киностудии «Дефа», решенный в любимом молодежью приключенческом жанре, учит дружбе, отваге, находчивости.

Н. ВОЛОДИНА

Рекорды советских конькобежцев

6 и 7 января на высокогорном катке близ Алма-Аты проходили состязания на приз Совета Министров Казахской ССР.

Бег на кратчайшую дистанцию прошел в исключительно острой борьбе. Победитель первого забега Пушкарев показал хороший результат — 43,8 секунды. Однако Головченко вскоре проходит эту дистанцию за 43,3 секунды. Далее Гришин показывает результат 42,7, Кудрявцев — 42,4 секунды.

Казалось, отличный результат трудно превзойти. Но вот выходят на старт Сергеев и Ипполитов. Великолепный бег заканчивается победой Сергеева. Он проходит 500 метров за 41,7 сек., устанавливает новый всесоюзный рекорд и превосходит мировой.

В беге на тысячу метров Б. Березин показал итог — 1 минута 27,3 секунды. Это больше чем на секунду превышает рекорд мира, принадлежащий финну Тунбергу.

Спустя несколько минут Гришин на этой же дистанции показывает время — 1 минута 26,4 секунды, что уже на 2 секунды превышает рекорд Тунберга.

Ю. Сергеев.

Е. Гришин.

Горьковчанин Пискунов выиграл бег на 5 километров с новым рекордом страны — 8 минут 21,8 секунды.

В беге на 1500 метров трижды был бит всесоюзный рекорд: вначале Головченко прошел дистанцию за 2 минуты 15,1 секунды, улучшив прошлогодний результат Кудрявцева почти на полторы секунды. Вслед за ним смоленчанин Приставкин показывает новое отличное время — 2 минуты 14,4 секунды; наконец, молодой спортсмен Шилков устанавливает новый рекорд страны и повторяет рекорд мира — 2 минуты 13,8 секунды. Бег на самую длинную дистанцию — 10 тысяч метров — выигрывает Мамонов с новым рекордом страны—17 минут 8,8 секунды.

По сумме четырех дистанций первое место занял Юрий Головченко, набравший 191,138 очка, что также является новым всесоюзным достижением.

Б. Березин шел на побитие рекорда СССР на дистанции в 3 тысячи метров и добился успеха: его результат — 4 минуты 50,5 секунды.

Таким образом, за два дня обновлена вся таблица рекордов страны.

Курортное лечение на заводах

— Каково самочувствие после очередной ванны? — спросил врач сталевара Харьковского тракторного завода Петра Григорьевича Давыденко.

— Чудесное! — ответил он.— Состояние бодрое, хорошее... Чувствую, как ванны придают мне силы!..

Разговор этот происходил не в Крыму, не на Кавказе и не в каком-либо санатории. Беседа сталевара с врачом состоялась зимним вечером здесь же, на тракторном заводе, в ванном отделении физиотерапевтической поликлиники ХТЗ.

«Кавказ на дому!» — так в шутку называют рабочие свою заводскую здравницу. Рабочие получают здесь углекислые, хвойные и соленые ванны, к их услугам лечебные грязи, несколько видов душей, УВЧ, диатермия, гальванизация, соллюкс, кварц.

Почти каждый крупный харьковский завод имеет свои загородные дома отдыха и дачи: ежегодно десятки тысяч харьковских рабочих и служащих отдыхают и лечатся в местных здравницах и в санаториях Крыма и Кавказа. Но за последние годы на территории крупнейших предприятий города появились свои собственные здравницы с различными видами курортного лечения. Первоклассная физиотерапевтическая поликлиника имеется на заводе транспортного машиностроения. Замечательная здравница у харьковских железнодорожников. Все чаще заводские поликлиники применяют специальное лечение, которое раньше можно было получить только в специальных санаториях.

— Каково самочувствие после очередной ванны?— спросил врач сталевара ХТЗ Петра Григорьевича Давыденко.

Фото А. Брадова

А. КАШТАНЬЕР

ПО СТАРИННЫМ РЕЦЕПТАМ

Сбитень — старинный народный напиток, почти ровесник «дедушки русских напитков» — хлебного кваса.

Сотни лет наши предки, еще не зная чая и кофе, употребляли сбитень. Сваренный на меду, он был вкусным и слегка хмельным. Его применяли и как лечебное средство при простудах. Сбитни продавали разные: заварные старинные, украинские, малиновые, душистые, простые. Приправляли их гвоздикой, корицей, имбирем и другими пряностями.

Другой, тоже старинный и чрезвычайно вкусный напиток — шербет. Этот фруктовый сироп, густой, словно сметана, взбитый и ароматный, употреблялся для сдабривания воды, чая, как тонкий десерт и как приправа к лучшим кулинарным изделиям.

С течением времени о массовом изготовлении сбитней и шербетов забыли. При помощи научных работников Государственной библиотеки имени Ленина недавно в старинных изданиях удалось найти утерянные рецепты и описание способов изготовления этих напитков.

В 1952 году производство сбитня и шербета начнется на Московском заводе фруктовых вод. Здесь, в заводской лаборатории, уже выпущены первые пробы этих замечательных напитков. Они приготовлены из лучших натуральных соков и сохраняют в себе все ароматные, питательные и лечебно-диэтические свойства плодов и ягод.

П. ЧУМАК

На хоккейных полях

Атаки сменялись одна другой. В линию нападения, растянутую во всю ширину поля, часто включались защитники, и тогда команда действовала сообща, показывая отличное взаимопонимание всех игроков. Так же было и в моменты обороны: весь коллектив стеной становился на защиту своих ворот.

Одновременное действие всех 5 полевых игроков — характерная черта хоккея нынешнего сезона. Это особенно заметно в играх команды ЦДСА, которая в последних состязаниях показала не только исключительную сыгранность, но и продуманность атак, красивые комбинации, тактическое разнообразие. Воля к победе у этой команды поистине неисчерпаема.

В первом круге, который закончился 8 января, армейцы провели 5 состязаний и все выиграли. Наиболее напряженными были встречи с чемпионами страны: спортсменами ВВС и с динамовцами Москвы. И в том и другом случае армейские хоккеисты показали высокое мастерство и победили летчиков со счетом 3 : 1, а динамовцев — 3 : 2. Хорошо играли Тарасов, Сологубов, Гащенков, Черепанов. Команда ЦДСА набрала 10 очков из 10 возможных. Это дает ей реальные шансы на борьбу за первое место.

Хоккеисты ВВС отлично провели предварительные игры в Челябинске и несколько снизили свой наступательный порыв в финальной пульке. Два последних состязания первого круга — с ЦДСА и «Крыльями Советов» — доказательство тому.

Дружно играет коллектив спортсменов общества «Крылья Советов». Сейчас в разгаре второй круг розыгрыша. В ближайшее время определится окончательный победитель — чемпион страны 1952 года.

Лыжная гонка мастеров

6 января, в ясный, солнечный день, под Свердловском состоялась лыжная гонка, в которой приняли участие сильнейшие спортсмены страны. Тысячи зрителей были свидетелями интересного соревнования. Многие из них на лыжах сопровождали гонщиков.

Сильно пересеченная местность, поросшая лесом, усложняла борьбу и делала ее интересной.

На старте можно было увидеть спортсменов Москвы, Ленинграда, Свердловска, Горького, Кирова, Ярославля.

Гонку на 5 километров выиграла Ульяна Ярмоленко из Ярославля. Она прошла всю дистанцию за 17 минут 40 секунд. Такие результаты никогда еще не показывали советские спортсменки.

Гонка мужчин на 18 километров прошла в исключительно острой борьбе. Ее выиграл известный лыжник и велосипедист Ф. Терентьев. Его результат—1 час 1 минута 5 секунд. Больше минуты проиграли ему В. Оляшев и П. Морозов.

Белградские провокаторы в ООН

Перо **ПОПИВОДА**

«Но есть и такие злостные дезертиры, которые из своего позора делают для себя доходную статью, крикливо кичатся своим дезертирством, как своего рода геройством, выскакивают то и дело на сцену, чтобы облаять тот самый лагерь, из которого они сбежали, бесстыдно хвастают тем, что они всегда могут облаять этот лагерь, что они, следовательно, не какие-либо простые дезертиры, а герои. Точь в точь как в басне Крылова: «Ай, моська, знать она сильна, что лает на слона».

(Из ноты Советского правительства югославскому правительству от 29 августа 1949 года.)

К этой исключительно меткой и убийственно точной характеристике, данной в свое время белградской фашистской клике, трудно что-либо прибавить. И если бы за низкой титовско-карделевско-ачесоновской кляузой на шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН не скрывалась новая подлая торговля национальной независимостью, достоинством, жизненными интересами народов Югославии, можно было бы пройти с презрением мимо той компании авантюристов, предателей и врагов народа, которые изображают из себя «югославскую делегацию в ООН».

С помощью поднятой в ООН кляузы, сфабрикованной в недрах ачесоновского госдепартамента, заправилы агрессорского ядра ООН хотели убить сразу двух зайцев: во-первых, оклеветать Советский Союз и страны народной демократии и свалить с больной головы на здоровую ответственность за наглые провокации, творимые титовской бандой на границах соседних с Югославией стран; во-вторых, изобразив титовцев «угнетенной невинностью», отвлечь внимание югославского народа и мирового общественного мнения от вопиющего факта — заключения между титовской Югославией и Соединенными Штатами военного союза в целях развязывания агрессии в Юго-Восточной Европе.

Кляуза, как и следовало ожидать, принесла только новый позор и ее американским авторам и титовским подголоскам. Можно было бы на этом поставить точку. Но невольно хочется еще раз поведать читателю о том, кто они такие — эти шестеро иуд, творящих черное дело во дворце Шайо под вывеской «представителей» Югославии.

Кардель, Джилас, Дедиер, Беблер, Вильфан, Лео Матес — вот список ачесоновской делегации «от Югославии» на шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Следует оговориться, что привести исчерпывающие биографические данные о них — дело нелегкое. Едва ли сможет сделать это кто-либо другой, кроме агентурных отделов англо-американских разведывательных центров, где подноготная этих господ тщательно зафиксирована в соответствующих личных досье. Более того, трудно с уверенностью сказать что-либо даже об их национальной принадлежности!

Кардель Эдвард. Это его «последнее» имя и фамилия. Сам он даже заверяет, что они настоящие. Как бы ни было скомпрометировано и очернено в глазах всех честных людей имя «Карделя», он считает, должно быть, что оно все-таки поприличнее таких, как, скажем, «Сперанс», «Кршштоф», «Бевц» и т. д. Правда, «Кардель» — это синоним предательства, дезертирства, шпионства, рабского служения империалистам, но зато «в масштабе государственного деятеля». «Кардель» — это, как никак, право «фигурировать» на трибуне ООН, это титул «министра», хотя бы и презираемого и проклинаемого народом, это всяческие блага, деньги, роскошь, «светский образ жизни» в разоренной, голодающей стране!

Что же касается других перечисленных имен, то под этими кличками Кардель известен как заурядный провокатор и полицейский шпик с весьма скромным жалованьем, получаемым за самые грязные услуги иностранным разведкам. Ранее под этими кличками его держали на привязи рядовые агенты фашистских разведок ОВРА и гестапо. Теперь его держит за ошейник «сам» государственный секретарь США Ачесон! Успех, карьера — совсем другой калибр!

До войны, под кличкой «Сперанс», он мог выдать фашистской полиции одного, двух, группу революционеров, в лучшем случае подпольную революционную организацию; во время войны, когда он был «Кршштофом» или «Бевцем», ему удавалось подготовить разгром югославской партизанской группы, отряда, бригады, целой дивизии (между прочим, в Югославии известен случай гибели 14-й партизанской дивизии в результате предательства Карделя и Кидрича); а ныне, уже как «Кардель», он может уничтожать, топтать все народные завоевания, продавать американцам весь свой народ, все югославские дивизии.

Таковы ступени карьеры изменника. И можно вполне понять Карделя, когда он то и дело выскакивает на сцену, чтобы облаять и оклеветать тех, которые выводят его подлую, провокаторскую деятельность на чистую воду...

Джилас Милован. То, что Джилас, по выражению черногорской народной пословицы, «прячет, как змея, ноги», известно многим. Он сын командующего жандармерией в Черногории после первой мировой войны, т. е. в тот период, когда черногорский народ был подвергнут свирепому террору со стороны клики Карагеоргиевичей и великосербской буржуазии. Хотя и грязное, но зато теплое местечко означало благополучие не только для папаши, но и для сынка. И сынок использовал не только материальные, но и другие выгоды отцовского «положения», чтобы прикрыть свои темные дела именем черногорского народа.

Этот ядовитый отпрыск крупной югославской буржуазии, в среде которой он вырос и был воспитан, подвизался в течение десятка лет в рабочем движении Югославии и не был, к сожалению, открыт и разоблачен как агент классового врага. Действительно, это и нелегко было сделать. Что только не делал Джилас, чтобы замаскировать свою грязную работу! Он дал себя «арестовать» и «судить», в тюремной камере инсценировал самоубийство, «бунтовал» против тюремного режима, «ругал» жандармов. После весьма скорого «освобождения» Джилас изображает человека, не падающего духом: пишет «бунтарские» статьи в буржуазной газетенке «Политика», «заражает» высокопоставленные, даже приближенные к династии круги «марксизмом»!

В 1944 году Джилас сочинил проникнутую лживым пафосом статью о Советской Армии, но в то же самое время на заседании титовского так называемого политбюро гнусно клеветал на советских офицеров, выставляя в качестве «морального образца» офицеров английской армии, своих коллег по предательству югославского народа. Потребовалось бы много времени и места, чтобы подробно обрисовать Милована Джиласа, этот образец замаскированного классового врага. Ограничимся сказанным.

Дедиер Владимир. Сын придворной дамы Кичевац, плод греха молодости с неким американским «туристом». Второй такой плод — Стевен Дедиер, старший брат Владимира, с приходом к власти банды Тито—Карделя в припадке «патриотических чувств» отказался от американского подданства и возвратился на «родину». С помощью Тито, Карделя и братца он был возведен на пост руководителя югославской радиопропаганды и агентства «Танюг», распространяющих ложь и клевету о Советском Союзе и странах народной демократии. Старший Дедиер, несомненно, мог бы кое-что рассказать и о той роли, которую он играл во время прошлой войны как «союзнический» американский офицер.

Но вернемся к младшему, Владимиру Дедиеру. В отличие от Карделя и Джиласа, он в прошлом не числился, как они, «коммунистом». Он, изволите видеть, был «близок» к коммунистам, как старательно подчеркивает в своей биографии. Он оказывал и Карделю и Джиласу «многие услуги», чего они не скрывают, а он не забыл использовать. Шутка ли, у Дедиера, например, «успешно скрывались» Тито, Кардель и Джилас! Правда, для него подобное «меценатство» едва ли представляло большие трудности: тесть Дедиера много лет был королевским министром внутренних дел Югославии.

Во время войны Дедиер ни на один день не отрывался от Тито и Карделя. Он стал их придворным летописцем. Откройте его «Дневник» — Тито и Кардель упоминаются на каждой странице самое малое по пяти, а то и по десяти и пятнадцати раз. И не только Тито, но и его кобылу Мицу и собаку Тигра не забывает «летописец» Дедиер. Просто слеза прошибает, с какой нежностью он описывает судьбу этой Мицы, рассказывая, как она теперь доживает свой век в Дедине, в «Белом дворце», бывшей резиденции короля Александра, а теперь — Тито и, как видите, Мицы!

«Труд» Дедиера — увы! — утратил для белградских царьков свою привлекательность после того, как резолюции Информбюро дали исчерпывающую характеристику титовского предательства, и после того, как были пойманы с поличным и предстали перед народным судом Райк, Костов и прочие титовские агенты. Дело в том, что Дедиер расписал в своем дневнике много такого, чего титовская шайка отнюдь не хотела бы вытаскивать на солнышко. Поэтому «Дневник» был быстро изъят и... уничтожен на костре.

Дедиер, как знаток английского языка, во время войны был незаменимым «сотрудником» Тито и Карделя. Именно он выполнял функции переводчика между ними и англо-американскими «миссиями» при Тито во время войны. Он был даже удостоен «чести» переводить разговор Тито и Черчилля в 1944 году, разговор, который имел характер закулисной торговли интересами югославских народов.

Перейдем к следующему персонажу. Доктор Алеш Беблер. Фигура настолько же мрачная и загадочная, насколько грязная. Скажем о нем все то, что известно о нем рабочему классу Югославии. А именно: он ни Алеш, ни Беблер и никакой не «доктор»! По одной собственноручно им написанной биографии, которую мы имели случай видеть своими глазами в 1944 году, родился он в Швейцарии, проживал в Италии и Германии. «Учился» (из биографии не ясно, что именно под этим нужно подразумевать!) во Франции. Наконец, много путешествовал и «знает все европейские языки». Гражданства не имеет. В Югославии проживает, как указано в его биографии... с 1938 года!

На всех процессах — подчеркиваем, на всех, — когда судили в странах народной демократии империалистических шпионов, в числе первых и чаще всех фигурировало имя Беблера. Процессы Райка, Костова и других американо-английских диверсантов доказали неопровержимыми фактами и документами, в том числе и десятилетней давности, что «Беблер» — это своего рода движимое имущество с правом унаследования, передаваемое из рук в руки всеми крупными империалистическими разведками...

Остались у нас Вильфан и Матес. Первый — сын муссолиниевского сенатора. Второй — отпрыск какого-то высокопоставленного австрийского чиновника, который пожаловал в Югославию в связи с аннексией Боснии и Герцеговины.

Такова моральная и политическая физиономия самозванцев, орудующих в ООН в качестве «югославской делегации». Впрочем, всех шестерых можно вполне взять в одни скобки и дать им обобщающую характеристику в виде анкеты. Это будет выглядеть так:

Имя — Иуда (псевдоним — Искариотский).

Фамилия — Предателевич.

Национальность — безродный космополит.

Профессия — агент-провокатор американского империализма.

Социальное положение — смертельный враг рабочего класса.

Социальное происхождение — то же.

Идеология — фашистская.

Мораль — проституированная.

Политические принципы — американского гангстера, или, что то же, американского дипломата.

Коротко? Зато ясно и верно!

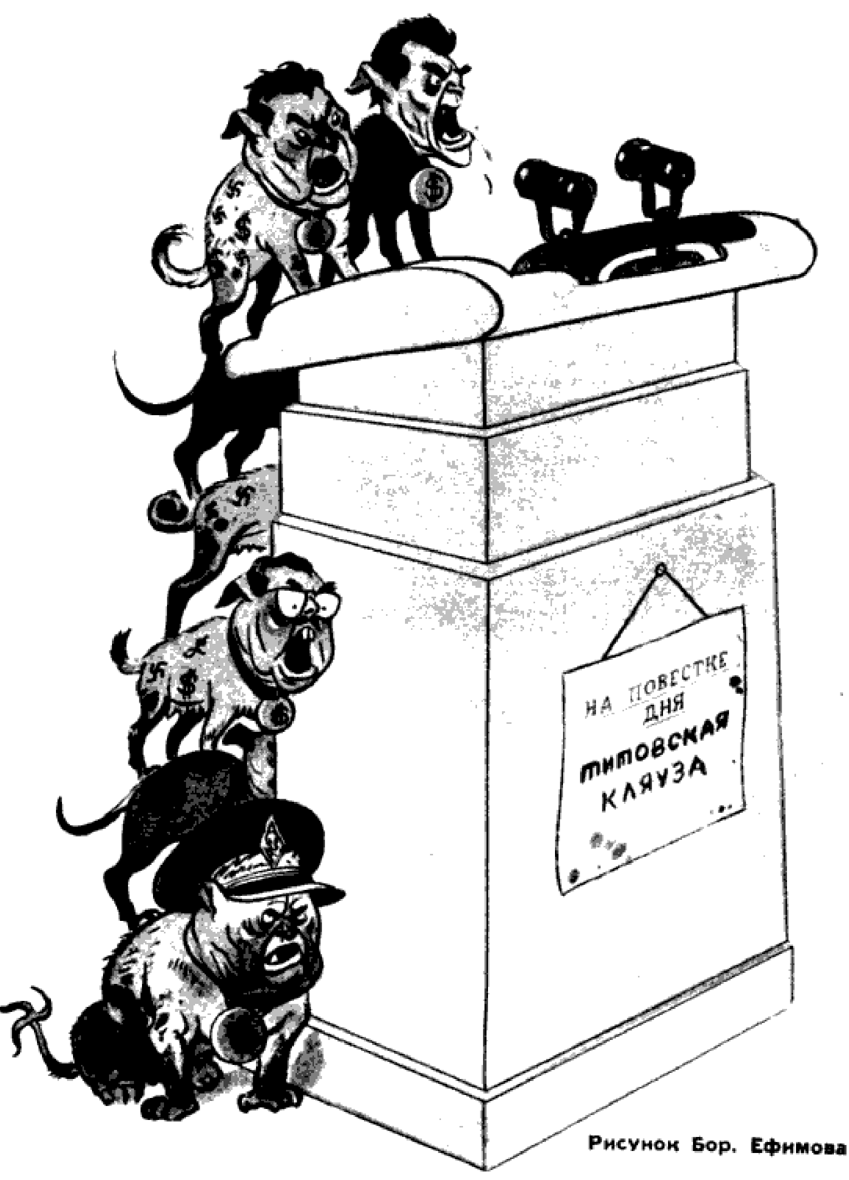

Рисунок Бор. Ефимова

РУССКИЕ МОРЯКИ В МЕССИНЕ

Русские моряки ведут раскопки на разрушенных землетрясением улицах Мессины.

Огромное бедствие, постигшее итальянский народ в минувшем году, вызвало горячий отклик в нашей стране. Советские люди оказали бескорыстную помощь населению Италии, пострадавшему от наводнения. Пароход «Тимирязев», доставивший в генуэзский порт дары советских профсоюзов, потребительских обществ и Антифашистского комитета советских женщин, был вестником дружбы и солидарности трудящихся нашей страны с трудовым народом Италии. Перед всем миром было продемонстрировано, что подлинная солидарность народов, как сказал генеральный секретарь Всеобщей итальянской конфедерации труда ди Витторио, «выражается зерном и тракторами, а не самолетами и пушками».

В этой связи хочется рассказать о другом случае оказания дружеской помощи итальянцам, имевшем место 43 года назад.

Мне, очевидцу тех событий, вспоминается страшное мессинское землетрясение 28 декабря 1908 года.

В тот период балтийский отряд кораблей русского военно-морского флота совершал учебное плавание и находился в порту Аугуста, в южной части острова Сицилия. В состав отряда входили линейные корабли «Слава» и «Цесаревич», крейсеры «Адмирал Макаров», «Богатырь», «Олег». Командовал отрядом контр-адмирал Литвинов.

В ночь на 28 декабря при безветреной погоде на рейд порта внезапно со стороны моря начали накатывать крупные волны. Корабли рвануло так сильно, что вахтенный начальник «Славы» отдал команду: «Второй якорь к отдаче изготовить!»

С кораблей было видно, как в городке забегали люди с ручными фонарями. Оказалось, что на берегу ощущались сильные подземные толчки и стены многих домов дали трещины.

В конце дня 28 декабря начальник отряда вызвал к себе на флагманский корабль всех командиров. Адмирал Литвинов сообщил, что, по полученным сведениям, город Мессина с населением свыше 80 тысяч человек совершенно разрушен землетрясением и почти все жители погребены под развалинами.

Начальник отряда приказал командирам кораблей «Слава» и «Богатырь» немедленно поднимать пары и следовать полным ходом в порт Мессину. Командиры оставшихся трех кораблей просили, чтобы их суда также были посланы на помощь бедствующим людям. Адмирал согласился пойти с четырьмя кораблями, оставив в порту Аугуста лишь крейсер «Олег», на котором было мало топлива. Однако командир этого крейсера по договоренности с местными властями разгрузил полузатонувшую баржу с углем и вскоре догнал отряд.

Никто из нас еще не представлял, что придется делать в Мессине. Но в течение всей ночи люди не спали. Из всевозможных материалов изготовляли носилки, машинная команда отковывала ломы, кирки, топоры. Приводили в порядок лопаты.

В шесть часов утра мы подошли к порту Мессина. Отдали якорь. Фасады многих домов на набережной стояли как бы нетронутыми, укрывая от глаз хаос разрушения. Над городом стелился дым пожаров.

Выехавший на разведку старший офицер «Славы» вскоре вернулся и сообщил, что из развалин повсюду слышны стоны и призывы людей о помощи. На кораблях остались лишь самые необходимые специалисты и больные. Все остальные отправились на спасательные работы в Мессину.

Надо сказать, что при подходе к Мессинскому проливу нас обогнал большой английский крейсер, шедший с Мальты. Он первым вошел в порт. Но англичане не очень-то торопились на тяжелую работу. Они предпочитали заняться «охранной службой». Ими был установлен караул у развалин большого ювелирного магазина, все ценности которого валялись на мостовой среди щебня. Караул сменялся очень часто, и вскоре уже нечего было охранять... В дальнейшем англичане занялись раскопками сейфов, которые почему-то потащили на крейсер.

Русские моряки без промедления бросились на помощь пострадавшим — руками разгребали развалины, вытаскивали бревна, доски. Было жарко, известковая пыль обжигала, руки раздирались в кровь. Рушились от подземных толчков остатки стен. Так был засыпан старший механик линкора «Цесаревич» Федоров, но его тут же откопали.

Спасенных людей клали на носилки или на створки дверей и несли на набережную к нашим медпунктам, а отсюда отправляли на корабли.

В первый же день раскопок спасенных разместили на трех русских кораблях. Они немедленно ушли в Палермо, Сиракузы, Катанию.

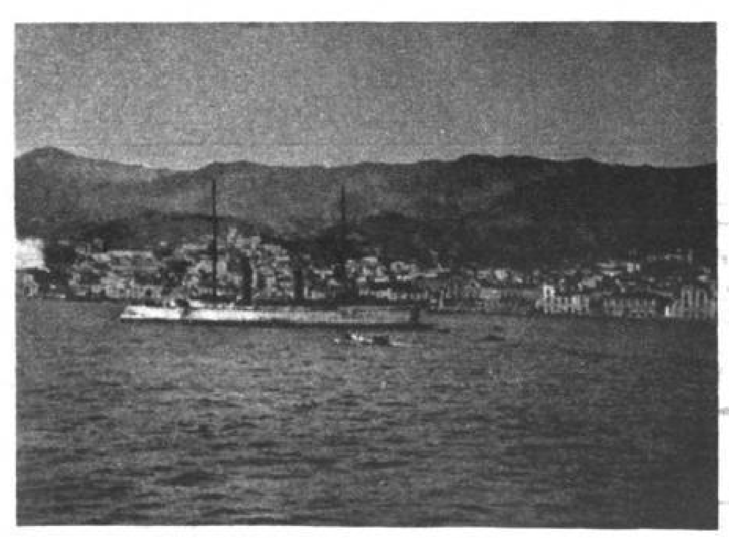
Мы, моряки со «Славы», продолжали работу и на второй день и лишь с наступлением темноты, заполнив ранеными и больными все помещения корабля, вышли в Неаполь. Здесь был мобилизован весь местный транспорт. Спасенных людей оказалось свыше семисот.

На русских кораблях отдавали пострадавшим от землетрясения итальянцам лучшие продукты, без устали готовили пищу и лед для утоления жажды.

В следующем, 1909 году, крейсер «Аврора» посетил порт Мессину и, вернувшись в Россию, доставил всем русским морякам, участвовавшим в спасении итальянцев, медали, отчеканенные в память землетрясения в Сицилии и Калабрии 28 декабря 1908 года.

Друзья познаются в беде! Эту истину на собственной своей судьбе хорошо усвоил простой народ Италии.

В. ЯНКОВИЧ,
старший морской инспектор Главсевморпути

В мессинском порту в дни землетрясения.

Знакомьтесь, ребята!

В журнале «Огонек» № 40 за 1951 год я прочитал очерк «Василий Горбатенко и его дочь». Это рассказ о жизни и учебе школьницы Гали, отец которой, Василий Ефимович, погиб на фронте. Есть в очерке строки, напоминающие о том, как погиб в боях за Родину большой друг Василия Ефимовича — комиссар полка Григорий Кириллович Дубинин, мой земляк и коллега по профессии. Я преподаватель русского языка и литературы, а Григорий Кириллович до войны был учителем и директором школы у нас, в Днепродзержинске.

Из очерка я узнал, что Галя Горбатенко хотела бы послать письмо дочке Дубинина, но не знает ее адреса. И вот я решил помочь ей отыскать в нашем городе Дубининых. Это оказалось не таким уж трудным делом, так как Дубинина знали многие учителя города. Адрес мне указали сразу: Широкая, 1, квартира 25.

В воскресный день я отправился к Дубининым и застал всех их дома. Мы познакомились.

Тяжело было бередить незажившую рану... Александра Феодосиевна, молодая смуглая женщина, говорила о муже, его работе в школе, товарищах по армии. Тут же сидели притихшие дети — Вова и Ада. Они молча слушали рассказ об отце, которого не помнят.

Рассказ Дубининой напомнил мне об альбоме, который бережно хранится в городском отделе народного образования: альбом посвящен героям-учителям города Днепродзержинска, принимавшим участие в Великой Отечественной войне. На первой странице фотография батальонного комиссара Г. К. Дубинина. Тут же письмо, полученное Александрой Феодосиевной от группы летчиков после гибели Григория Кирилловича.

Потом разговор заходит о школьных делах, успехах Вовы и Ады. Ребята спешат показать дневники, похвастать отметками: у них только четверки и пятерки.

Шестикласснику Вове 14 лет, Аде 11 лет. Она занимается в 4-м классе 5-й женской средней школы, где до войны ее отец, Григорий Кириллович, был директором. Ада принимает активное участие в драмкружке, а Вова увлекается спортом, особенно футболом. Оба они больше всего любят книги.

Александра Феодосиевна ласково поглядывает на детей, которых растит и воспитывает без мужа. Она гордится ими, продолжателями дела, за которое отдал жизнь их отец.

Прощаясь, Дубинины просят заходить к ним почаще. Вова говорит:

— Мы с Адой сфотографируемся и пошлем фото Гале Горбатенко. А ее фотография у нас есть. Смотрите...

Ребята подводят меня к письменному столу и показывают на хранящийся под стеклом, в рамке, вырезанный из журнала снимок Гали.

— Это наша новая подруга,— говорит Ада.— Мы обязательно должны ближе познакомиться с ней.

Обязательно! Знакомьтесь, дорогие ребята! У вас должна быть такая же крепкая дружба, какая была у ваших отцов.

Ада и Вова Дубинины.

Т. ИНЬКО,
преподаватель языка и литературы средней школы № 17 города Днепродзержинска

Подкова

Рассказ

И. ВАСИЛЕНКО

Рисунок П. Караченцова

В топот сотен ног, в ребячий гомон ворвался веселый, бойкий звон, и спустя немного в школе наступила тишина. В одних классах продолжались уроки, в других, уже опустевших, хозяйничали с мокрыми тряпками в руках уборщицы, а в седьмом классе начался сбор второго звена. Мальчики и девочки уселись тесной группой. Остальные парты пусты: стоят и будто прислушиваются, о чем там, в левом углу, толкуют ребята, когда все их товарищи по классу уже прошли домой обедать.

За столом сидит Наталья Ивановна, классный руководитель. Она проверяет тетради, и их голубоватая стопа с левой стороны делается все ниже, а с правой постепенно растет. Кажется, будто Наталья Ивановна целиком ушла в проверку. В действительности она слышит каждое слово и в любую минуту, когда это понадобится, готова вступить в разговор. Но пока в этом нет нужды: сбор очень умело ведет звеньевой вожатый Ваня Кудрин, черноволосый худощавый мальчик лет четырнадцати. Он еще носит пионерский галстук, но на груди у него уже значок не с пылающим костром, а с красным знаменем и буквами ВЛКСМ: две недели назад Ваню приняли в комсомол.

— Сегодня мы поговорим о подкове,— сказал он, и его чуть раскосые глаза на мгновенье лукаво прищурились.— Толя, начинай.

Круглое лицо Толи Лямина сделалось сразу розовым. Чтобы скрыть смущение, он сдвинул брови и сердито посмотрел в сторону.

— О подкове? — недоуменно спросила беленькая Оля Кучеренко.— О какой подкове?

— О лошадиной,— веско сказал Николай Хорошаев, самый большой по росту ученик в классе.— Ты ничего не знаешь. Сиди и слушай.

Толя перевел сердитый взгляд на вожатого:

— Можно и без... подковыривания.

— Да что ты, Толя!..— добродушно воскликнул Ваня Кудрин.— Подкова — это... вроде символа. Ты не обижайся. Расскажи, с чего началось.

— Ну, если интересно...— Смущение так же быстро сошло с лица Толи, как и появилось.— Все рассказывать?

— Все.

Толя улыбнулся, весело посмотрел на ребят и начал:

— Мы с Ваней Кудриным по физике вместе готовим уроки. Мне трудно одному. Все другие предметы ничего, а физика почему-то не дается. Вот он пришел ко мне, разобрали мы законы отражения света, высчитали угол между падающими и отраженными лучами и сели играть в шахматы. Сначала разыграли ферзевый гамбит, потом сицилианскую. Вдруг Ваня спрашивает: «А зачем ты повесил на дверь подкову?» «Какую, — говорю, — подкову? Я никакой подковы не вешал». «А что ж,— говорит Ваня,— сама она на дверь повесилась?» «Да на какую дверь?» «А в передней». И тут я вспомнил, что у нас на дверях действительно висит подкова, давным-давно... Так примелькалась, что мы ее уже перестали замечать. «А,— говорю,— верно: висит. Это ее еще старые квартиранты повесили». «А зачем?» — спрашивает Ваня. «Кто их знает! Бабушка объясняла, что в старину такое поверье было: если старую подкову повесить на дверь или к порогу прибить, то в дом счастье придет...»

Ребята дружно засмеялись. Не поднимая от тетради головы, улыбнулась и Наталья Ивановна, но тут же сдвинула брови и резким движением карандаша выправила в слове «вырастить» «о» на «а».

Толя выждал, когда смех утих, и продолжал:

— Тогда Ваня говорит: «Так то ж в старину, а теперь не старина, а новейшее время. Почему ж он висит?» «Кто он?» — спрашиваю. «Да пережиток этот». «Не знаю,— говорю,— почему он висит. Я его повесил, что ли!» «А ну, пойди,— говорит,— спроси у бабушки». Я пошел в столовую и спрашиваю: «Бабушка, почему у нас висит эта подкова?» А бабушка отвечает: «Потому, что никто не догадался снять ее». Я вернулся и говорю: «Потому, что никто не догадался снять ее». А он опять наступает: «Ну хорошо, отцу твоему и матери некогда: отец стоквартирный дом строит, мать в карете «Скорой помощи» ездит, а куда ты смотришь? Перед тобой такое добро висит, а ты ноль внимания, да?» «Вот это,— говорю,— добро? Старая подкова?!» А он мне: «Да ты знаешь, сколько страна должна дать стали за пятилетку?» «Знаю,— говорю,— не хуже тебя». «Хорошо, а как же ты помогаешь стране выполнить этот план?» «Так же,— говорю,— как и ты. Что я, сталевар, что ли? Я ученик, мое дело — учиться». А он напирает: «Значит, если б ты эту подкову отдал государству, так стал бы хуже учиться, что ли?» «Подкову? — говорю.— Ты что, смеешься? Да зачем она государству?» «Как,— спрашивает,— зачем? Да ведь это металлический лом! Из этой подковы можно комбайн сделать или даже шагающий экскаватор». Я говорю: «Сколько же их надо! В подкове и двухсот граммов нет». «Это,— отвечает он,— ничего не значит. На одном складе был случай, когда муравьи перетащили из подвала к себе на чердак целую тонну сахарного песку. Милиция с ног сбилась, пока нашла виновных. Это вообще. А в частности, подкова твоя весит не меньше трехсот граммов». Тут мы начали спорить. Я — двести, он — триста. Спорили, спорили, потом сняли подкову и пошли взвешивать ее.

— Куда? — заинтересовались ребята.

— В «Гастроном».

— А вас оттуда не выпроводили?

— Нет. Продавщица только сказала: «Мы на этих весах пряники взвешиваем, а вы с лошадиным инвентарем лезете». Потом завернула в бумагу и взвесила.

— Ну, и сколько? — спросили ребята.

— Триста шестьдесят три грамма. Мы вернулись с Ваней домой и повели принципиальный разговор.

— Какой разговор? — не поняла Оля Кучеренко.

— Принципиальный.

— Да о чем?

— Ну, о счастье. Ваня сказал: «Счастье в дверь само не лезет, хоть сто подков повесь. Счастье надо добывать».

— Это известно,— авторитетно сказал Николай Хорошаев.

— И неправильно,— в тон ему добавил коротенький, плотный Гриша Груздь.

— Почему это? — вызывающе спросил Толя.

— Потому, что неясно. Можно подумать, что каждый должен добывать счастье только для себя.

— Зачем каждый для себя? — повернулся к нему Толя.— Все вместе. Одним словом, мы говорили, что наш отряд еще очень мало сделал для страны, что наше звено тоже отстает.

— Ага, отстает! — торжествующе сказала остроглазая Галя Чернышенко.— А как же ты про наше звено стихи такие писал?

— Какие «такие»?

— Уже не помнишь?

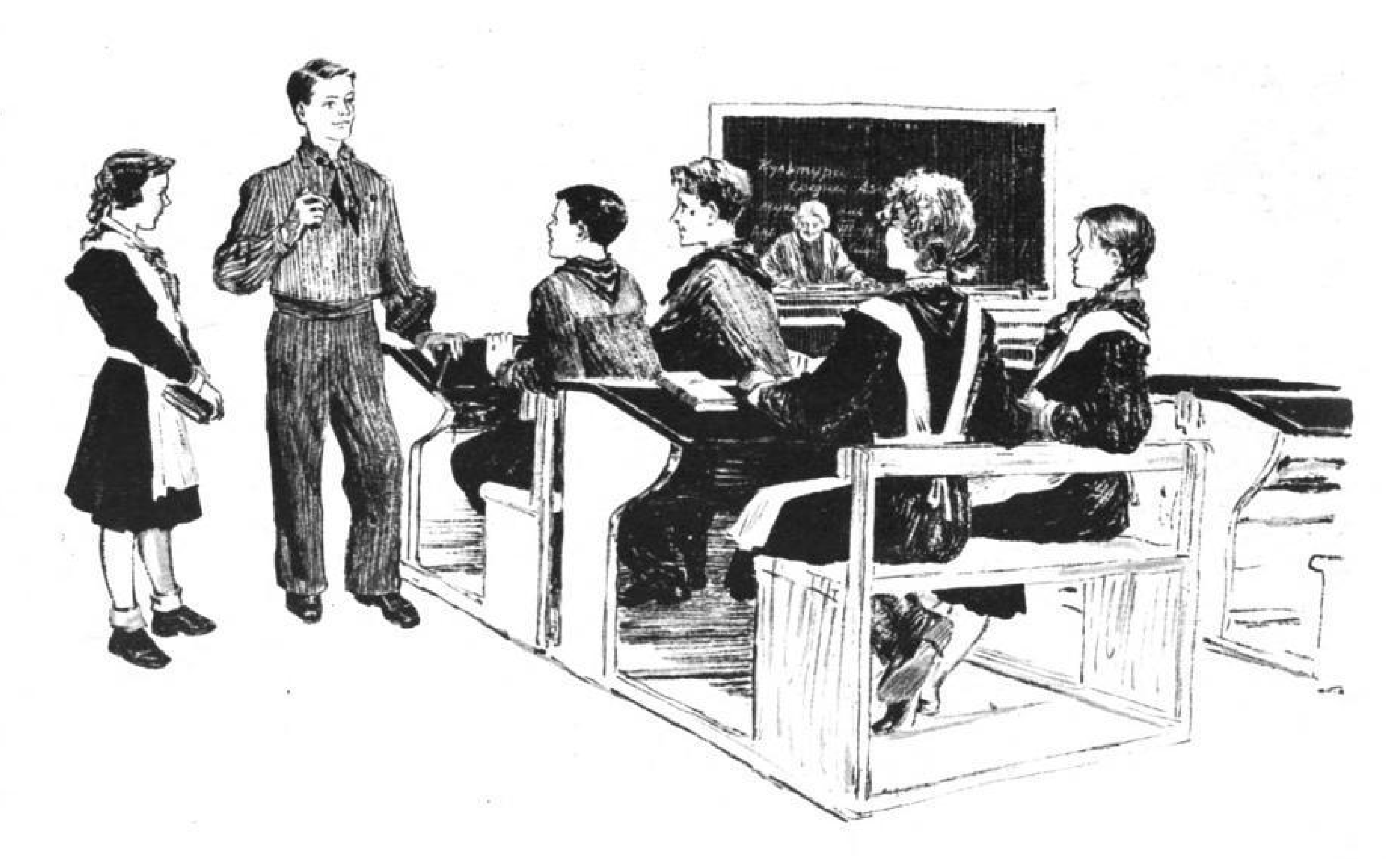
Ох звено ты боевое!
Крепче ногу, шире шаг!
Хоть по счету и второе,
Зато первое в делах.

— Ну, это когда было! Да я от них потом сам отказался: Гриша Груздь говорит, будто такие ж стихи еще до меня кто-то написал, только не про звено, а про роту суворовцев... Не в этом, ребята, дело. Дело в том, что после принципиального разговора мы зашли за Николаем Хорошаевым и все втроем пошли на склад «Утильсырье».

— Вот так прогулка! — пожала Галя острым плечом.— Там же тряпки!

— Вот так сознательность! — в тон ей отозвался Николай Хорошаев. — А тебе бы только на каток?

Наталья Ивановна впервые за все время

оторвалась от тетрадей и недоуменно посмотрела на Галю. Та растерянно моргнула.

Вожатый сделал знак Толе, чтобы он сел.

— Что мы втроем видели на складе, расскажет Николай Хорошаев.

— Могу,— поднялся Николай.— Конечно, были там и тряпки. Что ж такого! Они идут на выработку самых лучших сортов бумаги. Но нас интересовал больше металлический лом. Мы, Наталья Ивановна, столько там видели! — обратился он к учительнице. Та подняла голову и карандашом показала, чтобы он повернулся к своим товарищам.— Мы там, ребята, столько видели! — повторил Николай.— Вот, например, крыло самолета: дюралюмин с него содрали, оно и лежит, как скелет какого-то ископаемого. Шасси, разбитый тягач — да всего не перечислишь. Уж мы смотрели, смотрели — еле оторвались. Потом пошли в тот угол, где всякий домашний лом складывают. Даже смешно стало, честное слово! Такие там допотопные вещи! Самовар медный с помятыми боками, древняя гиря... Так на ней и написано: «10 фунтов». Но были и современные вещи: кастрюли, тарелки. Там все принимают и даже деньги платят. Ну, деньги нам не нужны. Разве мы из-за денег? Мы вот что думаем, ребята: если каждый из нас покопается в кладовой, да в сарае, да в погребе, да на чердаке, то чего он только не найдет! Но, конечно, надо согласовать с родителями. Один наш отряд, я считаю, может на целый трактор металла собрать. А что, нет? Соберет!

Николай решительно оглядел звено и сел.

— Кто еще хочет сказать? — спросил вожатый.

— Можно? — подняла руку беленькая Оля Кучеренко.— А у нас тоже есть медный самовар и тоже с помятыми боками. Папа сколько раз говорил маме: «И зачем ты держишь эту археологию?» А мама ему: «Как можно! А из чего Архип Христофорович чай будет пить?» А Архип Христофорович — это мамин двоюродный дедушка. Ему уже девяносто лет. Он приходит к нам раз в году, в день какого-то Андрея Перво... Вот забыла: не то Первостепенного, не то Перворожденного. Ах, вспомнила! Первозванного... Приходит и говорит: «Ну, внучка, ставь самовар: я люблю, чтоб на столе мурлыкало и дымком пахло». Вот какие пережитки! Так я хочу спросить звено: как же мне согласовывать с мамой вопрос об этом самоваре — сдавать его или нет?

Все растерянно переглядываются. Наталья Ивановна откладывает тетрадь и выжидательно смотрит на ребят.

— Я думаю, не надо, — говорит наконец вожатый.— Пусть дедушка пьет. А вы что скажете, ребята?

— Не надо! — хором отвечает звено.

— Вот и я так думаю! — живо подхватывает Оля.— А вместо самовара я лучше попрошу у мамы старый примус.

Наталья Ивановна опять склоняется над тетрадью и мягко вычеркивает второе «н» в слове «серебряный».

— Товарищи,— сказал вожатый,— мы еще ничего не решили, а Оля уже — примус. Давайте еще поговорим.

— Все ж ясно,— отчеканивает Гриша Груздь.

— А я уже покопался и согласовал с родителями,— сказал Николай. Он прочитал список старых вещей и раздумчиво спросил: — А вот что делать с гривной? В погребе я нашел огромную бронзовую монету. С килограмм весом.

— Тащи и монету,— решает звено.

— Что вы! — вскинула голову Наталья Ивановна.— В музей сдай.

— Правильно, в музей,— согласились ребята. — Это, наверно, еще при Илье Муромце такие монеты выпускали, чтоб было чем драться в случае чего.

Дверь тихонько открылась, и в класс, осторожно ступая, вошел Сидор Петрович, школьный сторож.

— Я вот зачем,— шепотом, чтоб не помешать, сказал старик: — Давеча, Наталья Ивановна, вы просили местечко в сарае освободить, так я все дрова в меньший сарай сложил, а больший вам оставил. Пусть несут, ничего. Сарай просторный, ничего...

И попятился к двери.

— Спасибо, Сидор Петрович,— кивнула учительница. Потом повернулась к ребятам и объяснила:

— Толя Кудрин советовался со мной, и я заранее была уверена, что вы поддержите его мысль.

— Значит, в школу нести, Наталья Ивановна? — спросили ребята.

— В школу. Соберем и сдадим от всей школы. Ведь, я думаю, и другие отряды дремать не будут. А от денег нам отказываться незачем. Если ваши родители не захотят принять деньги за свои вещи, мы на эти деньги инструментов накупим для рабочей комнаты, новых книг для библиотеки... Да мало ли у нас потребностей!

— Ветродвигатель построим во дворе,— подсказал Николай.— Будем своим электричеством аккумуляторы заряжать в физическом кабинете.

— Правильно, ветродвигатель! — подтвердил Гриша Груздь.— Чего ветру даром пропадать!

— Ребята,— загорелась Оля,— если всей дружиной собирать, так чего только мы не соберем! И железо, и чугун, и цинк, и латунь, и свинец... Да все! А значит, из нашего металла любую машину построить можно будет. Вот хорошо, если б мы сами сказали, что строить! Приедут к нам за ломом, а мы скажем: будьте добры, отвезите, пожалуйста, наш металл на тракторный завод. Пусть там сделают из него самый большой трактор и на нем напишут, кто этот металл собирал.

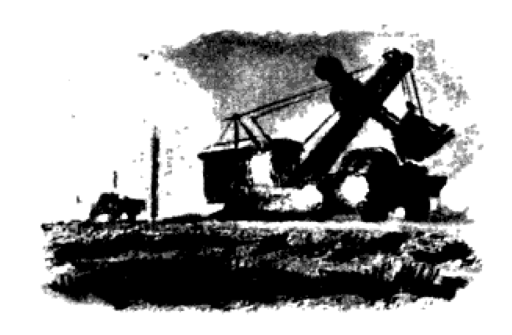
— Это ж зачем? — глянул на Олю исподлобья Гриша Груздь.

— Ну, все-таки приятно. Понимаешь, весна, солнышко светит, а в поле наш трактор идет — огро-омный! Так землю и пашет, так и пашет. Люди спрашивают: «Чей это такой трактор большой? Мы такого еще не встречали». А тракторист им: «Так это ж пионерская дружина имени Павлика Морозова металл собирала. Посмотрите, тут же написано». Разве не приятно?

— Приятно,— сказала и Галя Чернышенко. Ее глаза, всегда такие острые, глянули на Олю мягко и доверчиво.— Да разве, Олечка, только трактор! Можно изготовить открытый автомобиль мест на двадцать, такой красивый, чтоб все радовались, и катать в нем детишек.

Ребята увлеклись, забыли о самоваре с помятыми боками и заговорили о шагающем экскаваторе с гигантской стрелой, о чудо-машине, которая придет на смену экскаватору, и о том, как они сами будут строить эту машину.

Наталья Ивановна опустила карандаш и смотрит, улыбаясь, на ребят. Надо бы тут вмешаться в разговор, но учительница не торопится: пусть потолкуют, помечтают, а уж потом она объяснит, как мудро, по строгому плану распределяет государство свои ресурсы. Да заодно расскажет и о вспыхнувшем сейчас воспоминании: вот и на двери хижины, где жили они в детстве, висела старая подкова, а в дверь входили только горести, нищета да болезни. Счастье пришло сразу во все хижины и стало счастьем всех людей...

СУСЛИК

Сергей ОРЛОВ

Что-то с миром вдруг стряслось такое —
Суслику степному не понять.
Навсегда лишился он покоя,
Трудно рядом с громом проживать.

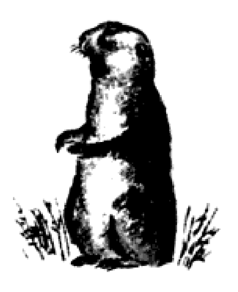
Рыжий суслик с круглыми глазами
В степь ныряет — вот исчез, как дым,—
Лишь когда взорвется тормозами
Черная дорога перед ним.

Все-то он на свете перепутал,
Как всегда, уходит солнце прочь,
Но за вечером приходит утро,
И совсем куда-то делась ночь.

Вспыхивают фонари и фары,
Отступает перед ними тьма,
И, чтоб время не терялось даром,
Запасает ночью он корма.

Даже овсюга нигде не стало,
Выгорел и вытоптан овсюг,
По степи грохочут самосвалы,
В небе птицы тянутся на юг...

В свете электрическом за Волгой,
У скрещенья множества дорог,
Вот и встал он — теплый рыжий столбик,—
Продувая маленький свисток.

Украинские художники

Развитие украинского реалистического искусства в XIX веке во многом было определено началами, заложенными Т. Г. Шевченко. Разносторонний художник, с одинаковым успехом писавший портреты, пейзажи, жанры, целью родного искусства он считал служение народу. В его произведениях звучал в полный голос рассказ о народной доле и страданиях, о душевной красоте простых людей. Проповедь новых идейных позиций в искусстве увлекла многих украинских художников, среди которых заметное место принадлежало жанристу К. А. Трутовскому (1826—1893).

Великий кобзарь вдохновлял К. А. Трутовского и как поэт и как живописец. К. Трутовский иллюстрирует произведения Т. Шевченко и среди них «Наймичку» и «Гайдамаков», пишет картины из его жизни. Вместе с группой художников Трутовский принимает участие в создании альбома «Живописная Украина», продолжающего одноименную серию Т. Шевченко.

Инженер по образованию, К. Трутовский увлекся живописью, еще будучи в инженерном училище. Тогда же он начинает посещать классы Петербургской академии художеств, но вскоре уезжает на Украину, где в основном и протекала его последующая жизнь. С большим остроумием и метко рисует он типы и нравы мелких помещиков, изображает многочисленные сцены из народного быта. К числу последних принадлежат лучшие картины художника: «Колядки», «На кладке», «Свадебный выкуп», рисующая один из старинных народных обычаев.

Идеи Т. Шевченко получили дальнейшее развитие во второй половине XIX века, когда украинское искусство испытало сильное влияние передвижничества. Под этим влиянием сформировалась целая плеяда украинских мастеров реалистической живописи, в том числе Н. Мурашко и В. Орловский. «Жизненность и сила киевской рисовальной школы,— писал по поводу руководимого им художественного учебного заведения в Киеве Н. И. Мурашко,— многим обязана обществу передвижников».

Но если Н. И. Мурашко (1844—1909) преимущественно известен своей педагогической деятельностью (в его школе, между прочим, получил первоначальную подготовку народный художник РСФСР В. Бялыницкий-Бируля), то В. Д. Орловский (1842—1914) вошел в историю родного искусства как талантливый пейзажист. В работах Орловского, по словам В. В. Стасова, много «простоты и правды». Великий критик отмечал, что «Орловский писал равно прекрасно неаполитанские и крымские, среднерусские и северорусские пейзажи, лес и берег морской, парк и покос, болото и деревню, кавказские ручьи и малороссийские хуторки...» В нашем номере мы помещаем две характерные его картины на украинские темы.

Н. И. Мурашко. НАД ДНЕПРОМ.

Гос. музей украинского искусства, Киев

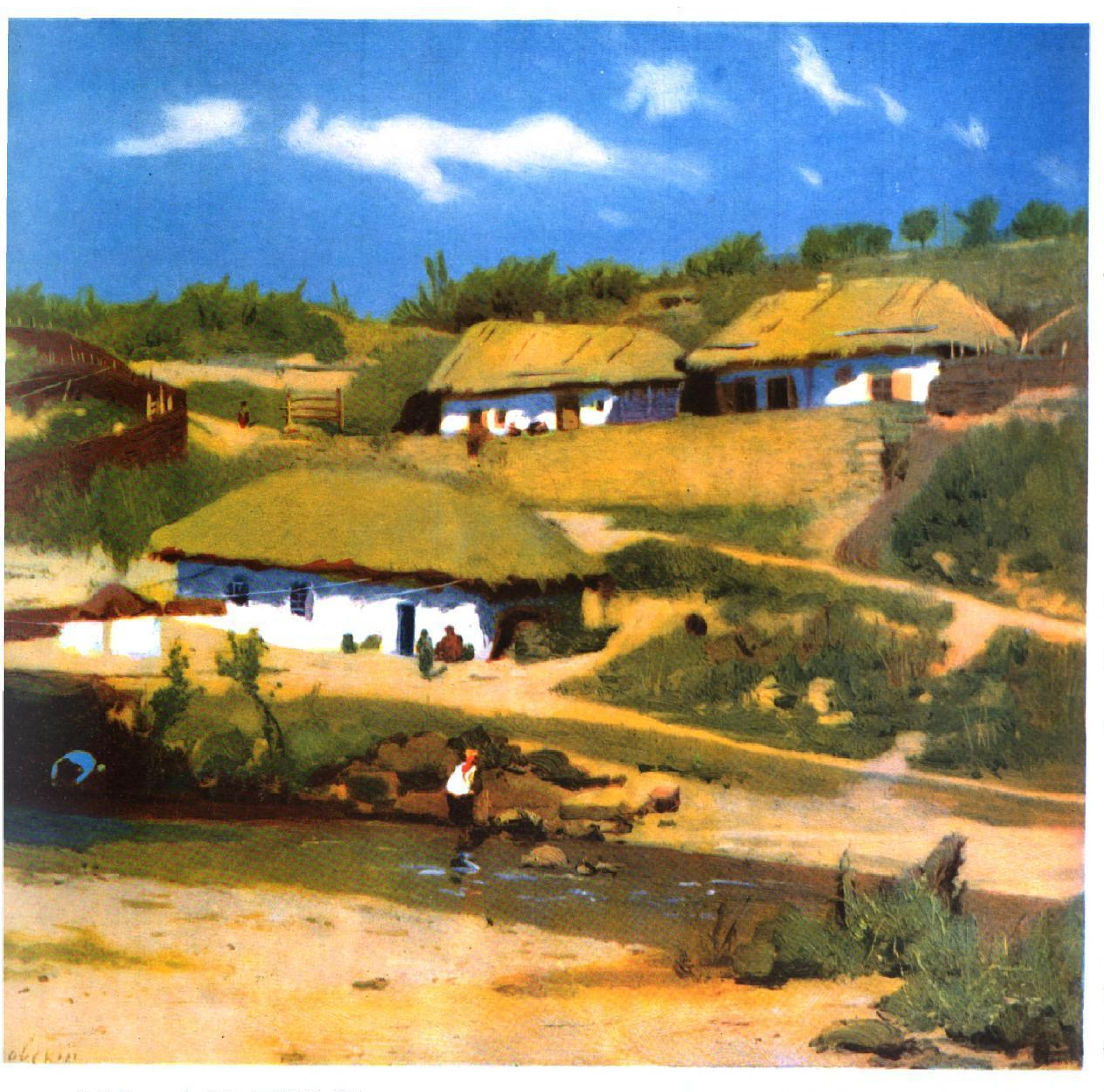

К. А. Трутовский. СВАДЕБНЫЙ ВЫКУП.

Гос. музей украинского искусства, Киев

В. Д. Орловский. ЖАТВА.

Гос. музей украинского искусства, Киев

В. Д. Орловский. ХАТЫ В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ. Гос. музей украинского искусства, Киев

ПРОЩАНИЕ

Рассказ

ХАН СЕР Я

Рисунки В. Высоцкого

Хан Сер Я принадлежит к старшему поколению деятелей корейской культуры и широко известен в своей стране.

В годы, когда Корея томилась под игом японского империализма, Хан Сер Я написал романы и повести: «В ту ночь», «Голод», «Перелом», «Первые сумерки», «Памятник»,— которые призывали народ к борьбе с поработителями.

Когда в августе 1945 года героическая Советская Армия освободила Корею и на севере страны создана была Корейская Народно-Демократическая Республика, Хан Сер Я сразу же поставил свое творчество на службу новой, народной власти. Его книги содействуют укреплению дружбы корейского народа с великим советским соседом. Таковы повесть «Шапка», репортаж «Песня о путешествии в СССР». В произведениях «Шахтерский поселок», «Брат и сестра», «В деревне» он показал, как народ строит новую жизнь без помещиков, капиталистов, чужеземцев-колонизаторов.

На злодейскую интервенцию американо-английских империалистов писатель откликается острыми публицистическими статьями.

Хан Сер Я — крупный политический и государственный деятель. Он возглавляет Ассоциацию работников литературы и искусства Северной Кореи, является председателем Специальной комиссии по расследованию и определению ущерба и злодеяний, причиненных американскими интервентами и кликой Ли Сын Мана, и председателем Корейского комитета защиты мира. Хан Сер Я присутствовал на Третьей Всесоюзной конференции сторонников мира в Москве. Его речь, произнесенная с трибуны конференции, нашла живейший отклик среди делегатов.

Рассказ «Прощание» написан в начале 1951 года.

Его разбудила неумолкаемая болтовня малыша Дян Су. Не открывая глаз, Ён Дю представил себе картину, с которой успел сродниться в этом доме. За тонкой стенкой в тесной кухонке на гладкой, точно отполированной поверхности кана[1] играл Дян Су. Его мать хлопотала у старого, потрескавшегося очага. Темные глаза женщины глядели задумчиво и грустно. Они оживали только тогда, когда мать смотрела на сына, поглощенного игрой. Тревоги и волнения последних месяцев изменили лицо женщины: возле концов ее губ залегли две тонкие морщинки.

Стараясь не греметь посудой, женщина готовила скудный завтрак.

Мальчик захныкал:

— Хочу есть, мама. Хочу яйцо.

— Нельзя, сынок, — ответила женщина.

— Почему? Ведь ты варишь яйца.

— Нельзя, Дян Су. Тебе будет другое.

— Жалко, да?

— Ты же слышал: дядя едет к отцу...

— Тогда не буду есть яйца, — Дян Су перестал хныкать. — Знаешь, я даже не люблю их. Отдай дяде. Только пусть он скажет папе, чтобы скорей победил американцев и приехал к нам.

Ён Дю осторожно потянулся: глубокий шрам, пересекавший спину, еще не совсем зажил. Затем Ён Дю согнул левую ногу, чтобы убедиться, что и с ногой дело понемногу налаживается и сквозная рана не беспокоит, как прежде.

Хмурое декабрьское утро просачивалось сквозь частый переплет оконной рамы скудным, бледным светом. Рядом с постелью Ён Дю заметил свое солдатское обмундирование, выстиранное и тщательно залатанное. Он хорошо помнил, каким оно было тогда — все в пятнах крови, в глине, в клочьях болотных водорослей. «Мать Дян Су[2] починила гимнастерку и штаны. Добрая женщина!» — подумал Ён Дю.

Он снова прислушался к разговору за стеной. Неизъяснимым блаженством наполнял этот разговор сердце Ён Дю, казался ласковой песнью его детства.

Сегодня он уйдет из этого дома, где нашел приют, столько ласки и заботы. Он отправится искать свою часть: долг патриота повелевает ему быть сейчас среди тех, кто бьется за свободу родной земли. Кроме того у него есть еще и свои личные счеты с ненавистными янки. Ён Дю должен поквитаться с палачами.

Когда Ён Дю, все еще чувствуя слабость, раздвинул двери чиби[3] и, чуть прихрамывая, вышел во двор, запах зимы, свежий, пьянящий, пронизал все его существо. Безмолвные скалистые горы, обступившие со всех сторон маленький хуторок, редкий кудрявый лес, раскинувшийся внизу в узкой лощине, речушка, стремительно и звонко катившая струи меж камней, были точно окутаны белесой пеленой. Холодный туман, казалось, вот-вот упадет на землю мягким, пушистым снегом.

Ён Дю с трудом шагнул навстречу порывистому ветерку... и остановился. Сердце вдруг заколотилось торопливо, толчками, в глазах замелькали мушки, поплыли темнозеленые круги. Но так продолжалось всего лишь минуту — другую. И вот солдат уже улыбнулся, оправился. Как бы там ни было, все-таки он снова на ногах, в общем здоров и готов тронуться в далекую дорогу. Конечно, если бы на небе красовалось теплое, весеннее солнышко, на сердце было бы веселее. Но и зимой не так уж плохо: скоро все-таки наступит весна.

Ён Дю выпрямился, расправил плечи. Он сделал еще несколько шагов и подумал о винтовке. Винтовка — вот чего не хватает ему теперь! Но сможет ли он стрелять? Ён Дю сделал движение, как будто вскинул винтовку, прицелился и нажал спусковой крючок. Солдат остался доволен собой: он еще повоюет!

Согнувшись под тяжестью большой охапки хвороста, который она только что собрала в горах, во двор вошла старушка. Это была бабушка Дян Су.

— Ну, теперь ты, кажется, стал настоящим богатырем, — сказала старушка, увидев солдата. — А плох ты был, парень. Чуть богу душу не отдал!

Действительно, одно время Ён Дю казался совсем безнадежным. Загрязнившаяся большая рваная рана на спине гноилась, мучила непрестанная острая боль в ноге. Озноб сменялся приступами горячечного бреда.

Как-то, когда раненый очнулся, старушка, сидевшая у его постели, посмотрела на него и медленно проговорила:

— У тебя глаза точно такие, как у моего сына Ён Ика, отца этого озорника Дян Су. — Помолчав, она добавила: — Нет, ты не умрешь...

Много ночей старая крестьянка, не смыкая глаз, провела около раненого. Она прикладывала целебные травы к его воспаленным ранам, осторожно касаясь пальцами, промывала их, поила Ён Дю противными на вкус настойками. И жар наконец оставил Ён Дю.

Тайком от матери и бабушки, которые опасались, что мальчик беспокоит раненого, шалун Дян Су часто пробирался к Ён Дю. Дян Су усаживался в ногах у Ён Дю, и начинались бесконечные рассказы и расспросы. Они были большими друзьями — раненый солдат и пятилетний малыш.

Однажды мальчуган спросил:

— Скажите, дядя, правда, вы разрушили мост у Мэбон? Так говорит бабушка...

Солдат только улыбнулся и ничего не ответил.

Понемногу Ён Дю поправлялся.

— Не знаю, как и отблагодарить вас, — тихо сказал он однажды бабушке Дян Су, пришедшей, как обычно, навестить его ранним утром. — Сколько хорошего вы для меня сделали! Как родная мать.

— Какая тут благодарность? — рассердилась добрая кореянка. — Мелешь ты, парень, пустое.

Она направилась к выходу, но в дверях каморки задержалась и мягко сказала:

— Лежи, лежи, поправляйся! Ты нужен здоровым и крепким...

Эти слова Ён Дю вспомнил теперь, встретившись со старой женщиной на дворе.

* * *

...Приказ был короток и ясен: взорвать мост у Мэбон.

Большой железобетонный мост через многоводную бурную реку, стоявший на ее крутом изгибе у горы Мэбон, был единственным средством переправы вражеских войск в этом районе.

— Кто пойдет взрывать мост у Мэбон? — спросил бойцов командир роты. — Есть добровольцы? Предупреждаю: дело опасное. Объект находится под усиленной охраной американцев.

— Разрешите мне!.. Никто лучше меня не сумеет справиться с этим... — послышалось со всех сторон.

Ротный поручил выполнение боевого задания двум бойцам: командиру отделения, известному среди солдат под прозвищем «Отоги» (Ловкач) и рядовому Ён Дю, прозванному «Гум бон'и» (Гусеница).

Трудно было найти более непохожих друг на друга людей, чем Отоги и Гум бон'и. Они решительно отличались и складом характера, и поведением, и внешним видом. Но ротный знал, что делал, когда остановил свой выбор именно на этих бойцах. При всем различии они удивительно дополняли один другого.

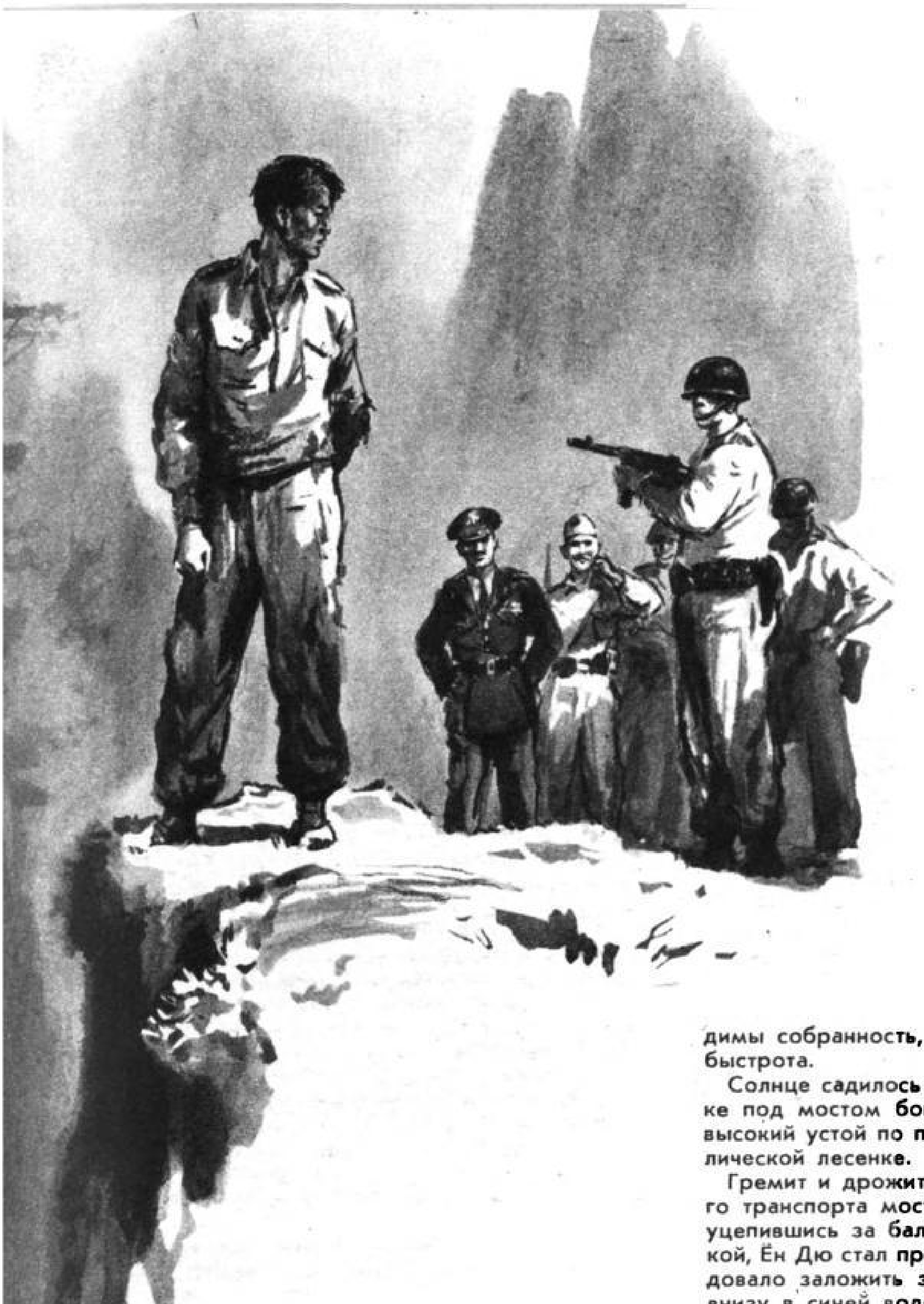
Отоги был вполне достоин своего прозвища. В роте никто не мог сравняться с ним в быстроте, ловкости и находчивости. Сколько раз эти качества маленького, верткого Отоги сберегали жизнь его товарищам в бою! Пришедший в армию из далекой, глухой деревушки, Ён Дю был медлителен, неповоротлив, степенного нрава. Зато он обладал такой силой и выносливостью, что многие могли бы позавидовать ему. В походе бывает по-разному. Иногда десятки километров приходится идти воинам с тяжелой драгоценной ношей — оружием — по горным тропам, через лесные чащи, топкие болота, в зной и стужу, в дождь и метель. Сколько раз отличался в боевых походах Ён Дю, неся пулемет на плечах! Неутомимости и бодрости его как будто не было границ.

...Рыжее осеннее солнце спускалось к сизым

[1] Лежанка в корейском доме, обогреваемая от очага.

[2] В корейской деревне еще и теперь женщина, вышедшая замуж и ставшая матерью, как бы утрачивает свое имя.

[3] Корейский дом.

сопкам за спиной Отоги и Ён Дю, лежавших на склоне горы Мэбон, неподалеку от моста. Впереди в закатных лучах отчетливо вырисовывались ломаные линии старых, начавших осыпаться окопов, порванное проволочное заграждение, шоссейная дорога и мост на массивных железобетонных опорах. Бойцы видели, как по шоссе двигались грузовики, тягачи с орудиями, танки, замедлявшие ход около часового, охранявшего мост. Прохаживавшийся взад и вперед часовой то и дело поднимал к лицу какой-то предмет, иногда вспыхивавший мгновенной искрой.

— Бинокль! — шепнул Отоги товарищу. — Помни, Ён Дю, прижимайся к земле... Недаром тебя называют Гум бон'и: ты знаешь, как ползать, — улыбнулся командир отделения.

— Не беспокойтесь, товарищ командир. Все будет в порядке.

— Ну, пошли!..

Ён Дю осторожно полз от одной сосны к другой, от одного камня к другому. Чем ближе была цель, тем становилось опаснее. Если он будет замечен, ему и Отоги придет конец. Стало особенно страшно, когда, миновав какую-то траншею, Ён Дю оказался на совершенно открытом месте. Едва американец у моста направлял бинокль в его сторону, Ён Дю застывал и лежал неподвижно, точно мертвый. Но часового ослепляло низкое солнце, светившее ему прямо в глаза, и он не мог разглядеть Ён Дю.

Прижимаясь к земле, скрываясь за кочками в побуревшей траве, боец пополз к мосту и тут заметил неподалеку Отоги. Они переглянулись и сразу поняли друг друга: можно двигаться дальше. Они находились уже на таком расстоянии от моста, что не только отчетливо видели американцев, сошедших с одной из автомашин, но и слышали, как те гоготали между собой, точно злые и жадные гуси.

Продолжая переползать по траве, Ён Дю скоро оказался в придорожной канаве. «Тяжелая работа, — думал Ён Дю, поправляя на себе ящик с зарядом взрывчатки. — Но мост нельзя оставить в руках проклятых янки».

Руки и ноги Ён Дю жгло от ссадин. Как в лихорадке, солдат дрожал от необычайного напряжения и усталости.

Оглянувшись, Ён Дю увидел, как пробиравшийся вслед за ним Отоги тихо поднял ладонь — путь свободен. Стремительным прыжком Ён Дю преодолел расстояние, которое отделяло придорожную канаву, спускавшуюся к реке, от огромной опоры моста.

И вот он под мостом... Остановился передохнуть. К этому времени и командир отделения оказался рядом с ним. Говорить не было нужды. Все и так ясно. Теперь особенно необходимы собранность, решительность и, конечно, быстрота.

Солнце садилось за сопки. В плотном сумраке под мостом бойцы начали карабкаться на высокий устой по почти отвесной узкой металлической лесенке.

Гремит и дрожит под тяжестью проходящего транспорта мост. Грохот оглушает. Крепко уцепившись за балки, почти повиснув над рекой, Ён Дю стал пробираться к нише, куда следовало заложить заряд взрывчатки. Глубоко внизу в синей воде он разглядел свою тень. Вдруг Ён Дю вспомнились слова песни, которую он часто певал с товарищами по роте: «Родина всегда видит тот путь, по которому я иду». И Ён Дю показалось, что речная гладь, где он заметил свое отражение, — это родина, смотрящая на него.

Наконец тяжелый ящик водворен на место. Этот ящик — справедливое возмездие тем, кто принес народу Кореи столько горя и страданий.

Отоги поджег бикфордов шнур. Медленно, вздрагивая, пополз язычок голубого огонька...

Нужно скорей уходить... Успел наступить глухой осенний вечер. В темноте бойцы скатились с крутого обрыва в траншею. И тут грянул гром взрыва. Из-под моста во все стороны выбросило снопы пламени. Мост вздрогнул с одного края и сразу же осел. Послышался шум падения камней.

Потом наступила необычайная тишина. Ее нарушили крики американских солдат, беспорядочная стрельба, тревожные гудки автомашин. Быстро работая руками и ногами, тяжело дыша, бойцы ползли. Необходимо было выиграть время, скорее уйти подальше от противника.

Где-то в стороне послышался тяжелый топот множества ног. По кустам, траве, деревьям запрыгали тонкие лучи карманных фонарей. Стало ясно, что американцы окружают район моста. Согнувшись, Отоги и Ён Дю побежали к густым зарослям, в которых заранее решили скрыться от погони. Вдруг Ён Дю упал. Он попытался вскочить, но не смог ступить на левую ногу.

— Товарищ Ён Дю! — подбегая к нему, крикнул Отоги. — Что с вами? Вас ранило? Тяжело?

Быстро ощупав ногу, Ён Дю почувствовал что-то липкое и теплое. «Кровь!» — подумал боец.

— Задело ногу... — сказал он. — Пустяки!..

Командир отделения вытащил из полевой сумки индивидуальный пакет и быстро забинтовал ногу товарища.

Ён Дю хотел встать и бежать, но боль стала нестерпимой.

— Товарищ командир отделения! Вы идите, я догоню вас, — попросил Ён Дю. — Только оставьте мне гранаты и медикаменты.

Обхватив Ён Дю, Отоги попытался нести товарища, но Ён Дю был выше его ростом и слишком тяжел. Они не смогли сделать и десяти шагов.

— Лучше идите скорее к нашим... — настаивал Ён Дю.

Укрыв раненого в густых кустах, Отоги бросился вперед, чтобы привести бойцов на помощь Ён Дю.

* * *

Американцы захватили Ён Дю раньше, чем Отоги успел привести подмогу.

— Где твоя часть? Сколько в ней людей? — как разозлившаяся свинья, завизжал переводчик, едва притащили к мосту избитого, связанного Ён Дю.

Кореец-патриот молчал.

— Говори, каналья! Где Народная армия?

— Она здесь! — смело бросил Ён Дю.

— Мерзавец, так ты, оказывается, умеешь говорить! — больно ударив Ён Дю по голове чем-то тяжелым, крикнул красный от бешенства переводчик. — Отвечай же: где твоя часть?

— Она всюду. И здесь и там, — обвел рукой вокруг Ён Дю.

Американцы, испуганно всматриваясь, силились разглядеть что-нибудь в окружавшей их темноте. Поняв, что воин Народной армии издевается над ними, они разноголосо завопили что-то на своем языке, которого Ён Дю не понимал.

— Знаешь, что такое пуля? Сейчас ты ее получишь, красный, — прошипел переводчик.

Ён Дю, как только его обнаружили американцы, понял, что пощады не будет. Боец приготовился принять смерть от руки врага достойно, как подобает верному сыну Кореи.

— Стреляй, палач! — крикнул боец.

Ён Дю поставили на краю крутого обрыва у реки, спиной к толпе американцев, сбежавшихся поглядеть на расстрел корейца. Отсвет уходящего дня слабо освещал бледное лицо Ён Дю, его горящие глаза, плотно сжатые губы. Боец мысленно повторял слово «мансе»[4], которое решил произнести перед последним вздохом... Но чем больше всматривался Ён Дю в затухавшую зарю, тем сильнее ему хотелось жить и бить этих ненавистных, спесивых и злобных разбойников из Америки. И он говорил себе: «Есть еще время бороться. Нужно бороться до конца».

— Эх, вы, американская мразь! — тихо, с презрением произнес Ён Дю.

Полуобернувшись, с ненавистью посмотрел он на американского солдата с автоматом, который готовился убить его.

— Подними руки! — крикнул кто-то из толпы.

Но Ён Дю стоял попрежнему неподвижно, внимательно следя, как поднимается ствол автомата. «Плохо целится, и рука дрожит, — пронеслось в голове, — нет, ты не сможешь убить меня!»

Прогрохотал выстрел. Ён Дю упал, почувствовав, как что-то тяжелое обожгло спину, точно каленым железом.

Американцы, как стая волков, бросились к Ён Дю, распростертому на краю обрыва. Кто-то ударил его кованым сапогом.

— Меткий выстрел! Пуля прошла насквозь. Видите, и на груди кровь, — сказал один из американцев.

Переводчик встал на спину Ён Дю и начал топтать его, пьяно хохоча.

Расстрелянного сбросили с обрыва, но одному из офицеров показалось, что Ён Дю еще жив. Американец сбежал вниз, чтобы убедиться, что кореец действительно мертв.

— Смотрите, убит. Красный был настолько голоден, что, умирая, успел наглотаться земли, — со смехом крикнул американец.

Вдруг близко раздалась пулеметная стрельба. С отвисшей от страха челюстью, низко пригибаясь к земле, янки бросился бежать прочь. За ним последовали остальные солдаты и офицеры.

Началась горячая перестрелка. Это бойцы Народной армии, приведенные командиром

[4] Да здравствует.

отделения Отоги, пришли на выручку отважному Ён Дю.

Тяжело раненный Ён Дю выплюнул землю, которую он набрал в рот в надежде скрыть дыхание. Сжав зубы от непереносимой боли, еле сознавая, что делает, Ён Дю ползком потащился к одной из расщелин. Едва добравшись до нее, он потерял сознание.

Очнулся Ён Дю глубокой ночью. Вокруг было тихо. Бойцы Народной армии, не обнаружив товарища, ушли обратно в горы.

Ён Дю понял, что прежде всего он должен остановить кровь. Дальнейшая потеря крови могла привести к гибели. Подавив стон, он кое-как снял с себя гимнастерку и перевязал рану.

Ён Дю полз очень медленно, иногда терял сознание. Он глубоко вдыхал запах прохладной земли, жевал траву, чтобы смочить горло и хоть немного утолить страшную жажду. Он не помнил, сколько часов двигался и куда. Ён Дю потерял представление о времени и расстоянии. Он хотел только одного — жить, только об одном думал — о мести.

Но вот послышался заливистый собачий лай. Истерзанный, измученный, Ён Дю все так же ползком направился на этот звук, суливший ему надежду на спасение. «Здесь где-то есть люди. Если наши, они помогут мне», — думал Ён Дю, и это придало ему силы.

Наконец раненый увидел небольшой домик, окруженный забором. Это был один из хуторков в горах, где селились обычно корейские крестьяне до освобождения и земельной реформы, не имея возможности купить или снять в аренду участок земли на равнине.

Собачонка залаяла сильней, пронзительней.

— Прочь, прочь! — прикрикнул на дворняжку женский голос через открытую дверь.

Потом Ён Дю показалось, что из дому вышла его мать, худенькая, седоволосая, в белой одежде.

— Мама, я здесь! — Ён Дю думал, что выкрикнул эти слова, но на самом деле он произнес их едва слышным шепотом и, обессилев, снова провалился в темную, бездонную пропасть...

— Дайте мне, пожалуйста, воды, — были первые слова Ён Дю, когда он наконец очнулся.

— Ну, пришел в себя, молодец? Воды тебе? Сейчас, сейчас. А не хочешь ли каши? — затороплась наклонившаяся над раненым старая женщина.

Она принесла воды, сходила на кухню и возвратилась обратно с миской каши из чумизы и цанди[5]. Перевязав раненого, старая женщина рассказала, что ее сын Ён Ик уже второй год в армии и награжден медалью «За боевые заслуги», что невестка с ребенком отправилась к родителям в деревню, которая находится не так далеко, на равнине по ту сторону реки. Невестке захотелось проведать своих стариков и заодно принести кое-что из продуктов.

— Но в таком случае ей придется переходить через большой мост у Мэбон? — спросил Ён Дю.

— Нет, есть другой, деревянный мост в тридцати ри[6] от моста у Мэбон. Он расположен против той деревни.

— Это хорошо. А мост у Мэбон разрушен. Мы взорвали его.

— Вы разрушили мост у Мэбон?

— Да, это требовалось сделать, чтобы Народной армии легче было преследовать удирающих трусов-янки.

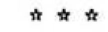
— Вы хорошо поступили. Бешеных собак надо уничтожать! — проговорила старая крестьянка.

В маленьком домике в горах к раненому воину Народной армии Ён Дю стали относиться, как к родному, близкому человеку...

[5] Корейское национальное блюдо из редьки с перцем.

[6] Мера длины, около 0,5 километра.

—Адзмыни[7], я буду завтракать с малышом, — сказал Ён Дю матери Дян Су, взяв мальчика за руку.

— Дян Су, ступай завтракать к бабушке, — сказала женщина, ставя кушанье на стол.

— Меня позвал дядя, — весело ответил Дян Су. — Я позавтракаю здесь.

— Ладно, оставь его, — улыбаясь, вмешалась бабушка. — Сегодня дядя идет к его отцу. Пусть они побудут вместе напоследок. — Повернувшись к Ён Дю, она пытливо посмотрела на него и спросила: — Ну как, теперь сумеешь воевать?

— Еще бы! Вы меня подремонтировали как следует.

Действительно, Ён Дю уже казался себе таким же сильным, как до того памятного дня. Теперь-то он покажет американским бандитам! Он отучит их лезть в Корею. Вот только бы скорее в роту.

— Все это результат вашей заботы, — сказал Ён Дю бабушке Дян Су.

— Кормила тебя только кукурузой да соей.

— Нет, без вас я наверняка погиб бы...

— Будет! — строго оборвала старая женщина. — Разве мало добрых людей на белом свете?

Сердце Ён Дю радостно билось. Скоро он будет среди своих боевых друзей, среди солдат родной роты! Одно огорчало Ён Дю, — что он не может как следует отблагодарить этих простых, великодушных крестьянок, которые спасли его от верной гибели.

— Разрешите мне называть вас матерью, — сказал Ён Дю старой кореянке. — Я хочу быть вашим сыном.

— У меня есть сын...

— Разве плохо, если у вас будет два сына?

— Я не смогла как следует воспитать одного, — ответила старушка задумчиво.

— Как же! — воскликнул Ён Дю. — Ваш сын Ён Ик хорошо воюет. Он получил медаль «За боевые заслуги».

— Нужно воевать еще лучше. Вот если бы я смогла вернуть молодость, я показала бы, как бить врага!

Когда-то эта женщина была известна по всей округе. Живая, веселая, она ходила быстрее всех, удивляла людей настойчивостью, умением постоять за себя. Годы состарили ее, здоровье стало далеко не то, что прежде, но душа осталась молодой и строптивой.

— Смог бы ты захватить в плен... этак с полсотни этих дохлых американцев? — спросила бабушка Дян Су, и глаза ее заблестели.

— Вместе с Ён Иком мы притащим их, как вязанку сушеной рыбы, — рассмеялся Ён Дю. — Но уж тогда вы признаете меня вашим сыном?

— Лучше ешь... Тебе далеко идти. Разболтались мы с тобой, — с напускной суровостью ответила старушка, но Ён Дю понял, что он стал дорог ей, как родной сын.

Ён Дю позавтракал. Он взял сумку, которую сделала для него мать Дян Су. Сумка была плотно набита едой на дорогу и разной мелочью, которую положила туда старая крестьянка.

Дружба была крепкая, и прощание прошло тяжело. Маленький Дян Су плакал навзрыд и не хотел отпускать руку солдата. Ён Дю ушел молчаливый, подавленный разлукой с добрыми, сердечными людьми. На повороте тропинки он остановился и, повернувшись к дому, у которого все еще стояли две женщины и мальчик, крикнул:

— Мама! Адзмыни! Не забывайте меня.

— Будем рады видеть тебя, Ён Дю! Приходи с золотой звездой Героя, — услышал Ён Дю голос матери Ён Ика, своей второй матери.

...Много километров прошел солдат. Он старался не задерживаться в деревнях, где крестьяне предлагали ему отдых и еду. Он спешил в свою часть, чтобы принять участие в новых боях за свободу родины, а в ушах его звучали те большие и важные слова, которые как-то произнесла бабушка славного, ласкового мальчугана Дян Су: «Ты нужен!»

«Да, я нужен народу!» — говорил себе Ён Дю, шагая по дорогам любимой земли.

Перевели с корейского Ким Ги Ун и В. Перлин

[7] Вежливое обращение к молодой женщине.

ТОКИО сегодня

Фоторепортаж А. Алексеева и А. Оконишникова

Исторические слова послания товарища И. В. Сталина, выразившие «...глубокое сочувствие народов Советского Союза к японскому народу, попавшему в беду в связи с иностранной оккупацией...», нашли широкий отклик во всем мире. Они укрепили веру японского народа в конечный успех его мужественной борьбы за независимость своей родины.

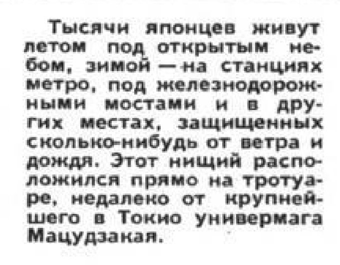
Помещаемые здесь фотографии сделаны на улицах Токио. Они показывают результаты шестилетнего хозяйничанья американцев в Японии и борьбу демократических сил японского народа.

Токио — город резких контрастов. На верхнем снимке показан деловой и торговый центр города — крупнейшие универмаги, конторы компаний, банки совершенно не пострадали от американских бомбардировок.

А это рабочие районы недалеко от Гинзы. Грязные лачуги, полуразвалившиеся хибарки. Здесь ютится трудовой люд.

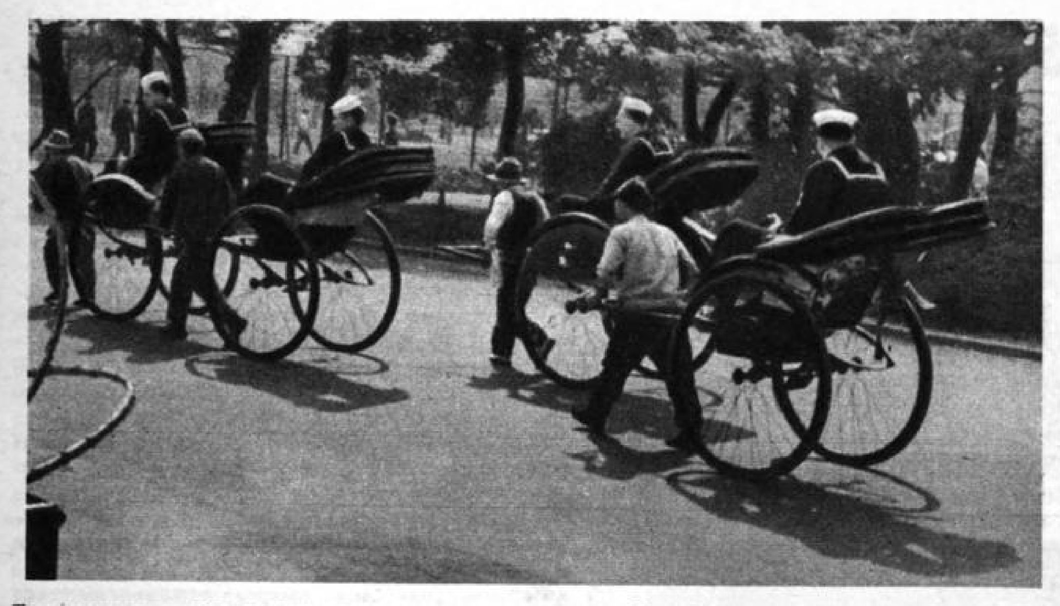

Тысячи японцев живут летом под открытым небом, зимой — на станциях метро, под железнодорожными мостами и в других местах, защищенных сколько-нибудь от ветра и дождя. Этот нищий расположился прямо на тротуаре, недалеко от крупнейшего в Токио универмага Мацудзакая.

Фигура разорившегося крестьянина, пришедшего на поиски работы, стала обычной на улицах японских городов. «Земельная реформа», согласно которой крестьяне должны выкупать землю, ничего не дала большинству крестьян, не располагающих денежными средствами. Принудительные рисопоставки, введенные по указанию оккупационных властей, поглощают весь урожай. Тяжелые налоги и неоплатные долги вынуждают крестьян бросать землю и идти на поиски заработка в город.

Так выглядит «японо-американское сотрудничество». Американские солдаты забавляются, устраивая на улицах Токио гонки рикш и уплачивая только победителю.

Американский ставленник Иосида предал японский народ. Но народ, руководимый компартией Японии, продолжает бороться против американского рабства. Демонстранты несут карикатурное изображение марионетки Иосида. Веревки символизируют его связи с американскими гаулейтерами.

Япония усиленно милитаризуется. Численность так называемого полицейского резервного корпуса непрерывно возрастает. Американские претенденты на мировое господство планируют использовать этих солдат против свободолюбивых народов Азии.

Трудовой народ Японии решительно говорит «нет» попыткам американо-японской реакции втянуть его в агрессию американского империализма. Шесть миллионов японцев поставили свои подписи под Обращением Всемирного Совета Мира. На снимке: Рабочие одного из токийских заводов подписываются под Обращением.

Яркой демонстрацией единства воли японского народа в борьбе за возрождение и независимость своей родины явился состоявшийся в прошлом году первомайский митинг в Токио. Реакционные власти пытались помешать его проведению: все близлежащие улицы были оцеплены полицией. Однако тысячи японцев с красными флагами и пением демократических песен вышли в этот день на улицы. Митинг носил массовый, народный характер и прошел под лозунгами «Долой агрессивную войну!», «Заключить всесторонний мирный договор с Японией!».

ЗВЕЗДЫ, ГОВОРЯЩИЕ ПО РАДИО

Кирилл АНДРЕЕВ

В мае 1947 года у берегов Бразилии, неподалеку от порта Байа, появился красивый корабль. На его высоком борту русскими и латинскими буквами было написано: «Грибоедов».

Войдя в залив Арату, защищенный от ветра и волнения, советский теплоход стал на якорь. Закрепив на берегу два каната, он начал поворачиваться вокруг своей оси, как часовая стрелка, а сложная сеть стальных тросов, поддерживающих в наклонном положении огромный решетчатый прямоугольник, расположенный на палубе, пришла в движение. Эта странная сеть, площадью в восемьдесят квадратных метров, была направлена к Солнцу, ярко сиявшему на ослепительно синем небе.

Случайные зрители, наблюдавшие с берега удивительные маневры, вероятно, и не подозревали, что перед ними первый в мире радиотелескоп для наблюдения Солнца — прибор, «видящий» не световые лучи, исходящие от небесных тел, а излучаемые ими радиоволны.

Мысль о применении радио в астрономии возникла у двух советских ученых — академиков Л. И. Мандельштама и Н. Д. Папалекси — еще в 1928 году. Они предложили мощным радиолучом пробить «электрическое небо» — слой наэлектризованных газов, лежащий высоко в стратосфере, — и послать сигнал в мировое пространство. Отразившись от небесного тела, радиоволны должны были возвратиться на Землю в качестве «ответного сигнала».

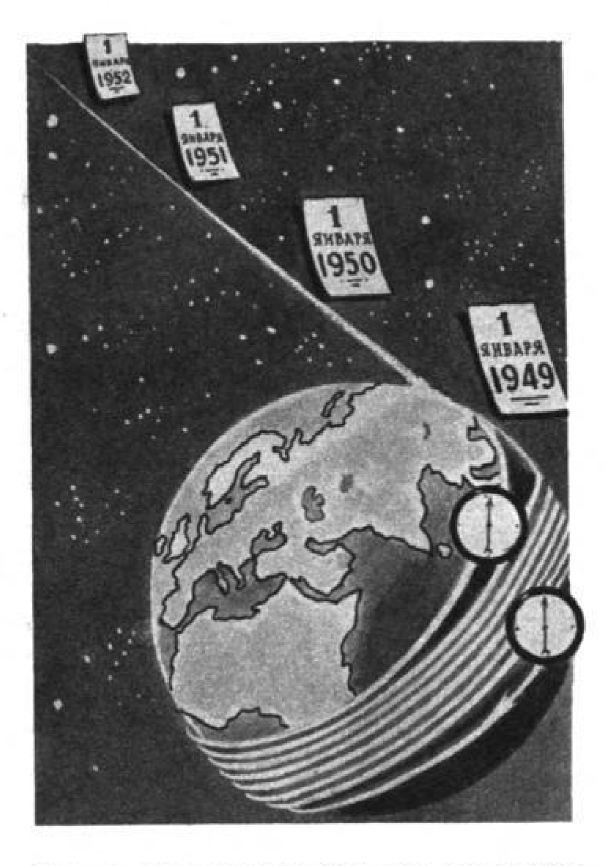
В 1946 году такой радиосигнал, посланный на спутника нашей Земли, благополучно возвратился обратно. К этому времени понятие радиоастрономии чрезвычайно расширилось. Оказалось, что нам нет надобности перекликаться с планетами и собирать только слабое эхо наших сигналов. Выяснилось, что Солнце и Галактика сами излучают радиоволны, сами «говорят по радио», и нам нужно лишь поймать и изучить эти космические радиоволны.

Невооруженный человеческий глаз очень несовершенен! Ведь даже в самую ясную зимнюю ночь мы можем увидеть над горизонтом всего лишь около трех тысяч звезд. Правда, с тех пор, как Галилей направил в небо свой первый телескоп, наше зрение обострилось в миллионы раз, и при помощи самых совершенных инструментов мы видим на небе уже два миллиарда звезд, не считая миллионов галактик — «островных вселенных», огромных звездных систем, примерно равных нашему Млечному пути. Но ведь, кроме видимого света, существуют неуловимые глазом инфракрасные, ультрафиолетовые, рентгеновы, гамма-лучи и радиоволны — целый огромный мир.

Советские ученые уже давно проникли в область астрономии невидимого. Пулковский астроном А. Н. Дейч по неправильностям в движении звезды 61 Лебедя точно определил наличие у нее темного спутника, почти аналогичного планетам, обращающимся вокруг Солнца. А. А. Калиняк, В. И. Красовский и В. Б. Никонов сфотографировали в невидимых инфракрасных лучах недоступный обычным телескопам массивный центр нашей Галактики, на фотопластинках московского астронома Л. Н. Радловой нашим изумленным глазам открылся целый мир темных инфракрасных звезд, нагретых всего лишь до тысячи градусов. О. А. Мельников наблюдает Солнце в крайних ультрафиолетовых лучах. Новая наука — радиоастрономия — еще больше расширяет наши возможности изучения Вселенной.

Что такое радиотелескоп? По сути дела, это направленная антенна для улавливания слабых радиосигналов, своеобразное «зеркало», вроде тех, которые имеются у телескопов. Длина радиоволн в миллионы раз больше световых, и к таким «зеркалам» уже не предъявляются требования такой точности, как к оптическим. Поэтому уже сейчас мы можем строить радиоинструменты диаметром в десятки метров — во много раз больше, чем самые прославленные в мире рефракторы или рефлекторы.

Наблюдение «радиозатмения» в Бразилии, произведенное советской экспедицией 20 мая 1947 года, показало, что в то время, как свет Солнца, полностью закрытого Луной, уменьшился в миллион раз, его радиоизлучение ослабело лишь вдвое. Значит, радиоволны, наблюдаемые нами, исходят не от светлой поверхности Солнца, а от других слоев — хромосферы и главным образом от солнечной короны. Оказалось, что радиоастрономия позволяет нам изучать небесные тела совсем по-иному и дает нам возможность даже на хорошо знакомом нам Солнце «видеть» совсем иные оболочки, недоступные другим инструментам.

Свет за одну секунду может семь раз обежать вокруг земного шара. Четыре с лишним года ему нужно, чтобы от нашего Солнца дойти до ближайшей звезды.

Уже несколько лет назад было установлено, что сигналы, исходящие из Галактики, не распределены равномерно по всему небу. «Голоса звезд» громче всего звучали, когда радиотелескоп направлялся на плоскость Млечного пути, на созвездия Лебедя, Кассиопеи и Стрельца, и затихали, когда «зеркало» поворачивалось от них в сторону. Но, чем более мощными становились новые радиотелескопы, чем точнее астрономы расшифровывали эти сигналы и определяли положение таинственных «космических радиостанций», тем яснее ученые видели, что радиоизлучение Галактики исходит из точечных источников, неравномерно распределенных почти по всему небу.

Интересную попытку прочитать эти радиосигналы Галактики сделал молодой московский астроном И. С. Шкловский.

Что является источником космических сигналов: звезды или другие, нам пока еще неизвестные, небесные тела? Вот первый вопрос, который задал себе ученый.

Он нанес на карту все известные нам звезды, расположенные в ближайших окрестностях Солнца, на расстоянии всего лишь 10 парсек.

Правда, это «близко» нужно понимать в астрономическом смысле слова. Парсек — это тридцать биллионов километров, три с тринадцатью нулями, расстояние, которое свет проходит в три с лишним года! На ту же карту Шкловский нанес все известные точечные источники радиоизлучения. И что же? За исключением одного, да и то сомнительного случая, он не обнаружил на этой карте совпадений: звезды и «космические радиостанции» расположены в разных участках неба.

Это сразу показало ученому, что он имеет дело с совершенно особым классом небесных тел, непохожих на известные нам оптические (видимые) звезды. Это и были «радиозвезды».

Среднее их расстояние друг от друга равно приблизительно 0,7 парсека. Некоторые из них должны находиться от Земли еще ближе — гораздо ближе, чем все известные нам видимые звезды.

Считалось, что звезды очень обособлены друг от друга. Медленно и одиноко они плывут по своим путям, отделенные абсолютной пустотой. И даже свет, летящий сквозь космические ледяные пустыни со скоростью в триста тысяч километров в секунду, идет от одной звезды до другой несколько десятков лет!

Буржуазные астрономы-идеалисты создавали из этой разобщенности небесных тел целую философскую программу. Они уверяли, что наша солнечная система — явление исключительное и вряд ли существует вторая, подобная ей, во всей великой Вселенной.

Работы советских ученых опровергли этот пессимистический бред. Мировое пространство совсем не пусто: оно заполнено мельчайшими частицами, которые, подобно дыму от звезд, образуют туманные облака. Открытие радиозвезд еще больше уменьшает наше кажущееся одиночество. В окрестностях Солнца сосредоточено множество невидимых небесных тел, которых, как считает И. С. Шкловский, приблизительно в тридцать раз больше, чем видимых!

По исследованиям профессора П. П. Паренаго, общая масса всей нашей Галактики оценивается примерно в восемьдесят миллиардов солнечных масс. Но из этого количества только четверть падает на оптические звезды. Остальные три четверти слагаются из массы невидимого вещества. Значительную долю составляют мощные темные облака пыли и газа, блуждающие в мировом пространстве, и, наконец, инфра- и радиозвезды.

Какова же величина радиозвезд?

Они очень малы, конечно, с астрономической точки зрения. И. С. Шкловский считает, что радиозвезды примерно в двадцать раз меньше нашего Солнца. Они не могут быть холодными, подобно планетам, так как излучают мощные радиоволны. Но, с другой стороны, их температура, вероятно, не превышает тысячи градусов, иначе они должны были бы быть видимы в мощные телескопы. По мнению Шкловского, эти небесные тела занимают промежуточное положение между звездами и планетами. Некоторые же утверждают, что это особые, сверхплотные тела, где материя находится в совершенно неизвестном нам дозвездном состоянии.

Снова — в который раз! — советская наука подтвердила основные положения философии диалектического материализма. Еще раз наши ученые показали, что мир познаваем и что бесконечная Вселенная так же неисчерпаема, как и недра вещества.

Радиозвезды — одна из самых увлекательных загадок современной астрономии. Что это: полупогасшие трупы звезд или, наоборот, протозвезды, материал для будущих светил? Или это планеты-скитальцы, которые, как призраки, носятся в мировом пространстве, пока не попадут в плен к какой-нибудь звезде?

На все эти вопросы наши советские ученые дадут ответ в самое ближайшее время. Залог этому — огромные успехи нашей астрономии, которая заняла ведущее место в мировой науке.

ПЕРВЫЙ НА ТЯНЬ-ШАНЕ

К 125-летию со дня рождения П. П. Семенова-Тян-Шанского

Г. КОЛЬБИН

...А вулканы, где они? Этот вопрос живо занимал Петра Петровича Семенова, молодого русского путешественника; он настойчиво и добросовестно стремился их отыскать на Тянь-Шане.

Найти огнедышащие горы, единодушно предсказанные К. Риттером и А. Гумбольдтом, признанными авторитетами Западной Европы, и с их согласия нанесенные на географические карты мира, казалось делом нетрудным. Ведь вулканы — целая группа! — не булавка в стоге сена, не потеряются даже в запутанном горном лабиринте.

Правда, прорицатели собственными глазами не видели Тянь-Шаня, что в переводе с китайского означает Небесный хребет. Но это не помешало Риттеру и Гумбольдту, исходя из сложных теоретических построений, уверенно утверждать: вулканы существуют.

Свои рассуждения они подкрепляли ссылками на средневековые летописи, приводили имена торговых гостей и бывалых людей, которые скитались по таинственному Востоку и слышали в караван-сараях рассказы о том, что в Небесном хребте вершины курятся и земля извергает огонь.

Так ли это? Не дожидаясь более точных сведений, маститые ученые отвечали: да! Там расположены грандиозный действующий Най-Шань — отец вулканов — и целая горная цепь Борол-Даг вулканического происхождения с неугасимыми кратерами.

Да и опровергать это было некому. Попытки западных географов пробраться в сердце Азии неизменно кончались неудачей. Оно, это сердце, оставалось загадочным белым пятном, не расцвеченным красками, неизведанным пространством, поднятым высоко к небу.

Еще в середине XIX века скептики уверяли, что не скоро наступит время, когда исследователи смогут проникнуть в заповедные, за семью замками, горы. Они возвышались гордые, недосягаемые, пугающие, овеянные легендой.

Нет, Семенову они отнюдь не представлялись страшными, наоборот: желанными, манящими. И ему, скромному, безвестному натуралисту, удалось то, что было не по плечу прославленным знаменитостям. Он положил уйму труда, упорства, изобретательности, и с крайне скудными средствами победил, восторжествовал.

Семенов — на Тянь-Шане, первым...

Горная тропа вела через тесное, угрюмое ущелье по крутому склону, покрытому елью, рябиной, жимолостью, арчой, живописными лужайками, к перевалу. Достигнув его, путешественник перевел дух, на секунду закрыл глаза. Он был счастлив, как никогда.

Перед ним расстилалась неоглядная восхитительная панорама. На севере, за невысоким горным кряжем, лежала Илийская равнина, огражденная волнистыми вершинами Семиреченского Ала-Тау, а внизу — рукой, казалось, достать! — из ущелья выбивалась на простор река Чилик.

На юге снежной стеной вздымалась цепь Заилийского Ала-Тау, словно окутанная прозрачной дымкой. За ней, далеко влево, блистала в лучах щедрого солнца группа зубчатых заоблачных исполинов могучего Тенгри-Тага. У самых ног в глубоком ущелье прогрызала русло река Чарын. Было от чего придти в восторг.

Ну, а все-таки, где вулканы? Семенов снова и снова пристально оглядывал окрестности. Всматривался до боли в глазах. Ничего похожего. А ведь эти вулканы должны быть где-то рядом, по соседству.

Ради них он совершил семнадцать восхождений на Везувий, пренебрегая опасностью: перед очередным подъемом началось извержение. Ради них, готовясь к экспедиции, он перечел множество книг по геологии, особенно вдумчиво разделы, посвященные горам, выбрасывающим пламя, жидкую лаву, каменные бомбы, пепел. Он назубок знал все признаки этого грозного явления природы и на большом расстоянии мог отличить простую гору от огнедышащей, даже в полутьме. А тут и при ослепительном свете — ничего.

Все эти знания пригодились ему для другого, чтобы установить истину: на Тянь-Шане вулканов нет и в помине, и хребет не вулканического происхождения. Гумбольдт и Риттер заблуждались. Жестоко заблуждались. Экспедиция Семенова доказала это с исчерпывающей полнотой.

Путешественник по призванию, исследователь по натуре, Семенов в юности мечтал об открытии новых земель, о приключениях в неведомых странах. Вернее сказать, была это не мечта, а ясно осознанная цель жизни. Семенов совершал долгие экскурсии, проделывал пешие переходы, овладел искусством глазомерной съемки, собирал коллекции растений, запоем читал. Прошли годы детства и юности, наступила пора зрелости, а он попрежнему не считал себя готовым к испытаниям.

В 1851 году, 24 лет, Семенов в Петербургском университете защитил магистерскую диссертацию. Второе высшее образование он получил в Русском географическом обществе, где общался с крупными учеными, посещал лекции и доклады, широко пользовался библиотекой.

Занимаясь переводом, комментариями и дополнениями риттеровского труда «Землеведения Азии», Семенов был поражен тем, как бедно и маловразумительно освещены центральные районы Азиатского материка. У юного переводчика зародилась дерзновенная мысль — побывать на Тянь-Шане, начертать его географическую карту, разрешить вековую загадку его строения. «Притягивали меня горы», — признавался он, хотя никогда не видел их, кроме как в книгах.

Мысль эта глубоко взволновала, увлекла Семенова. И он сделал все, чтобы осуществить задуманный поход. Секрет успеха, повторял он, в хорошей подготовке. Она даст в руки победу.

Семенов набрасывает примерный маршрут экспедиции, тщательно взвешивает свои шансы, старается не упустить из виду даже мелочи, не пренебрегает советами и указаниями старых друзей и товарищей по Географическому обществу. Усиленно тренируясь, он воспитывает в себе выносливость, ловкость, хладнокровие, уменье быстро ориентироваться в незнакомой обстановке.

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский

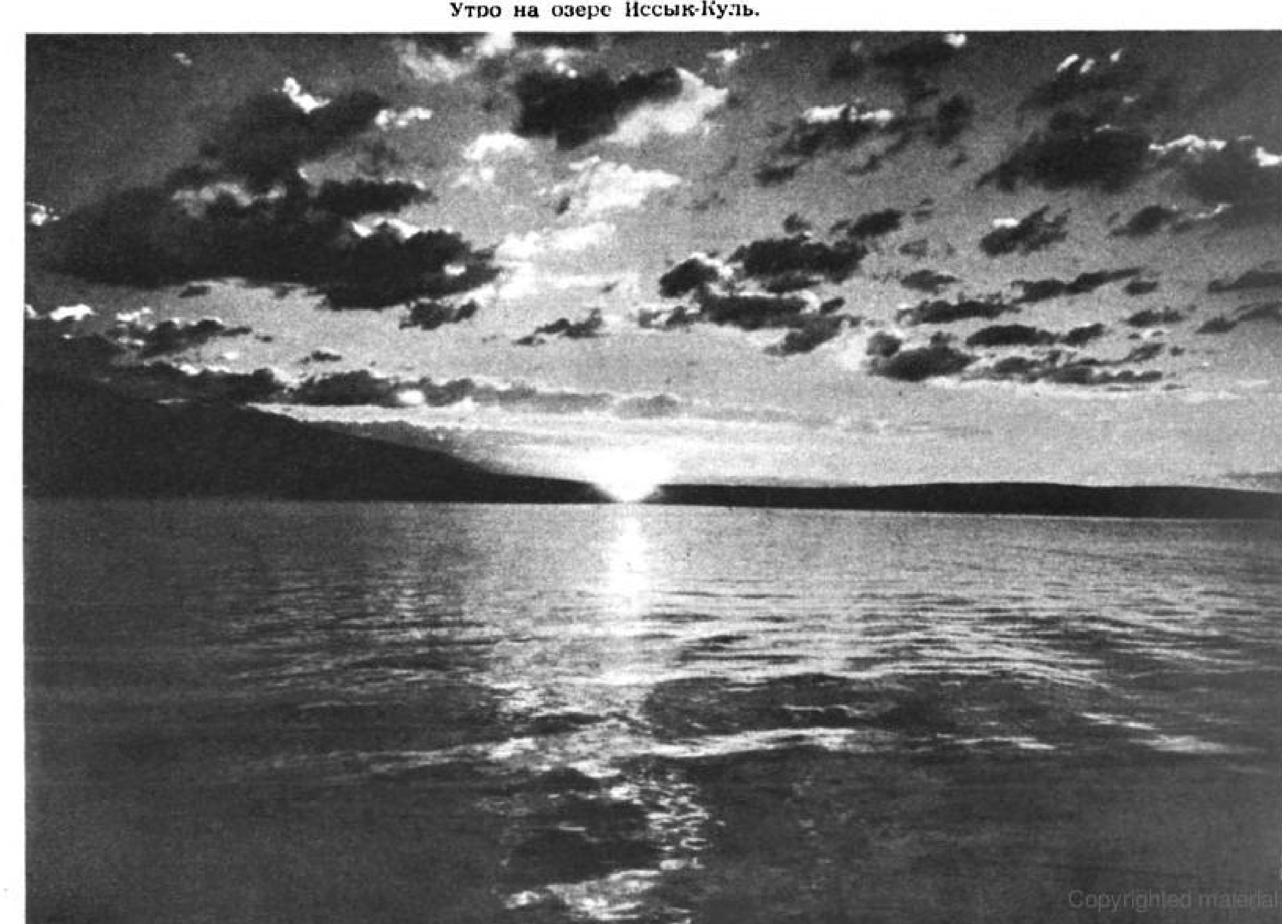

И когда весной 1856 года Семенов вошел в вагон поезда Петербург — Москва, немногие ученые знали, куда он направил свой путь, а те, кто знал это, например, Гумбольдт и Риттер, «не скрывали своих сомнений» в успехе. Они явно недооценивали великого, страстного упорства русского географа, его неудержимой устремленности к цели, стальной воли.

Железная дорога тогда кончалась в Москве. Дальше на тарантасе, влекомом то парой, то тройкой лошадей, Семенов следует через Казань, Екатеринбург — ныне Свердловск — в Омск. Вот остались позади Барнаул, Змеиногорск, Семипалатинск.

Через четыре месяца, в конце августа, Семенов добрался до укрепления Верное — ныне Алма-Ата. Отсюда начались его скитания по Тянь-Шаню, скитания, принесшие ему миро-

Утро на озере Иссык-Куль.

вую известность и почетный титул Семенова-Тян-Шанского.

Из Верного он совершил переход к высокогорному озеру Иссык-Куль и первым исследовал его. Первым из европейцев он прошел через Кастекский перевал и Буамское ущелье, нанес на карту Заилийский Ала-Тау. «Я проехал медленно всю обширную и интересную страну от Семипалатинска до Копальского укрепления, — коротко сообщал Семенов в письме. — Мне удалось восходить на вершины высоких гор, близкие пределам вечного снега...».

С перевала путешественник любовался видом Джасыл-Куль, озера, вода которого отличалась удивительно чистым, голубовато-зеленым цветом, напоминающим забайкальский берилл. Семенова во время подъема застигла гроза, его окутали густые облака, оглушали гулкие раскаты грома. Он был вознагражден, когда вышел к вершине и у своих ног увидел черные тучи, рассекаемые вспышками молний.

Зрелище ясного неба вверху и каменных великанов, облепленных тучами, пронизанными огненными линиями молний, внизу не изгладилось из его памяти. Ученый с волнением вспоминал об этом спустя полвека.

Удача окрыляет, и Семенов, воодушевленный первым походом, принимает новое решение: перезимовав где-нибудь поблизости, повторить попытку еще глубже забраться в Тянь-Шань.

В своей «штаб-квартире» в Барнауле он провел зиму за обработкой собранных материалов, приводил в порядок коллекции растений, образцов горных пород, насекомых.

Весну 1857 года путешественник встречал в Небесном хребте. Преодолевая препятствия, он перебирался через горные перевалы, переходил вброд бешеные потоки. Его не могли задержать ни обвалы, ни лавины, ни узкие тропки над бездной, ни мрачные ущелья.

Семенов пересек плоскогорье Санташ, Терскей-Ала-Тау и достиг истоков Нарына — истоков разветвленной речной системы Сыр-Дарьи. Наконец, в это свое второе путешествие он вплотную приблизился к Хан-Тенгри, что значит Царь небесных духов, открыл ледники его северного склона. Горный хребет, писал Семенов, «сверху до низу состоял из снежных исполинов, которых я направо и налево от себя мог насчитать не менее тридцати». Как раз посередине выделялась своей высотой остроконечная, волшебной красоты пирамида Хан-Тенгри.

Двухлетняя экспедиция Семенова увенчалась блистательным успехом; она стала крупным научным событием, внесла значительный вклад в развитие отечественного и мирового естествознания. Талантливый русский путешественник открыл миру неведомую прекрасную горную страну.

Обильные коллекции горных пород, прекрасный гербарий, значительная коллекция насекомых, любопытный этнографический материал, наконец, первые истинные схемы строения Тянь-Шаня — все это неопровержимо свидетельствует, что молодой ученый отлично справился с поставленной задачей.

Принципиальное отличие путешествия П. П. Семенова от зарубежных заключается в методах. Даже самые крупные иностранные географы преследовали узкую цель: нанести на карту свой маршрут по новым землям. В большинстве случаев этим они и ограничивались, вовсе не занимаясь изучением природы.

Семенов провел свою, как он говорил, научную рекогносцировку по совершенно иному методу: комплексно, всесторонне. Он считал, что исследователь не должен ограничиваться определением широт, долгот и всякого рода измерениями, а действовать по обширной программе, отражавшей разные отрасли естественных наук.

Сам Семенов строго выполнял это правило. Он сочетал в себе географа и ботаника, геолога и этнографа, зоолога и статистика. Характерно: тот, кто прошагал по его маршруту спустя полвека, ничего существенно нового не прибавил к его данным.

Советский читатель знаком с знаменитой книгой П. П. Семенова «Путешествие в Тянь-Шань», дважды переизданной несколько лет назад. Она захватывает легкостью изложения, колоритностью красок, меткостью характеристик, проникновенным знанием природы. Самое, пожалуй, удивительное, что автор написал свои мемуары по материалам дневников через 50 лет после экспедиции, обрабатывая свое путешествие день за днем.

Многогранный и оригинальный ученый, почетный член всех университетов России, член десятков научных обществ в России и за рубежом, он положил начало новой эпохе познания нашей родины. Многолетний руководитель Русского географического общества, он неизменно интересовался Центральной Азией, был вдохновителем и организатором прославленных экспедиций Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, В. И. Роборовского, И. В. Мушкетова, П. К. Козлова, В. А. Обручева и других.

Неутомимый автор, популяризатор и редактор, П. П. Семенов принимал активное участие в многотомных изданиях: «Живописная Россия...», «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», в сборниках «Производительные силы России», «Сибирь и великая сибирская железная дорога».

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский прожил большую, насыщенную трудом жизнь. Он скончался в преклонном возрасте в 1914 году, на восемьдесят восьмом году жизни.

Имя разностороннего русского ученого-патриота, путешественника, государственного деятеля одиннадцать раз обозначено на географических картах мира. О нем напоминают хребет в Нань-Шане, два пика и перевала в Тянь-Шане, ледник на Хан-Тенгри, пролив в Карском море, горная вершина на Шпицбергене, гора на Аляске, гора «Петр Петрович», Семеновский мост на реке Чу. Его именем названы свыше ста видов растений и животных.

Через Буамское ущелье, где по едва приметным тропам пробирался отважный русский путешественник, в наши годы проложены шоссейная и железная дороги; по озеру Иссык-Куль регулярно курсируют большие пароходы; на бурных реках сооружены гидроэлектростанции, дающие свет новым городам и поселкам цветущей Советской Киргизии.

Писатели и книги

По следам Дерсу Узала

«Новый перевал» — это повесть о комплексной географической экспедиции в горную страну Сихотэ-Алинь. В этих же местах в свое время побывал известный исследователь уссурийской тайги В. К. Арсеньев. Повесть Ю. Шестаковой проникнута романтикой тайги.

«Новый перевал» захватывает читателя не только описанием суровой таежной красоты и препятствий, которые пришлось преодолеть дружному коллективу экспедиции, но и потому, что в книге отражено новое в жизни этого края.

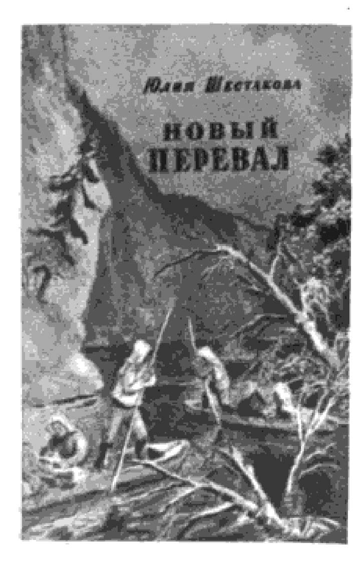
Ярко и убедительно показана в «Новом перевале» преображенная жизнь «лесных людей» — удэгейцев, которым советская власть дала возможность вырваться из полудикого, жалкого состояния. Земледелие, о котором удэгейцы раньше никакого представления не имели, прочно вошло в их быт. «И хотя оно,— пишет Ю. Шестакова,— несет в их жизни подсобную роль, уступая главное место охоте и рыбной ловле, но коллективный труд на полях объединил их в одну дружную семью». Важную роль в происшедших здесь переменах сыграла школа, основанная русским комсомольцем Маслиновым.

Не меньше захватывают читателя и те страницы, где Шестакова рассказывает о юной Вале Медведевой, которая служит радисткой на таежной базе, находящейся на труднодоступной вершине горы.

На страницах книги встают образы удэгейцев, начиная с писателя Джанси Кимонко и кончая Динзаем, с трудом преодолевающим свою страсть к кочевому образу жизни.

Очень украшают книгу органически вплетенные в нее удэгейские сказки и песенки.

Юлия Шестакова. Новый перевал. «Советский писатель». М. 1951. 305 стр.

Великое братство

«Мы все руссофилы,—писал в 1905 году великий украинский писатель-демократ Иван Франко, гневно обращаясь к буржуазным националистам, — слышите, повторяю еще раз: мы все руссофилы. Мы любим великорусский народ и желаем ему всяческого добра, любим и изучаем его язык... И русских писателей, великих светочей в духовном царстве, мы знаем и любим... И мы чувствуем себя ближе к ним, чем к вам, чувствуем себя солидарными во всем, что для нас дорого, и свято, и возвышенно».

Великому братству двух культур посвящен выпущенный Гослитиздатом сборник статей под редакцией Н. К. Гудзия «Русско-украинские литературные связи». В статьях «Братство двух культур», «Литература Киевской Руси в истории братских литератур», «М. С. Щепкин и И. П. Котляревский», «А. М. Горький и украинская литература» убедительно показано, что в то время, как буржуазные националисты всячески стремились оторвать украинскую литературу от русской и ориентировать ее на буржуазный Запад, — все передовые писатели Украины испытывали глубокое и благотворное воздействие передовой литературы великого русского народа.

Под влиянием русского освободительного движения, под влиянием идей революционных демократов Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова формировалось мировоззрение и развивалось творчество гениального основоположника украинской литературы Тараса Шевченко. Украинские классики Панас Мирный и Иван Франко, Михайло Коцюбинский и Леся Украинка, Карпенко-Карый и Павло Грабовский, отразившие в своих произведениях борьбу трудящихся Украины за свое социальное и национальное освобождение, воспитывались на высоких образцах русского реализма.

Поэт-революционер Грабовский долгие годы томился в сибирской ссылке, живя одно время в Вилюйске, где когда-то жил Чернышевский, оказавший огромное влияние на поэта. В очерке «На дальнем севере» Грабовский писал о домике Чернышевского в Вилюйске: «Меня тянет упасть на колени перед высоким частоколом двора, целовать след дорогого человека — след, который так ясно представлет моя взволнованная мысль...»

Русские передовые литературные деятели высоко ценили творчество лучших украинских писателей. Добролюбов и Герцен первыми «открыли» талант замечательной писательницы Марко Вовчок. Тесная творческая дружба Горького и Коцюбинского — также один из ярких примеров благотворных связей русских и украинских писателей.

Конечно, сборник далеко не исчерпывает поставленной в заголовке проблемы. К тому же не все помещенные в нем статьи достаточно глубоки; серьезным недостатком является и то, что в сборнике крайне недостаточно освещены русско-украинские литературные связи послеоктябрьской, социалистической эпохи.

«Русско-украинские литературные связи». ГИХЛ. М. 1951. 187 стр.

Слово правдивого свидетеля

Крестьянин по происхождению, Семен Павлович Подьячев перенес те же лишения, что и герои его произведений.

А. М. Горький писал о Подьячеве: «Рассказывая, как честный свидетель, он не берет на себя роль судьи, но он суровее судьи в упрямой твердости, с которой изображает людей так, как видит и чувствует их».

Ненависть к прошлому возбуждают, по словам Горького, произведения Подьячева, рассказывающие о классовом расслоении деревни, о голодной жизни лишенных земли крестьян, дающие страшные портреты кулаков и повествующие о мытарствах городских бедняков. «Мы и голоса не имеем, потому что мы дики, несчастны, жалки, задавлены нуждой, всякого боимся... передохнем мы все,— никто и не заметит...» — жалуется один из героев повести «Забытые».

Но писатель-реалист подмечает в среде тружеников и смутный, не всегда еще осознанный протест против бесчеловечного уклада жизни.

В послеоктябрьский период Подьячев с радостным чувством отмечает стремление крестьян к новой, лучшей жизни. Его герои сначала робко, потом все более и более уверенно начинают входить в права хозяев жизни.

С. П. Подьячев. Повести и рассказы. ГИХЛ. М. 1951. 655 стр.

Успешно закончили сельскохозяйственный год колхозники артели «Луч», Красногорского района, Московской области. На квартире заведующего молочно-товарной фермой колхоза Героя Социáлистического Труда Василия Алексеевича Сорокина (в центре) собрались гости-односельчане.

Фото О. Кнорринга

На передовом предприятии Ленинграда — заводе «Пролетарий» — изготавливаются высоковольтные изоляторы и разрядники для великих строек коммунизма.

Лауреат Сталинской премии мастер И. С. Степанов (справа) и бригадир стахановской бригады А. Д. Гаврилов осматривают готовые для отправки на строительство Куйбышевской ГЭС высоковольтные разрядники.

Фото И. Фетисова

Радостная встреча

На стенах небольшого зала и в фойе Центрального дома работников искусств висят полотна со знакомыми обликами суриковских героев. Боярыня Морозова, стоящие на картине рядом с ней старуха в узорном платке и девушка с опущенной головой, стрелецкая женка из «Утра стрелецкой казни», гребец в красной рубахе — эскизы и этюды к широко известным полотнам, своеобразная лаборатория художника. Рядом итальянские этюды М. Нестерова, портреты жены и сына В. Серова, пейзажи И. Остроухова и И. Левитана. Знакомы имена, но почти всегда незнакомы полотна, и тем-то особенно интересна открывшаяся выставка картин из частных собраний, что на ней подчас совсем по-новому видишь творческое лицо мастера. Не одну новую страницу в жизни и работе любимых и, казалось бы, хорошо знакомых художников позволяет она открыть.

В. Серов. ПОРТРЕТ О. Ф. СЕРОВОЙ.

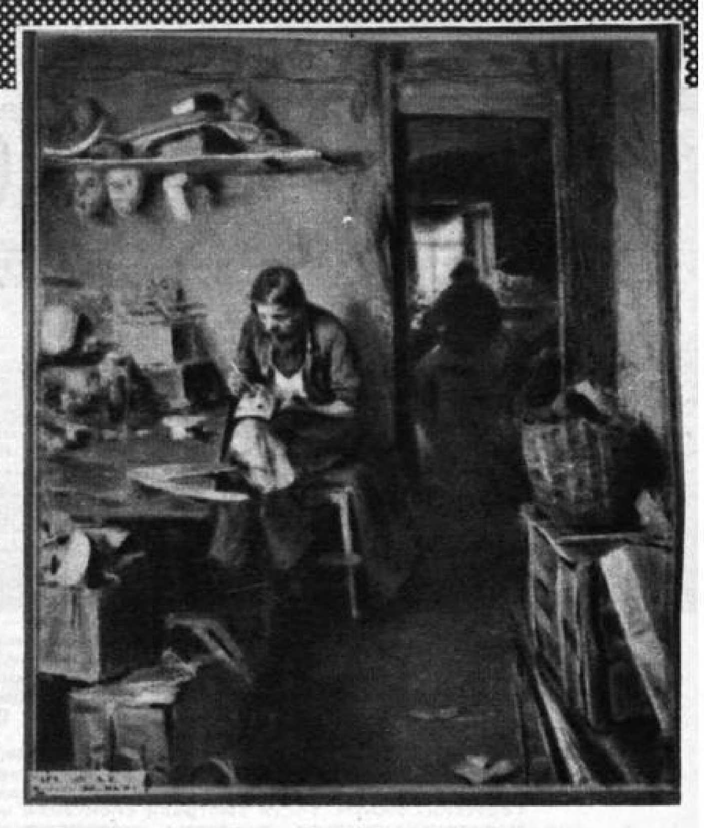
Широко известны произведения Н. Касаткина «Углекопы — Смена», «Тяжело», «Сбор угля». Но на выставке живописец представлен другой серией своих работ — портретами шахтеров, которые он писал одновременно с тематическими картинами. В начале девяностых годов прошлого века, увлеченный идеей создания произведений о рабочих и их труде, Н. Касаткин едет в Донбасс. Шахтеры недоверчиво, а иные враждебно отнеслись к художнику. Сказывалось, по словам Н. Касаткина, то, что были они «замученными всяческой неправдой». Но уже скоро недоверие сменилось дружбой. Тогда-то и начали появляться портреты, о которых В. Стасов писал, что в них «столько правды, столько глубоких заметок с натуры, столько энергии и правдивости кисти...» На выставке находится один из лучших портретов — «Тягольщик». Изнуряющий труд согнул спину рабочего, согнал краску с лица, но и в пыли шахтного двора, в отребье углекопа он в первую очередь человек. Недаром говорили шахтеры Н. Касаткину, что на его полотнах они такие, какие есть.

Портретный образ лег в основу и замечательной по силе выразительности картины К. Савицкого «Крючник». Ее герой изображен в момент минутного отдыха на пристани. За его спиной полощутся паруса речного судна, рисуются мачты, и в свежем, порывистом ветре особенно сильным и уверенным в себе встает облик силача-крючника. В творчестве К. Савицкого трудно найти другой такой гордый, предвещающий горьковских героев образ. Перекликается с Н. Касаткиным и второе полотно художника — «На ремонтных работах», — написанное несколько позднее известных «Ремонтных работ на железной дороге». Художник развивает здесь тему жизни сезонных рабочих. Находящиеся рядом «Переселенцы» С. Иванова — медленно тянется по степи в мареве летнего зноя повозка отправившейся «за счастьем» крестьянской семьи — одна из многих ивановских работ о судьбе покинувшего родные края крестьянства. В картине угадывается будущее глубоко трагическое решение «Смерти переселенца», где художник остановит ту же повозку и передаст немое отчаяние потерявшей единственного кормильца семьи.

«Подождите, батенька, — любил говорить В. Маковский, — сейчас нас не признают, называют лапотниками, но придет время, и с нами еще будут считаться, мы еще поживем!» И эта жизнь чудесного искусства старых мастеров видна во всем, на чем бы ни остановился глаз, — превосходном пейзаже «Полосканье белья» из цикла картин о деревне В. Серова, жанровой картинке А. Архипова «В мастерской масок», живописном «Закате на Волге» рано умершего Ф. Васильева или поэтичных, проникнутых тонким лирическим чувством портретах жены и дочери М. Нестерова. Причем любопытно, что в роли портретиста выступает на выставке и В. Маковский. В маленькой бытовой сценке «Беседа» он рисует за оживленным разговором в парке художника П. П. Соколова и свою сестру и ученицу пейзажистку А. Маковскую. Может быть, домашним бытом брата и сестры, страстных музыкантов-любителей, навеяна и замечательная своей характерностью картина В. Маковского «В четыре руки». Как вспоминает передвижник Я. Минченков, «иногда Маковский играл один, аккомпанировала ему старушка, его сестра. Владимир Егорович ошибался, сердился и сваливал вину на сестру. Бедная старушка виновато терялась и начинала действительно путаться. Игра расстраивалась. Картина получалась достойная кисти того же Маковского».

Сколько картин, столько новых деталей из жизни художников! И новые встречи со старыми друзьями особенно радуют на выставке — маленькой части замечательного наследия наших старых мастеров.

Н. МОЛЕВА

А. Архипов. В МАСТЕРСКОЙ МАСОК.

В. Маковский. В ЧЕТЫРЕ РУКИ.

НА НОВОМ ПУТИ

Недавно Советский Союз посетила большая делегация немецких кинематографистов. В ее составе: известный кинорежиссер Артур Поль, автор и постановщик кинокартин «Мост» (о людях, переселяющихся после войны на новые места, начинающих новую жизнь), «Коринна Шмидт» (о зарождении рабочего движения в Германии); режиссер хроники — Герберт Клейн, автор первого немецкого цветного хроникального фильма «Московские гости» (о гастролях в Германии Центрального театра кукол под руководством Образцова); сценарист — Курт Штерн, антифашист, автор фильма «Осужденная деревня», созданного на фактическом материале и показывающего уничтожение американскими властями деревни в западной зоне Германии и создание на ее месте аэродрома; доктор Ганс Роберт Бортфельд — начальник сценарного отдела «Дефа»; известный немецкий киноактер Гарри Хиндемит, за воплощение образов современника в театре и кино дважды награжденный национальной премией; актер Вальтер Джуппе; одна из самых молодых актрис Германской Демократической Республики, Инге Келлер, и другие. Возглавляла делегацию Герда Кольмей.

Делегация побывала в Москве, Ленинграде, Тбилиси и других городах Советского Союза, посетила исторические места, музеи, выставки, библиотеки, ознакомилась с жизнью, работой и бытом советских людей. Гости смотрели спектакли музыкальных и драматических театров, концерты художественной самодеятельности, детально изучали творческие и производственные процессы создания советских кинофильмов. В многочисленных встречах с советскими рабочими, служащими, работниками литературы, театра, кинематографии немецкие деятели искусств делились своими впечатлениями о пребывании в Советском Союзе, рассказывали о своей работе и об участии в борьбе за мир деятелей искусства Германской Демократической Республики. Мы печатаем здесь беседы немецких гостей с нашим корреспондентом.

ВЕСНА ИСКУССТВА

Вальтер ДЖУППЕ

Мне на своем веку пришлось довольно много ездить по своей стране. Я работал в разных городах, встречал множество людей и, как полагается по моей профессии актера, присматривался к их характерам, обогащая свое творчество жизненными наблюдениями. Но ни одна поездка не дала мне столько впечатлений, сколько последняя, организованная весной 1951 года киностудией «Дефа». Было решено, что группа киносценаристов, работающих на этой студии, проверит правильность, нужность, актуальность производственного плана студии со зрителем.

Мы побывали на заводах, фабриках, в шахтерских городках, деревнях. Собираясь после напряженного рабочего дня, трудящиеся с большим вниманием выслушивали наш план, вносили много предложений и поправок, делились возникшими сомнениями.

Множество вопросов вызвал сценарий «Бетховен». За годы фашизма немецкий народ был отдален от культуры. Классики немецкой литературы и музыки были преданы забвению. Сейчас мы с горечью увидели плоды этого. Имена Бетховена и Баха, Гёте и Гейне оказались незнакомыми немецкой молодежи. Между тем эти имена в СССР знают даже школьники, произведения немецких художников постоянно исполняются по радио и в концертных залах. Даже во время войны с фашизмом в концертных залах советских городов и по радио звучали Бетховен и Бах, тогда как на их родине этих гениев знают, в лучшем случае, понаслышке.

Но немецкий народ теперь хочет знать своих великих сынов. Он требует от нас создания разнообразных биографических фильмов. Народ хочет знать подлинную историю своей страны, хочет изучать жизнь борцов за свободу родины — Тельмана, Либкнехта...

— Покажите нам с экрана, как восстанавливается наша страна, расскажите о ее лучших людях, чтобы мы видели, с кого брать пример,— вот что требуют от нас зрители.

Трудящиеся выражали горячее восхищение советскими фильмами:

— У них мы учимся жить и работать! По этим образцам надо стремиться создавать и новые немецкие фильмы!

Мы показывали фильм «Донецкие шахтеры» во Дворце культуры шахтерского городка Цвикау. Молодые горняки после просмотра брали на себя дополнительные производственные обязательства, старые мастера давали обещание передать свой опыт подрастающей смене. Такие обсуждения стали у нас традицией.

Кино все более входит в жизнь трудящихся, а рабочий человек становится основным героем наших фильмов. С большим энтузиазмом была принята выпущенная недавно на экраны картина режиссера Артура Поля «Коринна Шмидт» по одноименному роману Т. Фонтане. Тема ее — зарождение рабочего движения в Германии — взволновала зрителей.

«Наша «Дефа»,— говорят теперь про киностудию Германской Демократической Республики зрители, и этим мы гордимся. Впервые в истории Германии искусство находится в руках народа, служит тому делу, за которое он борется.

Кадр из немецкого фильма «Опасный рейс». Справа — артистка Инге Келлер.

Встреча советских и немецких кинодеятелей. Слева направо: К. Лучко, Герда Кольмей, Инге Келлер и Курт Штерн.

Фото Я. Рюмкина.

ДОЛГ ХУДОЖНИКА

Инге КЕЛЛЕР

Первые годы моего творчества прошли в провинции и в американском секторе Берлина. В Германскую Демократическую Республику я перешла работать с 1950 года, и только с этого времени началась моя актерская биография. Я почувствовала, что мое искусство нужно народу, и поняла, что труд художника только тогда имеет право на существование, когда служит делу прогресса.

Наши зрители требуют от нас обрисовки характера героя во всей сложности и полноте. Мы стараемся этого добиться. В наших театрах актеры внимательно изучают систему Станиславского. Но пока мы не приехали в Москву и не увидели на практике этой системы, мы не смогли овладеть драгоценным наследием.

В МХАТ мы смотрели спектакли «Анна Каренина» и «Платон Кречет». Вот где вспоминаешь формулу Станиславского: «Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты»! Мы бы добавили: и режиссеры,— ведь о каждом персонаже, участвующем в массовой сцене, можно написать рассказ. Сочный, полнокровный образ человека рисует в нем актер.

В таком спектакле рад будешь сыграть любую маленькую роль, а что уж говорить о больших!..

Я сейчас работаю в Немецком театре имени Рейнгардта. Мне уже довелось сыграть Лиду в «Платоне Кречете» — она стала моей любимой ролью. К сожалению, в моем репертуаре это единственная положительная роль современного человека. Я много работала над этим образом, и все же когда я увидела Степанову в этой роли, то в течение всего спектакля записывала каждое ее движение, каждую интонацию. Меня покорило огромное мастерство этой актрисы. Не повторяя слепо ее трактовки, я по своим записям буду учиться — учиться реалистическому созданию на сцене образа человека.

СЛУЖИТЬ НАРОДУ

Гарри ХИНДЕМИТ,
лауреат национальных премий Германской Демократической Республики

На соседних улицах расположены Немецкий драматический театр имени Рейнгардта, в котором я работаю, и театр имени Шиллера. Пяти минут достаточно, чтобы пройти расстояние от Комической оперы до театра Геббеля. Но границы, разрезающие Берлин на западные и восточный секторы, непроходимым рубежом разделили берлинские театры, разобщили работников искусства, раскололи театральное искусство нашей столицы.

Да разве только столицы!

Железный занавес, которым англо-американские оккупанты стараются отгородить немцев, живущих в западных зонах, от демократической Германии, наносит глубокий вред нашей национальной культуре.

Мы восстанавливаем разрушенную, поруганную гитлеризмом немецкую культуру, создаем новое, жизнеутверждающее, светлое, реалистическое искусство, доступное и нужное народу. В демократической зоне Германии идет большая восстановительная работа, развивается промышленность, растет благосостояние трудящихся.

С каждым днем повышаются культурные потребности населения, все больше и шире оно приобщается к искусству. Немецкий народ изголодался по настоящему искусству, поэтому жадно и требовательно ждет его от нас.

В демократическом секторе Берлина сейчас работают 8 стационарных коллективов, 2 труппы дают спектакли в клубах и дворцах культуры. Но этого явно недостаточно. В пятилетнем плане восстановления Германской Демократической Республики предусмотрено строительство театральных зданий и организация новых коллективов. Но пополнение рядов театральных работников идет значительно медленнее.

Магистрат западных секторов Берлина категорически запрещает актерам, работающим на их территории, выступать в театрах демократической Германии или сниматься в фильмах «Дефа».

Положение актеров, как и других деятелей культуры, в западных зонах ужасно. В театры народ там ходит мало, залы пустуют, поскольку зритель не слышит со сцены ответа на волнующие его вопросы. Боннское «правительство» тратит колоссальные суммы на ремилитаризацию Германии — ему ли заботиться о возрождении ее культуры?

В то же время западногерманские власти всеми способами пытаются переманить к себе актеров демократической Германии только для того, чтобы помешать подъему, расцвету искусства и культуры республики.

В кинотеатрах западных зон только 21 день в году демонстрируются немецкие фильмы, в остальные дни идет прокат американской продукции. Американцы всячески стараются задушить немецкую кинопромышленность и специально сдают в прокат свои фильмы по более дешевой цене с тем, чтобы немецкие фирмы не выдерживали конкуренции.

Каждый день газеты сообщают о новом банкротстве. Сейчас фактически распалась самая крупная в Западной Германии киностудия в Мюнхене. 2 000 работников этой киностудии собрались недавно по этому поводу на митинг протеста.

Не довольствуясь тем, что голливудская продукция наводняет все кинотеатры, американские оккупанты завладели многими разорившимися киностудиями и там фабрикуют свои фильмы с участием голливудских звезд. Даже на самую маленькую, эпизодическую роль немецкие артисты не смеют претендовать; их привлекают лишь для дубляжа боннско-американских фильмов на немецкий язык.

Вот названия этих фильмов: «Бандит в автомашине», «Убийца», «Законченный убийца»...— такими сюжетами американские империалисты стремятся пробудить в немецкой молодежи самые низменные чувства, затуманить ее сознание.

Но немецкий народ знает, что несет ему это, с позволения сказать, «искусство», так же, как знает, что несет ему американский империализм. Поэтому на митингах и собраниях немецкий народ единодушно говорит: «Янки, убирайтесь прочь из Германии!»

Немецкая делегация кинематографистов в Москве. Встреча в Доме кино. Выступает Гарри Хиндемит.

ДРУЖБА

Гюнтер КЛЕЙН

Я родился и вырос в Германии. Девятнадцати лет, будучи солдатом гитлеровской армии, я был ранен на Восточном фронте и попал в плен. Как и большинство моих товарищей, я не задавал себе вопросов: «Что творится в моей стране?», «Что должен я делать в жизни?» Но советские люди, которые лечили меня в госпитале, заботливо ухаживали за мной, хотя я был врагом, спросили: «Зачем ты пришел на нашу землю, зачем вторгся с оружием в наш дом?» Я не нашел ответа и впервые задумался над этим.

Я стал много читать. Впервые я ознакомился с произведениями великого немецкого писателя Гете, прогрессивных немецких авторов, начал изучать труды Маркса и Энгельса.

В госпитале, а потом в лагере для военнопленных все свободное время я много размышлял над прочитанным и над тем, что видел вокруг. Я увидел, что советские люди ничего общего не имеют с тем, как их изображали нацисты, что Советский Союз — могущественная миролюбивая страна. Я понял, что война, которую затеял Гитлер, была тягчайшим преступлением по отношению и к советскому, и к немецкому народу, и ко всему человечеству. И я возненавидел Гитлера. Но ненавидеть нацизм мало: надо бороться с ним. Я попросил разрешить мне принять участие в боях против Гитлера.

...В 1949 году меня назначили главным редактором отдела хроники и документального фильма «Дефа». В поисках новых путей кинохроники мы изучали советские документальные фильмы, много говорили с советскими друзьями. Мы пришли к выводу, что хроника должна быть боевой, воспитывать людей.

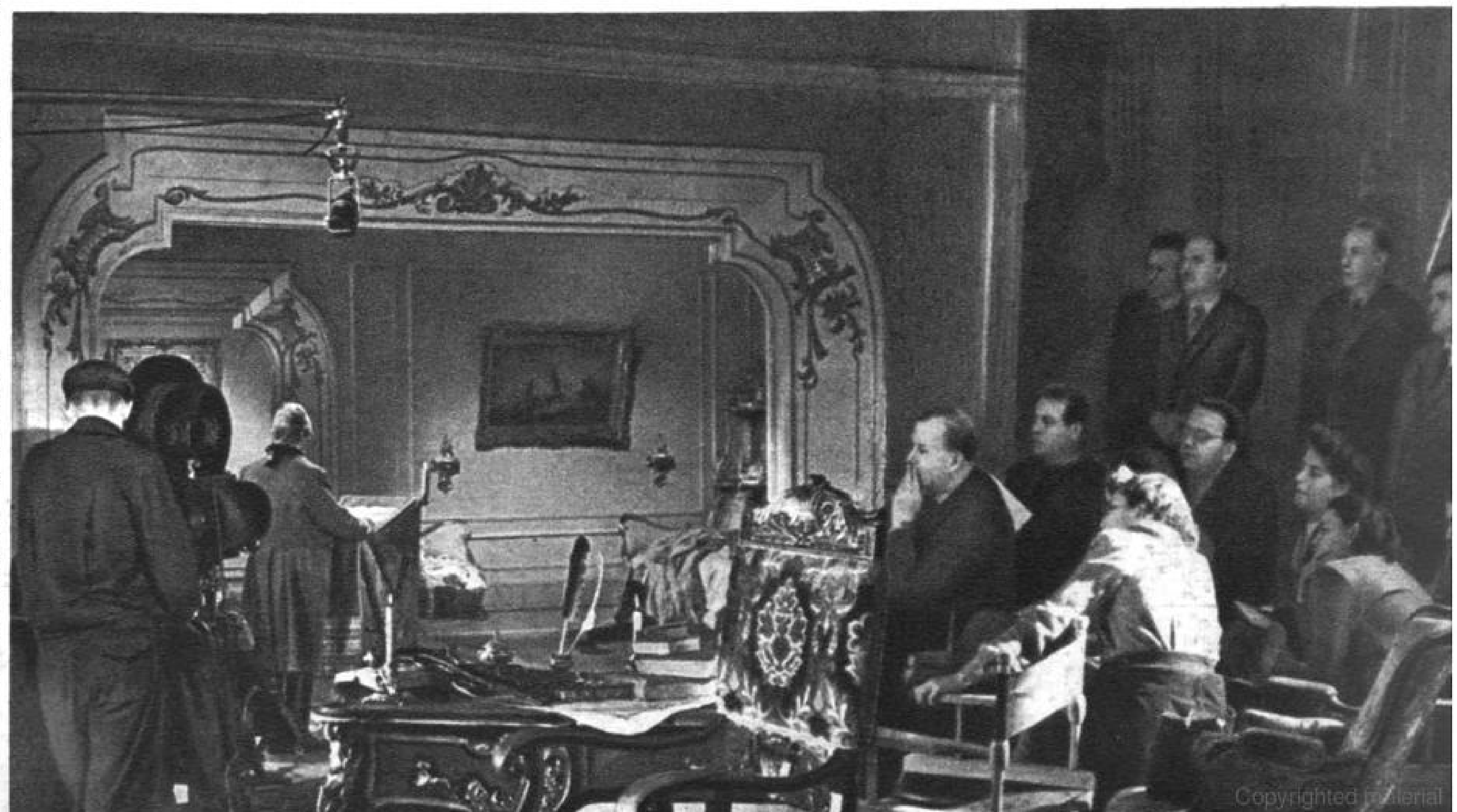
У нас появились новые молодые кадры операторов. Они не обладали большим опытом, но понимали основное: наши кинофильмы должны стать активными борцами за единство Германии, разоблачать преступную роль англо-американских оккупантов в западных зонах. Мы фиксировали на пленке происходившую на западе страны подготовку к ремилитаризации, а на востоке — трудовые успехи свободного народа; оккупацию немецкой промышленности на западе американскими магнатами и выступления на заводах демократической Германии советского токаря-скоростника П. Быкова, который делился опытом с нашими рабочими...

Я начал наш разговор с рассказа о своем жизненном пути — этот путь характерен для многих молодых немцев. Я один из представителей немецкой молодежи, которая борется сейчас за единство Германии и дело мира. Немецкая молодежь очень многому научилась во время войны и в послевоенные годы. И от имени этой молодежи я говорю: «Мы никогда не будем воевать с Советским Союзом!..»

Делегация немецких кинематографистов в «Мосфильме». Идет репетиция сцен из нового кинофильма «Адмирал Ушаков».

Фото В. Уварова

↓

Зимним вечером

Е. ШАТРОВ

Фото Н. Капелюша

Как только начинает смеркаться, на главной улице города Горького, улице Свердлова, у арки, ведущей к стадиону «Динамо», вспыхивает световая вывеска: «Каток». Вывеска эта обладает свойством магнита. Она притягивает всякого, кто любит побегать на коньках. Одиночками, парами и целыми шумными компаниями отделяются конькобежцы от вереницы прохожих, торопливо сворачивая к стадиону.

...Огромное ледяное поле катка пока еще пустынно. Только маленький раскрасневшийся суворовец носится по кругу, щеголяя лихой перебежкой.

Хорошо отполированный лед отсвечивает под гирляндами фонарей паркетным блеском. Радиорепродукторы льют в морозный воздух мелодию вальса. Каток быстро заполняется народом.

Стайками выпархивает из раздевалки молодежь. Тут и школьники, и студенты, и ремесленники, и суворовцы. Тут и молодые люди, начавшие уже трудовую деятельность и представляющие множество профессий. Но выходят на лёд не только юноши и девушки. Вот человек в очках, с седеющими висками. Вот майор на длинных «бегашах». Вот пожилая женщина в затейливо вышитом свитере. О, да она не одна, а с дочерью-подростком!

Все больше катающихся на блестящем ледяном поле. Через час каток полон. Здесь не меньше двух тысяч человек. Все они, подчиняясь плавному ритму музыки, с наслаждением скользят по льду в едином и пестром круговороте. Сквозь музыку, сквозь говор и смех доносится непрерывное серебристое позванивание. Это звенят коньки, поет лед, это веселый и милый «голос» катка, знакомый нам с детства.

Тут не «ведут бег». Сюда пришли просто покататься, отдохнуть, но отдых свой провести в радостном движении на чистом воздухе. Набраться сил, почувствовать себя бодрым, веселым и свежим — вот «результат», которого добиваются на катках. И добиваются не безуспешно: вечер только начался, а как уже пылают щеки, как блестят глаза, сколько слышно шуток и смеха!

Только на первый взгляд катание по кругу двух тысяч конькобежцев покажется однообразным. Но присмотритесь внимательней! Каток живет многогранной, очень интересной жизнью.

По самому краю ледяного поля, прижимаясь к снежному валу, несутся один за другим несколько бегунов. Это состязания на скорость, хотя и на простых коньках! Кое-кто чувствует себя на льду еще неуверенно, катается с помощью подруг и товарищей. Это начальная школа конькобежного искусства. В центре катка увидишь фигуристов, вычерчивающих «тройки» и «восьмерки». Рядом с ними кружатся танцоры. А сколько затевается на катке игр, сколько завязывается тут знакомств.

Новая мелодия звучит из репродукторов. Вальс Хачатуряна к драме «Маскарад», такой вихревой и зовущий. Да разве можно сейчас стоять в стороне!

После вальса радио передает объявление:

«В воскресенье на нашем катке проводятся очередные открытые старты. В соревнованиях могут участвовать все желающие и на любых коньках. Начало в два часа дня».

Открытый старт — интересный вид конькобежных состязаний. Это своего рода переходная ступень от катания «просто так» к более серьезным занятиям конькобежным спортом. В открытых стартах обычно участвуют начинающие спортсмены, желающие испытать свои силы в скоростном беге. Соревнования проводятся по упрощенным правилам, на небольших дистанциях. Но вот тут-то впервые и вспыхивает в новичке дух азарта, зарождается желание научиться бегать быстрей. Тут подчас и обнаруживаются незаурядные спортивные таланты. Победители открытых стартов — прекрасное пополнение конькобежных секций.

Отыскать способных скоростников в массе катающихся можно и просто приглядываясь к ней, внимательно наблюдая за посетителями катка. Именно так поступает динамовский тренер — один из старейших горьковских конькобежцев, Федор Петрович Брылин. Три года назад он обратил внимание на высокого паренька, обгонявшего на катке всех своих товарищей. Паренек этот был механик гаража Лев Смирнов. Тренер поговорил с ним, пригласил в секцию. Теперь Л. Смирнов — один из сильнейших советских конькобежцев в беге на 10 тысяч метров, член сборной команды СССР. Так же был замечен на катке и втянут в конькобежную секцию слесарь Геннадий Обутов, ныне спортсмен второго разряда.

Среди горьковчан найдешь немало таких, которые ходят на каток не один десяток лет. Здесь же, на «Динамо», мы познакомились с Николаем Филипповичем Овчинниковым, научным сотрудником одного из горьковских институтов. Он стал посещать каток четверть века назад. То было время, когда почти все катались на старинных «нурмисах» и «снегурочках», когда освещался каток четырьмя тусклыми фонарями, когда не гремело над ледяным полем радио, а музыканты в тулупах, сгрудившись у печурки на дощатой эстраде, старательно выдували позабытые теперь вальсы и марши.

С тех пор прошло двадцать пять лет. Самому Николаю Филипповичу теперь за сорок. Но вот он стоит перед нами по-юношески стройный, здоровый, без единой морщинки на лице.

— Надеюсь еще отметить свой полувековой конькобежный юбилей! — говорит, посмеиваясь, Овчинников. — Нет, шутки — шутками, а каток — могучая вещь... После лаборатории да после заседаний так роскошно себя здесь почувствуешь!.. А ну-ка, тряхнем стариной!

И, сделав сильный толчок, Николай Филиппович скрывается в толпе катающихся.

Крепчает морозец. Воздух становится все суше и свежей. Но конькобежцы не чув-

Каток «Динамо» в Горьком.

ствуют холода. От них так и пышет жаром. Чудесный вечер на катке продолжается. Опять и опять скользят пары под плавную мелодию вальса.

Как жаль, право, тех, кто остался за воротами катка! Всех желающих динамовский каток вместить не смог. Но разве не попавшие сюда не смогли бы сходить на соседнее ледяное поле, разве мало других катков?

В том-то и дело, что десятка катков для города Горького теперь уже мало. И нужно говорить не только об их количестве, но и о качестве. На катке стадиона «Дзержинец» плохой лед, толчея, беспорядок. На катках в Автозаводском районе и Канавине столь же безрадостная картина. Комитеты же по делам физкультуры и спорта, как районные, так и городской, мирятся с этим.

Не прошло еще и половины зимы. Нужно, хоть и с опозданием, сделать все катки в Горьком такими же хорошими, как динамовский. Можно и сейчас залить несколько новых в парках и скверах.

Меньше всего придется беспокоиться о том, что новые ледяные площадки будут пустовать. И на них зашумят, зазвенят пестрые круговороты катающихся.

Конькобежный спорт в нашей стране подлинно народен. На стальные окрыляющие лезвия становятся зимой миллионы советских людей. И катки у нас всюду, где только замерзает вода. Они и в городах, и в рабочих поселках, и в колхозах.

Наташа Мельникова, ученица 20-й школы Ждановского района, впервые вышла на старт.

...Одиннадцать часов вечера. Гаснет светящаяся вывеска катка на главной горьковской улице. Над ледяным паркетом стадиона «Динамо» только что отзвучал последний прощальный марш.

Широким потоком хлынули из ворот конькобежцы. Отлично отдохнули! Прекрасно провели время!.. Сколько бодрости и сил уносят они с катка!

г. Горький.

СЕМЬЯ ГОЛОВЧЕНКО ВЫШЛА НА ЛЕД

Зима в Омске ранняя. Иной год уже в двадцатых числах октября становятся конькобежцы на лед, который первые морозы сковали на небольших водоемах. Так было и нынче. Еще на Иртыше ходили пароходы, а скороходы города уже вышли на тренировки.

Стало неписанной традицией, что первым испытывает накатистость и крепость льда один из сильнейших конькобежцев страны, Юрий Головченко, старший лаборант Сибирского автомобильно-дорожного института. После долгих месяцев летней и осенней тренировок возникает у конькобежца нестерпимое желание выйти на каток, чтобы проверить свои силы, вспомнить технику бега, привыкнуть к движениям на льду. А упорней, настойчивей, чем Юрий Головченко, никто в Омске к зиме не готовится. Опыт многих лет показал, что Юрий приобретает свою лучшую спортивную форму не сразу. Поэтому с первыми морозами и до весны все свободные часы Юрий Головченко проводит на катке.

Начинаются тренировки еще в ноябре на загородном пруду. Конькобежцы очищают пруд от снега, готовят дорожку.

Все это делается с участием Юрия Головченко. Но не только его. Первую скрипку в этом деле играет старший в семье Головченко — его отец Алексей Нестерович. Страстный и неутомимый любитель спорта, неоднократный чемпион Сибири, он и сейчас не расстается с коньками. Несмотря на свои 56 лет, Головченко-старший в минувшем сезоне пробежал 500 метров за 51,5 секунды. Алексей Нестерович отдает много времени любимому делу. В институте, где учился и работает его сын Юрий, Алексей Нестерович является старшим преподавателем кафедры физического воспитания по курсу спортивного совершенствования конькобежного и велосипедного спорта. Он же преподаватель и в городской спортивной школе молодежи по этим дисциплинам.

Мастер на все руки, любитель повозиться со слесарными и токарными инструментами, Алексей Нестерович сконструировал приспособление для подготовки льда на катках. Инициативе Алексея Нестеровича обязаны омичи и тем, что в городе завершается строительство велосипедного трека.

На каток, созданный на пруду, вместе с Юрием, Алексеем Нестеровичем и его учениками из спортшколы приходят еще два члена семьи Головченко — жена Юрия Галина и младший брат Виталий. Правда, Галина и Виталий — не столь известные конькобежцы, как Юрий. Но кое-какие успехи они имеют. Галина выполнила нормативы второго спортивного разряда по конькам и первого разряда по велосипеду. Она чемпион Омска по спринтерскому многоборью. Шестнадцатилетний Виталий уже отвоевал у Юрия один из принадлежавших ему некогда рекордов города. Двенадцать лет назад Юрий установил рекорд для юношей в беге на 1 500 метров. Рекорд этот никому из омичей улучшить не удалось. В прошлом сезоне это сделал его младший брат, Виталий. Успехи Виталия в Омске не остались незамеченными, и он был включен в состав юношеской сборной команды РСФСР для выступлений на Всесоюзных соревнованиях.

Сейчас семья конькобежцев Головченко усиленно готовится к предстоящим состязаниям. В состязаниях будут участвовать и Алексей Нестерович, и Юрий, и Галина. О новых рекордах мечтает и юный Виталий.

Семья спортсменов перешла с катка на пруду на беговую дорожку катка «Динамо».

Прошли дни ледовых тренировок. Начались дни состязаний. Выходит на старт и семья Головченко. У них полная команда. Есть кому выступить в группе мужчин, женщин, юношей и «старичков».

Г. СВЕТЛАНИН

Семья Головченко пришла на стадион «Динамо». Слева направо: Юрий, Алексей Нестерович, Виталий и Галина.

Фото В. Конокотина

РАЗНУЗДАННОСТЬ ПЕЧАТИ

Марк ТВЕН

(На русском языке публикуется впервые)

Рисунки Л. Бродаты

Защищая «честь мундира» республиканской и демократической партий, американские газеты так рьяно выгораживают высокопоставленных преступников, что сделали сенат Соединенных Штатов нравственно слепым — наши сенаторы не видят преступлений против закона, они забыли, что такое чувство собственного достоинства. Американская печать крайне беззаботно относится к фактам мошенничества, поэтому и члены конгресса Соединенных Штатов, подрядившись служить за определенную плату, свободно залезают в народный карман для расширения личных доходов. А если кто-нибудь из граждан выражает недовольство по поводу подобных «пустяков», то господа конгрессмены принимают весьма удивленный и обиженный вид.

Осмелюсь утверждать, что вину за создавшееся положение вещей несут газеты, если не целиком, то, как-никак, в очень значительной степени. Что и говорить, печать у нас свободная, более чем свободная — она вольна обливать грязью неугодных ей общественных деятелей и частных лиц, распространять самые чудовищные утверждения. Что может удержать газеты от таких действий? Общественное мнение? Но печать сумела низвести это само общественное мнение до своего презренного морального уровня. Существуют законы, охраняющие «свободную печать», но нет ни одного закона, который охранял бы народ от этой печати! Человек, осмелившийся пожаловаться в суд на клевету в прессе, оказывается один на один со всевластным газетным судилищем до начала законного разбирательства его дела, и газеты превращают истца в объект самых наглых издевательств и оскорблений.

Я считаю, что нравственность в США падает в той же пропорции, в какой растет численность газет. Иными словами, чем больше газет, тем ниже наш моральный уровень. На одну газету, которую можно считать полезной, приходится пятьдесят, сеющих зло. Когда в каком-нибудь добродетельном городишке учреждается газета обычного типа, то это мы должны воспринимать как подлинную катастрофу.

На днях одна почтенная нью-йоркская газета выступила с передовой статьей, в которой оправдывала казнокрадство на том основании, что членам конгресса-де мало платят. Нечего сказать, убедительный довод! Впрочем, многие медноло́бые читатели вполне удовлетворились таким новым освещением вопроса. Выражение «Раз так напечатано в газете, значит это правда» в устах мыслящих людей давно уже звучит глубоким сарказмом,— ведь им хорошо известно, как работают наши «фабрики вранья». Но, к сожалению, простофили — а их большинство — верят тому, что им подносят газеты; именно вычитанное из газет формирует их взгляды на жизнь. Вот где корень зла!

В современном обществе печать обладает колоссальной силой. Она может создать имя человеку, она же в состоянии и погубить его. Захочет газета и обзовет лучшего из наших граждан мошенником и вором — тут ему и конец. Например, газеты пришили м-ру Колфаксу ярлык враля, и он с этим ярлыком проходит теперь до самой смерти; никто так и не узнает, лгал ли Колфакс или говорил правду. С другой стороны, решительно все газеты прославляют «Черного бандита», раздувая его славу. А ведь эту славу легко было б уничтожить, если б газеты встретили «Черного бандита» дружным презрительным молчанием! Власти поощряют такие листки, как «Происшествия за день» или «Полицейская газета», не мешают их процветанию, ибо наша «высоконравственная» печать давно развратила читателей, приучила их любить непристойности, сделала равнодушными к проявлениям беззакония.

В газетах западных штатов охотно напечатают редакционную статью, выражающую самые гнусные, порочные взгляды, если только заинтересованное лицо заплатит владельцу газеты по доллару за строчку.

Почти все газеты оказывают поддержку преступникам вроде Розенсвига и даже помогают им находить новые жертвы, публикуя платные объявления этих негодяев. Ни для кого из нас это не секрет.

Общественное мнение нации — эта грозная сила — создается в Америке бандой малограмотных, самодовольных невежд, которые не сумели заработать себе на хлеб лопатой или сапожным ремеслом, и в журналистику попали случайно, по пути в дом призрения. Я лично знаком с сотнями журналистов и знаю, что суждения большинства из них на самом деле не стоят выеденного яйца. Но как только один из этих господ выступает в печати от имени газеты, то голос писаки-пигмея становится громоподобным, звучит, будто глас пророка.

Приверженность журналистов ко лжи мне хорошо известна по собственному опыту. Несколько лет тому назад я ввел на тихоокеанском побережье особые и весьма живописные виды вранья, и они не выродились там по сей день. Когда я читаю в газетах, что в Калифорнии прошел кровавый дождь и во время дождя с неба падали лягушки, когда я читаю о найденном там в пустыне морском змее или о пещере, утыканной алмазами и изумрудами (обычно пишут, что обнаружил пещеру индеец, но он умер, не успев досказать, где эта пещера находится), то я себе говорю: «Ты породил это детище, ты и отвечай за газетные небылицы!» Кстати, привычка вторая натура — до сих пор во мне живет страстишка приврать, и я поэтому вынужден всегда следить за собой.

Кому из нас в разное время разнузданность печати не отравляла жизни?! Брет Гарт жил в безвестности, пока газеты не открыли его и не вознесли сразу же до небес — редакторы всех газет выбегали в любую погоду на улицу рассматривать в телескопы новоявленное светило и махать приветственно ему шляпами. Столько было энтузиазма в этих приветствиях, что шляпы скоро превращались в клочья; тогда редакторы бежали одалживать головные уборы у знакомых и снова махали исступленно своему кумиру. Но вот семью Брет Гарта посетила болезнь; встревоженный и расстроенный, Брет Гарт написал вместо очередного рассказа о язычнике-китайце довольно слабую статью, и сразу же любезные хозяева, только что надрывавшиеся от криков «Да здравствует...», изрекли: «Ба, ведь он мошенник!» И тут все газеты бросились на Брет Гарта. Его стащили с пьедестала и принялись топтать ногами. Его таскали по грязи, мазали дегтем, вываливали в перьях. Брет Гарт навсегда остался мишенью для газетных нападок, и в него все еще то и дело летят комья грязи. Брет Гарт погублен, больше ему уж никогда не подняться. А ведь он — человек большого дарования и мог бы многое сделать и для нашей литературы и для себя, если б у него не отняли возможности. Впрочем, сам Брет Гарт дал промах, оказав денежную услугу одному голодавшему прощелыге из нашей братии, а тот бродяга — из породы журналистов-сапожников, — вернувшись в Сан-Франциско, поторопился опубликовать в газете «разоблачительную» статью на целых четырех столбцах о «преступлениях» своего благодетеля... Газета, поместившая такую мерзость на своих страницах, проявила предельную разнузданность.

Приехав прочитать лекцию в одном городе в штате Мичиган, я отказался сесть за обеденный стол с редактором местной газеты, который был пьян; в статье о моей лекции этот редактор назвал ее вульгарной, непристойной и поощряющей пьянство. А ведь автор статьи даже не был на моей лекции! Кто знает, возможно, если б он ее прослушал, то бросил бы пить.

В другой газете, в городе Детройте, про меня написали, что я систематически избиваю свою жену просто развлечения ради, и она уже так искалечена мною, что не в силах прятаться, когда я в обычном своем невменяемом состоянии вваливаюсь в дом. Доложу вам, в этом сообщении вымысла больше, чем наполовину! Я мог бы, конечно, подать в суд на редакцию за клевету, но я уж научен горьким опытом! Если б я затеял судебное дело, то все американские газеты — за считанными исключениями — весьма обрадовались бы новости о том, что я истязаю жену, и донесли бы ее с многочисленными подробностями до своих читателей.

Да, я все больше убеждаюсь, что печать взяла себе у нас слишком много воли. Не ощущая здорового, сдерживающего влияния, газеты превратились буквально в проклятие Америки и еще погубят, того и гляди, нашу страну.

Еще несколько размышлений об американской прессе...

Когда в беседе с репортером, явившимся для получения интервью, приходится делать какое-нибудь сообщение, то тут же надо поделиться другим сообщением, полностью противоречащим предыдущему. Тогда репортер уйдет с такой кашей в голове, что он вовсе не сможет использовать полученный материал.

* * *

Самая плохая из всех написанных мною статей, статья, которую я сам же разорвал и выбросил в корзину, была все же более достойна внимания читателей, нежели любое интервью со мной, напечатанное в газетах.

Газеты приписывают моей персоне всякие высказывания, вкладывая слова мне в рот,— уж лучше б они запихивали мне в рот мусор с мостовой!

Заметки о политике

(По поводу президентских выборов в США в 1900 году)

Я — профан в финансовых вопросах и всегда был таковым, но знакомые ловкачи-финансисты утверждали, что м-р Брайан[1] — по этой части человек ненадежный. Я сказал себе: «Нечего, значит, голосовать за Брайана». Но тут же у меня возникла мысль, превратившаяся вскоре в уверенность, что Мак-Кинли нехорошо повел себя в отношении Филиппин. Поэтому я не пожелал голосовать ни за того, ни за другого кандидата и сохранил свой избирательный бюллетень в чистоте и непорочности — до каких-нибудь других выборов. Я не стал голосовать за бредовые финансовые теории, но я также не голосовал за человека, который гонит наших юношей в качестве добровольцев на Филиппинские острова, чтоб они сложили там головы под опозоренным американским флагом.

* * *

Американские женщины видят, как их отцы, мужья и братья, тупо отсиживаясь по домам, позволяют всяким подонкам устраивать предвыборные съезды и выдвигать кандидатов на государственные должности из своей собственной гнусной среды, а затем безропотно подают голоса за этих кандидатов. Наши женщины живут в стране, где нет конца законам, но не заметно даже начала претворения их в жизнь.

* * *

Меня хотят отправить за границу в качестве посланника или консула. Я заявил, что меня этот пряник не прельщает. Бог свидетель, я и так достаточно груб и ленив, хоть и не являюсь американским консулом.

* * *

Характерная черта американцев — грубость. Мы — нация невеж. В этом отношении мы продвинулись далеко вперед, или назад, или в сторону от всех других наций, как первобытных, так и цивилизованных.

Нас называют нацией изобретателей, но другие нации тоже известны своими изобретениями. Нас называют нацией хвастунов, но ведь другим нациям тоже свойственно хвастать. Еще говорят, что мы энергичная нация, но существуют нации, которые энергичны не меньше нашего. Только по неучтивости, невоспитанности, грубости мы занимаем первое место в мире, если не считать ада, о котором точных сведений пока нет.

* * *

Почему Китаю на самом деле не избавиться от иностранцев, которые приносят китайскому народу одни только беды? Если бы иностранцы убрались оттуда восвояси, каким прекрасным краем стал бы Китай — для китайцев!

* * *

Весь христианский мир — это военный лагерь. В некоторых странах бедняки доведены уже до голода гигантской гонкой вооружений, которую проводят их правительства, чтоб защитить себя от других христолюбивых держав, а заодно прибрать к рукам любой клочок территории, оставленный без должного присмотра соседом послабее.

[1] Уильям Брайан являлся кандидатом на пост президента США от демократической партии; одним из пунктов его программы было требование заменить золотой стандарт серебряным. Кандидатом республиканской партии был Уильям Мак-Кинли — ставленник наиболее оголтелых империалистических кругов. (Прим. редакции.).

О природе творчества юмориста

Только тот юмор будет жить, который возник на базе жизненной правды. Можно смешить читателей, но это — пустое занятие, если произведение не имеет в своей основе любви к людям.

Многим невдомек, что это требует от юмориста такой же способности видеть, анализировать, понимать, какая необходима авторам серьезных книг.

Афоризмы и шутки

Правильная дозировка афоризма: минимум слов, максимум смысла.

Мы часто испытываем грусть, слушая музыку без слов, но переживаем еще большие страдания, когда слушаем музыку без музыки.

Избегайте тех, кто старается подорвать вашу веру в возможность добиться чего-то значительного в жизни. Эта черта свойственна мелким душонкам. Большие люди, напротив, внушают вам чувство, что и вы можете стать большим человеком.

Дождь, как известно, поливает с одинаковой силой и грешных и праведников. Вот если бы мне поручили распоряжаться дождем, то хороших людей я стал бы кропить легонько и ласково, а для тех, кто делает черное дело, учинил бы потоп!

Близорук, как редактор, который стирает носом то, что написал пером.

Он обладал спокойной верой в провидение, присущей христианину, у которого оказалось в руках четыре туза.

Перевела с английского В. Лимановская

По ту сторону...

СОВРЕМЕННЫЕ МИТРОФАНУШКИ

Опрос, произведенный среди 4 752 американских студентов, показал их поразительное невежество.

Бельгию, Египет, Канаду, Маньчжурию американские студенты назвали балканскими государствами. Больше половины опрошенных не могли даже приблизительно ответить на вопрос, как велико население США. Около 500 студентов оценили народонаселение США меньше чем в 10 миллионов человек. Другие считали, что в США, пожалуй, наберется до 500 миллионов жителей. Некоторые, видимо, страдающие манией величия (или манией невежества), настаивали на том, что население США исчисляется миллиардами. Против этого возражали те из американских студентов, которые были уверены, что население всего земного шара едва достигает 100 миллионов. Нашлись «эрудиты», утверждавшие, что население земного шара составляет 200 миллиардов человек.

Только небольшая часть опрошенных могла назвать все штаты Америки; иные не имели ни малейшего представления о том, где находятся Германия, Франция, Англия.

Что говорить, большие

достижения у американских студентов на научном фронте!

К чему учиться, когда можно с высоты величия взирать на страны народной демократии, когда при каждом удобном и неудобном случае американской молодежи внушают, что она вершина культуры, вышка пирамиды всей цивилизации. Какая же надобность учиться самым элементарным вещам? Зачем обременять себя знаниями?

Бейз-болл, бокс-митинг, наиболее эксцентричные виды спорта,— вот и все, что им полагается знать.

Из немецкого журнала «Ди Вельтбюне»

«ХРАМ НАУКИ»

Организованный при Фордхэмском католическом университете в Нью-Йорке иезуитский колледж занимается подготовкой «кадров» шпионов диверсантов и разведчиков для засылки их в СССР и страны народной демократии.

Американский «храм науки» —
Фордхэмский университет.
«Студентам» в нем не книги
в руки,
а нож, отмычка и кастет!

«Вуз» этот — гордость
Вашингтона:
ведь в нем готовят из тупиц
дипломированных шпионов
и аттестованных убийц!

И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

В мире растений семейство кактусовых выделяется не только многочисленностью своих видов, но также исключительной оригинальностью форм.

Сочные, толстые стебли кактусов поражают своим многообразием: то они похожи на колонну или канделябр, то на дыню или ежа, то на зазубренный меч или набухший лист. Еще более удивительны тысячи вариантов их самых необыкновенных гибридов. Почти все кактусы усеяны белыми, серыми, черными, красными, желтыми или пестрыми колючками, а иные из них густо покрыты волосками.

Цветы кактусов вспыхивают как бы диковинным пламенем всевозможных оттенков, создавая редчайшие контрасты. У некоторых видов кактусов цветы обладают очень сильным приятным запахом — ванили, дыни, яблок, земляники, магнолии...

В комнатных условиях кактусы неприхотливы, но содержание и воспитание их основано на соблюдении строгого режима. Перестановка их с места на место вредна. Нельзя также поворачивать их, как другие растения, а надо держать всегда одной и той же стороной к свету.

А филлокактусы, например, растут в комнате даже лучше, чем в оранжерее. Они вырастают до 60—70 сантиметров, хорошо кустятся, легко размножаются, цветут с апреля до июня, а иногда и повторно, с сентября по ноябрь, выбрасывая до ста красивых цветков в год. Цветы у филлокактусов желтые, огненно-красные, пурпурно-розовые, яркофиолетовые, темнорозовые, сливочно-белые, темнооранжевые, бледнорозовые и другие. Однако на окнах, выходящих на север, филлокактусы почти никогда не цветут.

В зимнее время кактусы нельзя ставить прямо на подоконник: необходима подставка,— так как зимой даже деревянные подоконники, остывая, отнимают тепло от горшков, поэтому у кактусов заболевают корни. Следует также следить, чтобы летом корни кактусов не пострадали от солнечного припека, когда прямые лучи солнца падают не только на растения, но и накаляют стенки горшков. Горшки надо притенять тонким картоном или загораживать их другими низкорослыми растениями, не боящимися солнечного света. Чаще всего горшки с кактусами помещают в деревянный во всю ширину окна ящик на ножках. Кактусы расставляют в ящике так, чтобы меньшие из них были ближе к свету, и засыпают пространство между горшками песком.

Зимой у окна комнатная температура в 10—15 градусов тепла вполне достаточна для многих кактусов.

В состоянии покоя кактусы почти не нуждаются в поливке: их поливают теплой водой и лишь настолько, чтобы они не засохли. С половины сентября и весь октябрь полив производят слегка раз в неделю, а иногда и реже. В ноябре и декабре эти промежутки увеличивают до 15 дней. В январе и феврале, когда заметно прибывают солнечные дни, поливают раз в 10—12 дней. При обильной поливке от застоя воды в горшках могут заболеть даже растущие и цветущие в зимнее время рипсалисы, филлокактусы и эпифиллюмы. Твердую корочку, образующуюся на поверхности земли в горшках, следует разрыхлять, но осторожно, чтобы не повредить корней, а мох удалять.

Наилучшее время для пересадки кактусов — во второй половине марта и в апреле, в самом начале их вегетации, а для многих маммиллярий и филлокактусов — по окончании их цветения.

Весной, при более сильном доступе света, тепла, влаги и воздуха, комнатные кактусы снова двинутся в рост.

П. ЧУМАК

УТКА НА ЗИМОВКЕ

Птицы улетели на юг. Тихо стало на скованных льдом озерах. Камыш пожух, припала к земле трава.

Я жил в селе Дубровном, на Севере Казахстана. Вокруг села много озер — приютных мест для пернатых. Село лежит на пути перелета птиц. Весной и осенью любо послушать перекличку гусей в поднебесье. Однажды по первой пороше вернулся я из леса, а хозяйка мне говорит:

— У нас диво!

— Что такое?

— Утром вышла я во двор и, батюшки мои, над домом летит касатая!

— Утка! — удивился я.

— Касатая! Своими глазами видела.

Весь вечер мы проговорили про необычную зимовщицу. Это был первый случай, когда утка осталась у нас на зимовку. Как-то она перенесет суровые морозы? Где добудет корм?

— Погибнет крянуха! — порешили мы.

— Да не дворовая ли? — еще раз переспросил я.

— Глаза у меня, слава богу, зоркие, а касатую за версту распознаю! — обиделась хозяйка. — На Кривое озеро летает. Видно, на колхозный ток.

Утром и я увидел крякву. Она опять пролетела над нашим домом. Потом каждый день утром и вечером кто-нибудь из нас видел утку. Как-то в феврале разыгралась сильная вьюга. Два дня кряква не пролетала. На третий день перед вечером я встал возле дома, в затишье, и стал ждать. Ветер гнал тучу снега, и на моих глазах у дома вырастал сугроб. «Опасно лететь. Отсиживается!» — думал я об утке. И вот в это время она появилась над нашим домом. Ей трудно было лететь, но она боролась с ветром и стремилась на Кривое. Сколько требовалось силы, чтобы выдержать порывы ветра и преодолеть завесу снега!

Позже я узнал: кряква действительно кормилась на току, как мы и предполагали. Когда снег покрыл землю, утка выбрала место с подветренной стороны скирда пшеничной соломы, где не было снега, и шелушила колосни, добывая корм. Зимовала утка на болоте, заросшем густой и высокой травой. Возвращаясь с кормежки, утка садилась близко от гнезда, делала шага три и попадала в теплое место — под траву, прибитую снегом.

По моим предположениям, кряква была легко ранена на этом болоте и в дальний путь лететь не могла.

Судьба кряквы нас так заинтересовала, что мы считали за обязанность выходить на зорях из дома и ждать пролета утки.

— Пролетела! — возвращаясь в дом, говорил кто-нибудь из нашей семьи. И всем нам становилось веселее.

Но вот дни стали теплее. На увалах показались проталины. В конце апреля я увидел первую стаю уток, прилетевших с юга. В эту минуту летела над селом и наша зимовщица. Увидев стаю, она громко закрякала, будто говорила: «Я вас долго ждала. Мне было нелегко, но я дождалась весны!»

Зимовщица примкнула к стае.

П. ОСИПОВ

В этом номере помещены репродукции картин Н. И. Мурашко «Над Днепром», В. Д. Орловского «Хаты в летний день» и «Жатва», К. А. Трутовского «Свадебный выкуп» и четыре страницы цветных фотографий.

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

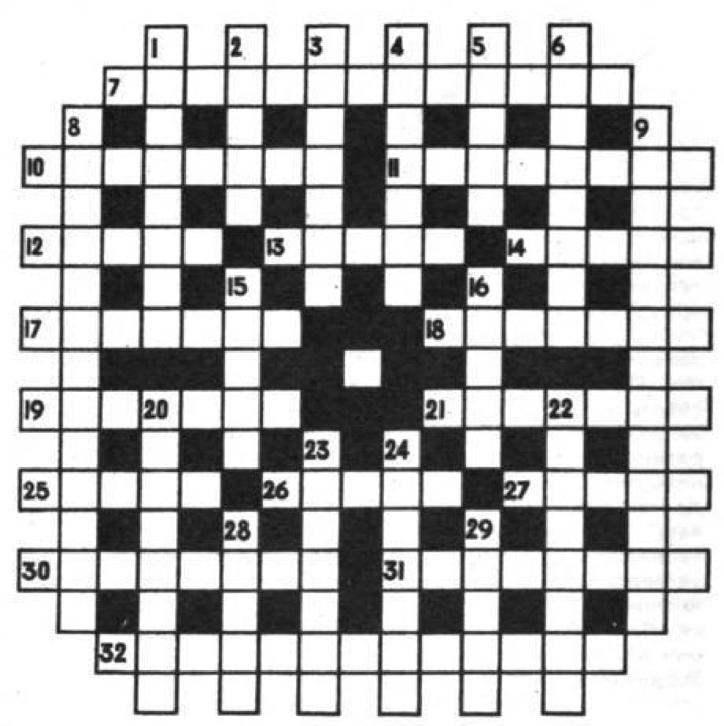
И ПОХОРОННЫЕ ДРОГИ...

Торговая палата в Клерксдорп (США) разослала всем местным похоронным конторам следующее циркулярное письмо:

«Семьям белых тягостна мысль, что катафалк, служивший для перевозки на кладбище негра, может быть затем использован для похорон белого. Поэтому мы просим вас предусмотреть особые погребальные дроги для негров».

Из французской газеты «Юманите-диманш».

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Знаменитый русский мореплаватель. 10. Растительность на голове. 11. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 12. Минимальное количество жидкости. 13. Часть огнестрельного оружия. 14. Мебель. 17. Род тетради. 18. Русский поэт. 19. Прибор для измерения углов. 21. Советский конструктор самолетов. 25. Чешский писатель. 26. Неоконченный роман М. Ю. Лермонтова. 27. Горизонтальная горная выработка. 30. Подразделение в войсковых частях. 31. Известный русский скульптор. 32. Повествовательная художественная литература в прозе.

По вертикали:

1. Небольшая улица. 2. Способ хода или бега лошади. 3. Музыкальный термин. 4. Химический элемент. 5. Советский писатель. 6. Запись исторических событий древнего времени. 8. Наука о внутреннем строении металлов. 9. Наука о товаре. 15. Болгарский поэт. 16. Фигура высшего пилотажа. 20. Непосредственный свидетель события. 22. Мучное изделие с творогом. 23. Электромагнитный прибор в двигателях внутреннего сгорания. 24. Наркотическое вещество. 28. Инструмент для выравнивания выстроганной поверхности. 29. Создание воображения, мысленный образ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД В № 2

По горизонтали:

1. Оплот. 4. Галоп. 7. Селектор. 8. Чаплыгин. 12. Речь. 13. Территория. 14. Анод. 15. Климат. 17. Вертун. 18. Уэринг. 22. Характеристика. 23. Основоположник. 26. Губкин. 27. Запись. 28. Строфа. 32. Лунь. 33. Палиашвили. 34. Ямал. 37. Ценность. 38. Интуиция. 39. «Ермак». 40. Вафля.

По вертикали:

1. Отличник. 2. Лука. 3. Творец. 4. Гравий. 5. Лель. 6. Погонщик. 7. Сурик. 9. Недуг. 10. Проектирование. 11. Поручительство. 16. Арабески. 19. Эвкалипт. 20. Кастор. 21. Стража. 24. Обоняние. 25. Формация. 26. Голец. 29. Аллея. 30. Ластик. 31. Блинов. 35. Корм. 36. Шурф.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А 01303. Подписано к печати 8/I 1952 г. 5½ печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 784. Заказ № 3117. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

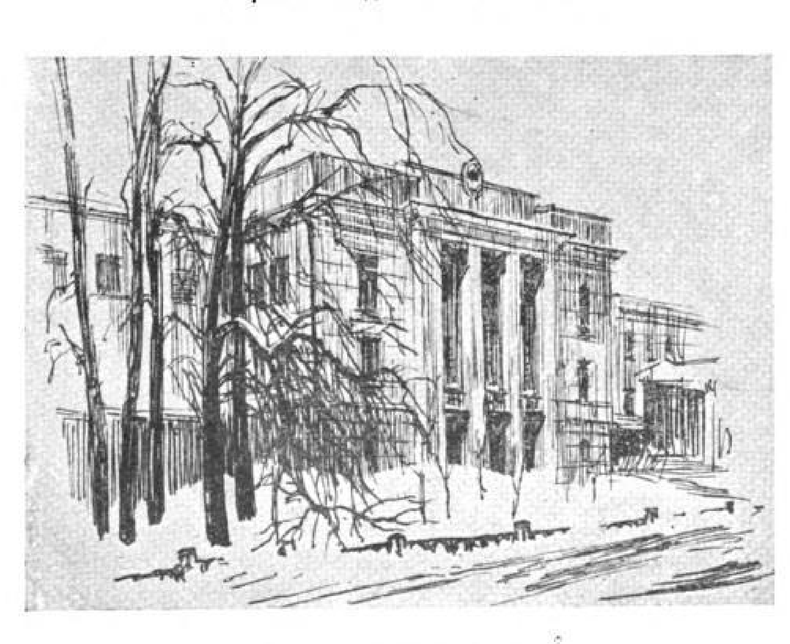
В БАШКИРСКОЙ АССР

ЗАРИСОВКИ

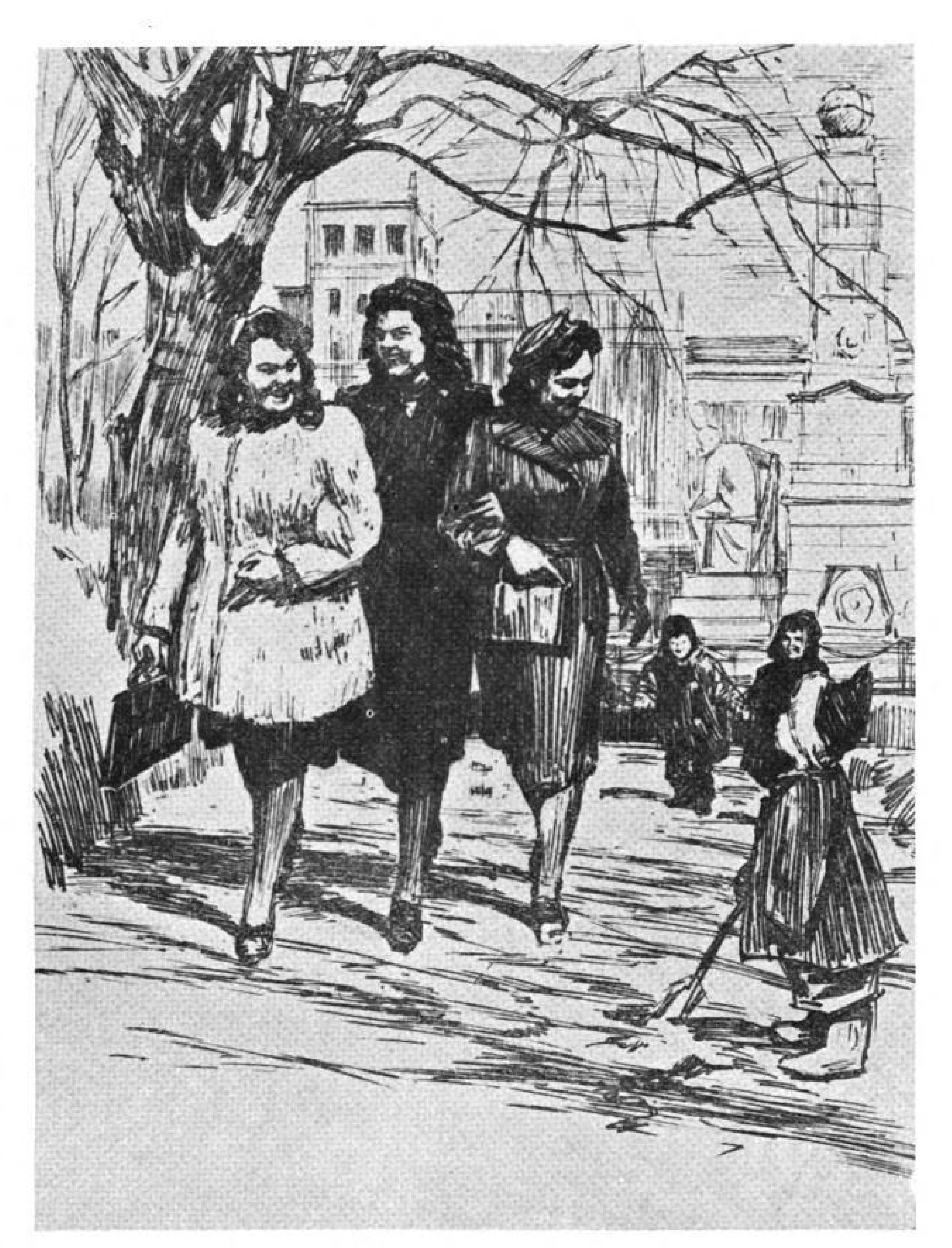
ХУДОЖНИКА С. БРОДСКОГО

В Уфимской детской библиотеке.

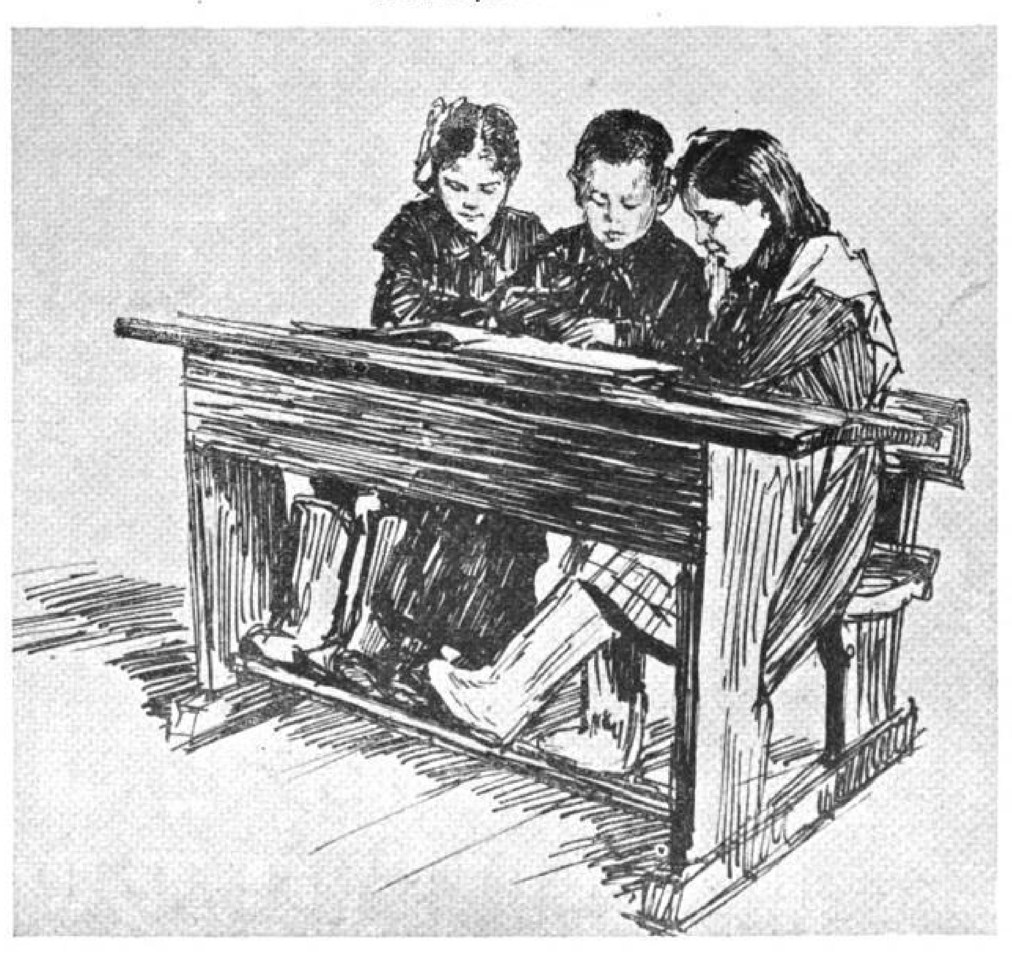
Медицинский институт.

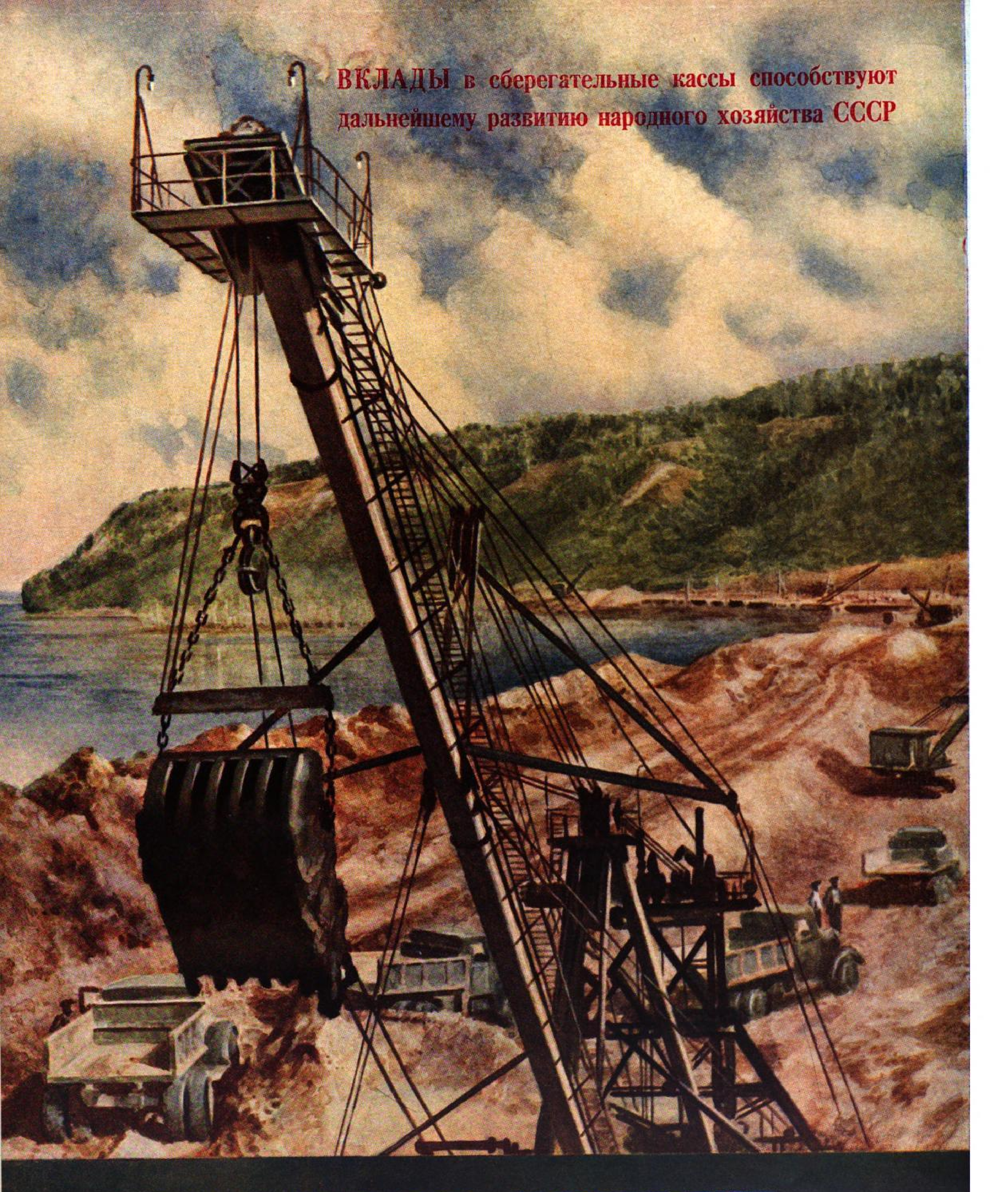

Уфа. Парк на улице Ленина.

В башкирской школе.

ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ
В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ!